

Григорий Шнитман

Как это было...

Ашдод, Израиль
2015

*Нашему отцу Меиру,
спасшему нам жизнь, посвящаю...*

Глава 1

На кладбище в городе Холоне (Израиль) по инициативе Радошковичского землячества (Циля Зильбург) много лет назад был создан мемориальный памятник евреям, уничтоженным в гетто Радошковичского района (м. м. Радошковичи, Раков, Красное и Городок).

К сожалению, в связи с известными печальными обстоятельствами, с каждым годом все меньше и меньше бывших жителей этих мест приезжают на проведение траурного мероприятия.

На мемориальной доске, где пофамильно перечислены все уничтоженные в г. Радошковичи, значатся: Шнитман Ента с семьёй, Шнитман Рувен с семьёй, Шнитман Голда с семьёй, Бампи Гилель с семьёй, Бампи Моше с семьёй, Годес Малка и Лейзер с семьёй, Шнитман Мелех с семьёй. Это все мои родственники: бабушка, дяди и тётки, двоюродные братья и сёстры, всего 30 человек. В Зале имен музея Яд-ва-Шем заполнены листы свидетельских показаний на всех. Из всей большой родни остались в живых только дядя Эля, перешедший до 1939 года нелегально польско-советскую границу и получивший как «шпион» 10 лет ГУЛАГа. А также двоюродный брат Миша, окончивший ФЗО строителей в 1940 году и направленный на Урал на строитель-

ство военных объектов, и наша семья: отец Шнитман Меир (47), мать Хая (41), брат Яков (16), сестра Ира (9) и я Григорий (14).

Нас часто спрашивают, как получилось, что наша семья и семья Шафир, в отличие от других, смогли уцелеть в той страшной войне.

Идет время, все меньше остается очевидцев того времени и событий. Поэтому я решил поделиться своими воспоминаниями о сохранившихся в памяти первых днях и неделях войны и о том, как мы смогли выбраться живыми из той страшной бойни, которую учинили нацистские оккупанты.

До войны наша семья жила в городском поселке Радошковичи, что в 40 км от Минска на шоссе Минск-Молодечно-Вильнюс. Радошковичи было типичное польским местечком с преобладанием еврейского населения на старой (до 1939 г.) польско-советской границе. Евреи вели традиционный образ жизни. Было 4 синагоги, еврейская школа с преподаванием на идиш.

Приход Красной армии евреи встретили со смешанным чувством. Все надеялись на ликвидацию безработицы, антисемитской пропаганды, которая усилилась после 1938 г., неравенства в правах и на получение высшего и среднего образования и т. д. В то же время была проведена национализация крупных торговых и промышленных предприятий, хозяева которых, а также мелкие лавочники и др., оказались без всяких средств к существованию. Закрыли синагоги и еврейскую школу по «просьбе трудящихся». Ученикам и родителям настоятельно твердили, что преподавание на идиш будет препятствием к поступлению в вузы. Многих домовладельцев уплотнили, поскольку потребовалось жильё для прибывших из восточных областей служащих вновь образованных учреждений и организаций. Некоторые семьи подверглись депортации.

На рассвете 22 июня 1941 г. нас разбудил воющий шум самолетов, направлявшихся на восток. По звуку были предположения, что это не советские самолеты. Только в 12 часов из речи Молотова по радио стало известно, что «дружеская» фашистская Германия нарушила пакт о ненападении, вероломно напа-

ла на Советский Союз и бомбила ряд городов. В последующие два дня самолеты, не встречая никакого сопротивления, несколько раз на бреющем полете обстреливали Радошковичи из пулеметов.

Недалеко от нашего дома находилось старинное еврейское кладбище, заросшее деревьями и кустарником. Мы, вместе с семьёй Шафир, Иосиф и Сара (49 и 46), сыновья Юра и Яша (21 и 13), дочери Рая и Фаня (19 и 9), днем там находились, полагая, что в тех условиях кладбище может быть более безопасным местом.

24 июня 1941 г. днем мы встретили знакомого милиционера Сашу Юховича, сообщившего, что в милиции есть сведения, что немецкие войска почти достигли г. Молодечно, всего 32 км от Радошковичей. Это было как гром среди ясного неба.

В связи с этим большинство работников районных партийных и советских учреждений (в основном выходцы из восточных областей Союза) стали поспешно уезжать на восток на мобилизованном для этой цели гужевом транспорте.

В этой сложной обстановке необходимо было незамедлительно принять соответствующее решение.

Наши родители, располагая некоторыми сведениями (от еврейских беженцев из Западной Польши, из писем соседа Старобина из немецкого плена) о бесчеловечном отношении нацистов к евреям, приняли очень сложное, болезненное и, как впоследствии оказалось, правильное решение: оставить все имущество, взять только некоторые носильные вещи и, поскольку никакого транспорта у нас не было, идти пешком в Минск, где жили наши родственники, и у них переждать эту беду. Это был какой-то шанс спастись, ибо были уверены, что Минск будет немцам не по зубам.

Никто в ту пору даже в кошмарном сне не предполагал, что, при «непобедимой» Красной Армии, которая, если враг нападет, будет «вести победоносную войну на его территории» и при наличии Минских укрепленных районов (УР), фашисты за

неполную неделю после начала войны окажутся в Минске (за 350 км от границы).

О стремительном наступлении фашистских захватчиков можно судить по тому, что уже 24 июня был занят г. Вильнюс (150 км от границы), 25 июня – г. п. Радошковичи (158 км от Вильнюса и 40 км от Минска), а 28 июня немцы заняли Минск.

Таким образом, за первую неделю войны немцы углубились на нашу территорию примерно на 350 км, а Красная армия потеряла убитыми 340 тыс. солдат и офицеров, почти всю Прибалтику, всю освобожденную в 1939 г. Западную Белоруссию и город Минск. Тем не менее, в перечне стратегических операций это, мягко говоря, отступление (бегство) числится соответственно, как Прибалтийская и Белорусская стратегические оборонные операции первого периода войны (22.6.1941–9.7.1941) (Против нацистского врага, *Летопись*, том 4, стр. 315).

О нашем решении мы сообщили своим родным и предложили уйти пешком вместе с нами. К сожалению, убедить их в этом не удалось.

Они остались, и были уничтожены фашистами. При погроме 11 марта 1942 года было убито 836 евреев (их загнали в сарай и подожгли его, кто не поместился в сарае – расстреляли) и 7 марта 1943 г. – 340 человек, в том числе 30 человек моей родни. Поводом для проведения второй акции послужило найденное у двух узников гетто оружие. Рассказывают, что мои дяди Гилель и Моше Бампи, как специалисты – кузнецы, могли остаться в живых, однако они от этого отказались и приняли мучительную смерть вместе со своими семьями.

Почему же они не последовали нашему примеру? Причин этому много: вера советской пропаганде о непобедимости Красной армии, суждениям о лояльном поведении немцев по отношению к евреям во время 1-ой Мировой войны, неизбежность покинуть с трудом нажитое имущество, но главное – в семьях имелись старики, больные и малолетние дети, которые не смогли бы пешком преодолеть предполагаемое расстояние. Немаловажное значение имело то, что в условиях стремительного на-

ступления фашистских войск времени на обдумывание не было. Решение нужно было принимать в считанные часы, а это оказалось непосильным для многих.

Во второй половине дня 24 июня 1941 г. наша семья и семья Шафир с узлами за плечами двинулась по Минскому шоссе в направлении старой польско-советской границы.

Прошли мы около 3 км и возле деревни Рогово, где была пограничная застава и пропускной пункт, нас задержали пограничники, которые и после 1939 г. непонятно от кого охраняли старую границу, требуя соответствующие документы на ее переход. Около пропускного пункта собралось очень много народу разных национальностей (по данным ЦСУ СССР на 15.9.1941 г. В списках эвакуанаселения доля евреев 24,8%), прибывшего пешком, на автомашинах, мотоциклах, велосипедах и подводах из Прибалтики и некоторых западных областей Белоруссии. Им, как и нам, не у кого было получить эти пропуска, ибо соответствующие местные руководящие работники убежали раньше нас. Членов компартии пропускали по предъявлении партбилетов, а остальных – при поручительстве обладателей этих билетов.

Нам, можно сказать, повезло, что в этом месте и в это время оказался первый секретарь РК ЛКСМБ Соколов, который знал моего брата и старших детей семьи Шафир, как активных комсомольцев, и поручился за всех нас. Можно себе представить, что стало назавтра с теми, кого не пропустили, когда на пропускном пункте оказались фашисты.

Мы продолжали путь на Минск по шоссе. Прошли деревни Новый двор и Юзефово, где по нашим предположениям должны находиться сооружения Минского укрепрайона. Слева по дороге возвышался одинокий ДОТ. Никакого движения возле него не было, поскольку после 1939 г. все вооружение было вывезено на новую границу и укрепрайон законсервирован. Занять же боевые позиции войска Красной армии не успели, поскольку немцы оказались намного проворнее их.

Этот же ДОТ маячил по дороге и после войны, по крайней мере, до нашей репатриации в 1991г.

С испорченным настроением мы двинулись дальше. Вечером 24 июня 1941 г. на последнем перекрестке на Минск нас остановили красноармейцы и не пропустили в Минск, над которым виднелось огромное зарево и клубы дыма от пожаров. В этот день были самые интенсивные бомбардировки Минска. Немецкий полевой комендант в сообщении 20 оперативной группе «Б» докладывает: «Центр города в результате воздушных налетов и пожаров полностью уничтожен (разрушен). Частично уцелели здания университета, дома Красной армии, оперный театр и Дом правительства. Город остался без света и воды. Руководящие политические и государственные работники сбежали». (НАРБ. Ф. 4683, оп. 3, д. 948 л. 80–81).

Недалеко от перекрестка в деревне Острошицкий городок находился опустевший к этому времени дом отдыха. Мы, как и другие беженцы, направились туда на ночлег. Там нас накормили и разрешили переночевать.

На следующий день возникла проблема – куда идти? Не передать, что мы пережили, осознав, что первоначальная цель – дойти до Минска – невыполнима. Нервы были напряжены до предела. Возникла мысль вернуться назад, учитывая, что ушли недалеко, примерно 30 км. Этот вопрос решился сам по себе, когда вновь прибывшие беженцы сообщили что немцы уже в Радошковичах. Мы обходным путем тронулись в направлении г. Борисова, можно сказать в неизвестность.

Попытка двигаться по автомагистрали на ближайшую железнодорожную станцию успехом не завершилась. По ней двигались отступающие войска, колонны автомашин и подвод с эвакуированными руководящими партсоветскими работниками. Нам же запрещали двигаться по шоссе, поскольку мы мешали движению колонны и увеличивали и без того существующую неразбериху, особенно при авианалетах. В связи с этим мы выбирали в основном грунтовые проселочные и лесные дороги. Это хотя и удлиняло наш путь, но зато были места, где можно

было спрятаться от огня из самолетов. Самолеты часто облетали нас на низкой высоте и обстреливали из пулеметов, хотя фашистские летчики видели, что по дороге бредут старики, женщины и дети с узелками за плечами. После таких налетов зачастую на дороге оставались лежать раненные люди, которым во многих случаях никто не мог оказать медицинскую помощь.

Где-то 27 или 28 июня мы, изможденные, голодные, с разбитыми ногами, можно сказать, еле живые, добрались до г. Борисова. Здесь наш отец Меир как сел на траву отдохнуть, так и не смог подняться. Говорили, что у него «отнялись ноги».

На мой взгляд, сказались большие физические и нервные нагрузки и груз ответственности за принятые решения в целях спасения семьи.

Кроме физической усталости от почти 100 км перехода Радощковичи – Острошицкий Городок – Борисов, отцу пришлось самому нести основной груз, который мы захватили с собой, и часто и наш детский груз. Сказывался и недостаток пищи, которая в первую очередь предлагалась нам, детям, а потом себе и маме.

Пока мы сидели возле отца, взрослые искали жильё, где можно было бы остановиться.

Они встретили пожилую еврейскую женщину, которая жила в доме одна, поскольку ее сын с семьей уехал перед войной в отпуск. Она боялась грабителей и согласилась принять нас у себя. Она же порекомендовала взрослым членам наших семей поискать временную работу уборщиками, посудомойками в заводскую столовую. Впервые после 24 июня мы употребляли горячую пищу.

К сожалению, такая жизнь быстро закончилась. В конце месяца начались военные действия, и нам пришлось под обстрелом оставить г. Борисов.

Когда мы вышли из зоны боевых действий, родители решили продолжить движение в обход магистральных дорог по лесистой местности в направлении райцентров Холопеничи и Сенно и т. д. (отец в Первую мировую войну непродолжительное вре-

мя служил с этих краях и поэтому немного ориентировался на местности).

Машины, повозки и люди под палящим солнцем двигались непрерывным потоком. В этом потоке были и отступающие, потрепанные, разрозненные подразделения Красной Армии. Они больше походили на деморализованные группы солдат, голодные, постаревшие от невзгод, подчас безоружные, или с винтовками с ограниченным количеством патронов, которые они берегли на случай необходимости отстреливаться от немецких десантников и мотоциклистов.

По дороге стало больше появляться брошенных автомашин из-за отсутствия бензина или неисправности.

Пару раз нам повезло, когда по соседству с нами оказывались организованные подразделения с кухней, тогда нам кое-что перепадало, во всяком случае, кипятка не жалели.

Не всегда соседство с красноармейцами было безопасным. Был случай, когда нас пытались признать шпионами и стали проверять не только документы, но и обыскивать, в расчете найти что-либо. Но что они могли найти... Если и было что-то ценное, оно давно было обменено на продукты питания.

Были случаи, когда поток беженцев, наткнувшись на немецких десантников, возвращался назад. Тогда мы сворачивали в лес и по бездорожью, лесными и полевыми дорогами, обходили их.

Питались, чем попало. Уже во вторую неделю ни денег, ни вещей для обмена на продукты не было. Значительная часть населения сочувствовала беженцам, проявляла милосердие и давала что-нибудь поесть.

Однако было немало таких, которые не только не пускали в свои дворы, чтобы воды напиться, но и злорадствовали и провожали нас возгласами типа «кончилась ваша лавочка», «немцы вам покажут», «из-за вас началась война» и т. п. Не исключено, что некоторые из них, впоследствии стали пособниками фашистских оккупантов в деле уничтожения евреев, в том числе и своих соседей, ради личной выгоды и присвоения чужой соб-

ственности. Короче говоря, было все – и акты гуманизма и бесчеловечности.

За день от жары, жажды, недоедания, обстрелов и неопределенности мы так уставали и изматывались, что только и думали о том, как бы скорее остановиться на ночлег.

Особенно тяжело приходилось нашим девятилетним девочкам Ире и Фане. Они естественно быстро уставали, часто плакали и хныкали от усталости, боли и безысходности, с большим трудом вставали после отдыха. Мы все всячески пытались облегчить их судьбу: чаще останавливались на отдых, когда можно было, удлинляли время отдыха, нередко носили их на руках, перераспределяя между остальными груз, старались подкормить и т. п.

Очень многие высказывают сомнение, что такие малолетки смогли пройти такой многокилометровый путь пешком. Сказать по правде, если бы я не был очевидцем, то также бы не поверил, что такие девочки мужественно смогли перенести все трудности, тяжести и лишения, которые выпали на их детскую долю.

Ночевали, где придется, чаще в лесу под открытым небом, благо было тепло и без дождей. Однажды пришлось ночевать на каком-то кладбище. Один раз мы попали под сильный ливень, и в считанные минуты наша одежда и узлы так промокли и отяжелели, что пришлось оставить те немногие вещи, что взяли с собой.

Иногда люди сочувствовали нам и пускали на ночлег в дома, сараи, под навесы. Немного проще с ночлегом было в райцентрах Холопеничи и Сенно Витебской области. Мы с согласия соседей занимали жильё в еврейских домах, хозяева которых выехали на восток.

В этих районах начали работать эвакуопункты и желающих отвозили на железнодорожную станцию Богушевск, а затем поездом до Орши и далее в глубину Союза. К сожалению, пришлому эта услуга оказывалась в последнюю очередь, когда оставались места.

Спрашивается, почему власти Белоруссии, видя стремительное наступление немцев в первые дни войны, прежде чем сами «слиняли» из Минска, не объявили эвакуацию или хотя бы предупредили граждан о грозящей им смертельной опасности в условиях оккупации. Сколько десятков тысяч человек можно было спасти этим! Ведь нормальному человеческому разуму недоступна была сама мысль о грядущей еврейской трагедии.

Напрашивается ответ: не способны были на такую смелость, не могли или, хуже всего, не хотели.

После того, как первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко со своими соратниками уже 25 июня оказался в г. Могилеве, он опасался обвинения в бегстве и трусости. Когда все обошлось, он в своих воспоминаниях стал обелять себя и доказывать, что сумел организовать плановую эвакуацию промышленности и жителей Белоруссии. Эта грубейшая лож смутила даже его сторонников.

Белорусский исследователь, кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Белоруссии Г. Д. Кнатько указывает: «П. К. Пономаренко пишет в воспоминаниях, что 23 июня 1941 г. ЦК КП (б) Б пришел к выводу о необходимости начала частичной эвакуации и что, позвонив Сталину, он получил разрешение её начать. Сопоставление мемуарных источников показывает, что власти 23 июня принимали все меры, чтобы не допустить паники, даже до использования силы вооруженных отрядов для борьбы с паникерами. Рабочие не имели права покидать предприятия, разговоры об эвакуации карались».

25 июня 1941 г. была организована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР, но эвакуация была уже невозможна из-за разрушенных бомбежкой путей железнодорожного узла и уничтожения части подвижного состава. В результате не могли вывезти оборудование ни одного из более 300 промышленных предприятий г. Минска.

В статье другого исследователя М. Ю. Воронковой «Минск 22–28 июня 1941 г.» есть такие строки: «...что касается населения Минска в целом, вопрос о его эвакуации 23 июня еще не подни-

мался. В этот день автотранспортом из города выехали в основном лишь семьи командного состава Зап. ОВО. Семьи руководства Белоруссии были сначала направлены на дачи ЦК и СНК, ставшие сборным пунктом, а затем вывезены на восток».

И наконец, энциклопедия «Беларусь в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.» утверждает: «До конца первой недели боевых действий западные и центральные области Белоруссии были оккупированы, что практически сорвало возможность массовой эвакуации производительных сил из этих районов» (стр.1).

Примерно в десятых числах июля 1941 г., пройдя более 250 км пешком, мы добрались до станции Богушевск. На ней мы забрались на открытую платформу, загруженную круглым лесом. Товарняк шел на станцию Орша и в пути подвергался бомбардировке.

При авианалетах поезд приостанавливался и все, кто мог, спрыгивали с платформ и бежали в придорожную лесопосадку, кюветы и т. п. Все это сопровождалось отчаянным криком и стоном родителей и плачем детей от страха попасть под бомбы, неудачного приземления, а также от возможности потерять друг друга.

После налета машинист паровоза некоторое время подавал частые гудки, и поезд начинал медленно двигаться. Естественно, что не все успевали на ходу взобраться на платформы и отставали от поезда.

Видя такое положение и то, что бомбы попадали подчас в придорожную посадку, отец запретил нам оставлять платформу и бежать куда-либо, поскольку неизвестно было где безопасней, а отстать от поезда и потеряться – большая вероятность.

Трудно сказать, сколько человек оставалось около железнодорожных путей, сколько родителей потеряли своих детей, сколько детей – родителей.

На всем пути запомнились исписанные объявлениями стены станционных построек, столбы, заборы и т. п., на которых содержались скудные данные о тех, кого ищут и кто ищет, вроде:

«Мама, я жив. Борис из Минска», «Нас везут в Свердловск. Семья Горелик», «Марик, связь через тетю Риту из Куйбышева» и т. д.

Многие впоследствии нашли друг друга, но немало, к сожалению, так и не нашли.

В Орше мы пересели вечером на пассажирский поезд и ночью, в сопровождении осветительных ракет, направляемых по движению поезда немецкими лазутчиками, добрались до Смоленска. В Смоленске уже действовал эвакуационный пункт, где нас регистрировали, дали направление в баню, талоны на питание в столовую, а затем на сформированном из «теплушек» или «телятников» составе оборудовали нары и отправили в Оренбургскую область.

Поезд двигался медленно, пропуская на запад воинские эшелоны. Когда состав останавливался возле какой-нибудь станции, из вагонов выскакивали люди к источникам воды и туалетам, около которых начиналась невероятная толчея, споры, ругань, а подчас потасовка. Многие не успевали набрать воды до того, как состав начинал двигаться. Как не старался человек не отстать от поезда, такое нередко случалось. Отставали взрослые, оставив в эшелоне детей, отставали дети, оказываясь без взрослых.

Глава 2

Мы попали в татарский колхоз в предгорье Урала. Многие колхозники слабо знали русский язык. Когда узнали что мы евреи, стали очень пристально к нам приглядываться, как будто хотели увидеть что-то необычное.

Лето мы проработали в колхозе, но как стало холодать, поняли, что при отсутствии зимней одежды и обуви мы не сможем перезимовать. Решено было поехать в теплые края. Не помню, по какой причине, но после г. Куйбышева оказалось, что нас везут не на юг, а в направлении Сибири. Ничего поделать нельзя было, как говорится, «поезд ушел».

Привезли нас на станцию Осакаровка Карагандинской области Казахстана и распределили в 20 км от станции в поселок н. 5, колхоз «Южный».

Этот поселок создали раскулаченные и депортированные из разных мест в период коллективизации крестьяне, так называемые, кулаки.

Они рассказывали, что их привезли в голую степь, где торчал одинокий столб с надписью на дощечке «поселок н. 5» и сказали: «Здесь будете жить, стройте одноэтажные дома из самана (блоки из глинистого грунта с добавлением соломы, песка и др.), обустраивайтесь».

Климат континентальный: летом сухой и жарко, а зимой сильные морозы, сопровождаемые снежными буранами, при которых видимость не превышала 2-х метров. Бураны заносили снегом дома по крышу, поэтому помещения для содержания домашних животных строились почти вплотную к жилым домам, а сараи – под одной крышей с жилым домом. Двери открывались вовнутрь, чтобы можно было непосредственно из дома прорывать в снегу туннель для выхода наружу. О наступлении бурана сообщалось по радио. Он длился 1–3 дня, поэтому запасались водой и продуктами по возможности. Были случаи, когда люди пытались пробиться к колодцу на противоположной стороне улицы, сбивались с пути, теряли ориентацию и оказывались за пределами поселка в степи (между домами не было никаких заборов или других препятствий), что приводило к неминуемой гибели.

Естественно, что за первое лето пребывания не всем раскулаченным семьям удалось построить себе какое-нибудь жилье, поэтому из-за холода и голода первую зиму на новом месте не пережили большое количество депортированных (говорили – почти половина).

По данным «Мемориала» всего депортации подверглись 6,5 млн. человек. Во время войны депортированы были из родных мест многие народы: балкарцы, ингуши, чеченцы, калмыки, карачаевцы, крымские татары, немцы и др.

Многих из них привезли на поселение в поселок н. 5, где мы проживали.

Высшую власть в поселке представляла комендатура во главе с комендантом. Они нашу семью (5 чел.) определили на постой к семье Киреевых в составе бабушки, ее сына с невесткой и внука Павлика 4-х лет.

Бабушка жила в пристроенной однокомнатной квартире с отдельным входом. Она перешла к детям, а свою квартиру оставила нам. В комнате стояла печка с плитой, которая делила ее пополам. При помощи хозяев за печкой поставили «козлы», накрыли досками (пиломатериал был на вес золота), и получилось спальное место на всех. Было тесновато и изменение положения производилось по команде.

Хозяева помогли нам с посудой и некоторыми другими вещами домашнего обихода, а также кое-какой зимней одеждой для того, чтобы родители и Яша могли ходить на работу. Я и Ира из-за отсутствия теплой одежды в первую зиму в школу не ходили. Ира помогала хозяйке смотреть ее внука и за это она ее немного подкармливала.

Они нам, учитывая свой горький опыт, настоятельно советовали, не откладывая, заняться заготовкой топлива на зиму.

Отопление производилось углем, соломой и кизяком (прессованный навоз с соломой). Уголь был (он добывался в Карагандинском бассейне), но в продажу не поступал. Его иногда привозили в поселок люди, воровавшие его на предприятиях или на железной дороге. Реализацию его производили в порядке обмена на зерно, картофель и др. или за большие деньги, что для нас было неприемлемо.

Нам показали места, где пасется колхозное стадо коров или куда их ригоняют к реке Ишим на водопой, и мы каждый день выходили за 3–4 км от поселка на сбор коровьих «лепешек», которые смешивали с соломой или сухим степным ковылем. Раскладывали в формы и прессовали для того, чтобы занимали меньше места при хранении. В дело шел как сухой, так и мо-

крый коровяк. Таким образом, мы себе на зиму обеспечили топливом, т.н. кизяком.

Родители и Яша всю зиму работали в зернохранилище и овощехранилищах на проветривании зерна и переборке картофеля и овощей, а также на снегозадержании. В связи с этим нам в счет трудодней выписывали из колхоза некоторые продукты.

Очень тяжела была работа по снегозадержанию. Она производилась при морозе 25–30 градусов в чистом поле, где не было никакого укрытия от ветра, не говоря уже об обогреве.

Работа по сбережению влаги заключалась в том, чтобы лопатами нарезать блоки из снега, а затем устраивать из них заборы, которые задерживали снег на посевных полях.

Они приходили домой замерзшие, часто простуживались и болели, к тому же от недоедания их не минула» куриная болезнь» (слепота с наступлением сумерек).

Когда в феврале 1942 г. отца и Яшу в один день призвали в армию, а затем переадресовали в труд. армию (западники, как и дети кулаков, в ту пору еще считались не совсем благонадежными), весной я и мама вышли на работу в овощеводческую бригаду. Использовали меня на разных работах: посадка овощей и картофеля, прополка, очистка от травы оросительных канав, поливные работы и др.

После того, как мужчин стали призывать в Красную армию (2-ая половина 1942 г.), меня перевели на работу с лошадьми или быками на пахоте, бороновании, перевозке сена, соломы, картофеля, овощей и т. п.

Работа в бригаде шла все дни недели. Кормили обедом. Каждый имел право с разрешения бригадира взять выходной в любой день недели. В этом случае предварительно выдавался сухой паек: полкилограмма хлеба, пару яиц, картофеля и огурцов. Не густо, но зато завтрашний обед ждешь как праздник. Следует отметить, что, как правило, все время недоедали, и все время хотелось есть. В поселке была маслобойка, и мы зачастую доставали там жмых на пропитание.

В нашей бригаде, как и во всем колхозе, велся строгий учет отработанного времени, выполнения норм выработки и начисленных в связи с этим трудодней. В конце рабочего дня подсчитывался объем выполненных работ, и утром следующего дня результаты выносились на большой щит для обозрения. Не помню, чтобы кто-то жаловался на неправильное начисление заработанных трудодней.

Несмотря на самые трудные военные годы (1942–1943) и высокий размер обязательных госпоставок сельхозпродуктов, в колхозе производилось распределение небольшой части урожая (зерновых, подсолнечника, сена, картофеля и др.) в соответствии с заработанными трудоднями. Добросовестная работа поощрялась. Так, нашу маму поощрили отрезом на платье. Меня в связи с призывом в армию поощрили ватными штанами, фуфайкой и валенками. Я фуфайку и валенки оставил маме, как более нуждающейся, тем более, что я мог ими воспользоваться только в течение 3–4 дней до переодевания в солдатскую форму.

Впоследствии, когда я работал в радошковичском отделении Госбанка, пришлось несколько лет заниматься кредитно-расчетным обслуживанием колхозов района. В связи с этим много раз посещал колхозы с проверками по вопросам состояния учета, организации и оплаты труда, хозяйственно – финансовой деятельности и т. п. Была возможность сделать сравнение. Должен отметить, что уровень всей этой работы и порядок в колхозе «Южный» в военное время намного превышал состояние работы по этим вопросам в колхозах района, где подчас «рисовали палочки», имея в виду легкие трудодни, которые не имели во многих колхозах реального покрытия.

Все это приводило к тому, что многие колхозники предпочитали больше заниматься своими приусадебными участками в целях получения средств для существования от реализации выращенной продукции. Одновременно, покупая в городах хлеб и хлебобулочные изделия, другие продукты, создавали напряженную обстановку в виде очередей и, подчас, неудовлетворение спроса горожан на ряд продуктов.

Недостаток рабочей силы в колхозах частично компенсировался привлечением на сельхозработы трудящихся из городов.

Все начиналось со студентов, которые начинали учебный год с уборки картофеля в колхозах. Затем стали привлекать работников предприятий и организаций на субботники и воскресники. Но это оказалось недостаточным и для более полной «смычки» между городом и деревней стали спускать разнарядки на отработку каждой организацией определенного количества дней в зависимости от числа работающих. За невыполнение разнарядки руководители и секретари парторганизаций несли партийную ответственность. Особенно страдали от такой практики организации и учреждения, где преобладал женский контингент. Например, у нас в Госбанке работало около 80% женщин, у многих были малолетние дети. Поэтому другим приходилось выезжать в колхозы зачастую непрерывно на 2 и более недели, что приводило к спорам, скандалам, слезам и взаимным претензиям. Дело доходило до того, что при приеме на работу в первую очередь рассматривался вопрос – сможет ли претендент выезжать в колхоз.

Прожив в поселке № 5 два трудных военных года, среди бывших кулаков и их детей, под опекой бывшей кулачки Киреевой и ее семьи, вспомнив уроки истории СССР о ликвидации кулачества как класс, я понял, что ничего не понимаю.

Заканчивая рассказ о жизни в эвакуации (бегстве), хочу отметить, что она была полна тягот, лишений и страданий, и поблагодарить многочисленных сердобольных людей, сочувственно относившихся к нам. Они в трудное военное время, несмотря на различные измышления о евреях и антисемитскую пропаганду, протягивали нам руку помощи, предоставляя во время нашего бегства и эвакуации кров и кусок хлеба.

Глава 3

Едва мне исполнилось 17 лет, как в ноябре 1943 года, меня призвали в Красную Армию и зачислили в полковую сержантскую школу в г. Кокчетаве Казахской ССР.

Курсанты школы обеспечивались питанием по самой низкой норме, и все время были полуголодными. В результате чего к весне, многие курсанты были не в силах выходить за 5 км в поле на тактические занятия.

Вспоминается печально-забавный случай. Наш взвод вступил в караул. Мне и еще двум курсантам выпал вещевой склад. Ночью, когда разводящий повел меня на смену, оказалось, что есть часовой, но нет печати на дверях, которую он принял под охрану вместе со складом.

На беспокойный вопрос разводящего: «Где печать?» Часовой ответил: «Съел». Дело в том, что обычно опечатывание производится сургучной печатью, но за неимением сургуча, приспособили густую томатную пасту. Курсант объяснил, что ночью он страдал от холода и голода. Если ходьбой он немного согревался, то от мысли о еде ни как не мог отделаться. Посмотрев на печать, он решил, что вокруг оттиска печати есть излишняя паста и стал понемногу отщипывать ее.

Когда лишняя паста кончилась, он ненароком отщипнул кусок печати, а потом по принципу «семь бед – один ответ», съел всю печать.

Пришлось разводящему поднимать со сна завскладом, который обругав его, все-таки пошел на пост. Он обошел вокруг склада, проверил, что замки в порядке, взглянул на торчащие концы шпагата и на часового и начал смеяться, а мы за ним.

После этого стали пасту смешивать с чем-то острым и горьким и превратили пасту с несъедобный продукт.

В мае 1944 г. наш полк, в том числе и школа, передислоцировался в освобожденную от оккупации Смоленскую область. Мы, наряду с боевой подготовкой, занимались охраной продовольственных складов с полученным из США продовольствием по

Ленд-Лизу, разыскиванием и задержанием лиц, оставленных и забрасываемых фашистами для шпионско-диверсионной работы в нашем тылу. Здесь норма питания повысилась.

По окончании курса и присвоения сержантских званий, занимались также охраной палаточного лагеря и боевой подготовкой лиц, мобилизованных в армию с освобожденных областей Белоруссии и Молдавии.

После прохождения боевой подготовки нас вместе с ними, а также солдатами, выписанными из госпиталей после излечения, погрузили в приспособленные товарные вагоны и направили в действующую армию на фронт. Мы, молодые сержанты, были назначены старшими по вагонам (в каждом размещалось до 40 солдат).

После отправления эшелона из Смоленска, я обнаружил, что не хватает двух солдат, прибывших из госпиталя. Как выяснилось, они были родом недалеко от Смоленска. С начала войны солдаты не имели информации о судьбе родных, и поэтому решили «заскочить» домой повидаться, а затем догнать эшелон.

Из-за отсутствия связи и переходов между вагонами, доложить об этом начальнику эшелона на ходу поезда не было возможности. Эшелон шел по «зелёной улице» и следующую остановку сделал только в Минске.

За это время я извелся, всё думал, какое наказание получу и чем объясню, что два подчиненных мне солдата, по существу, совершили дезертирство. Видя это, старослужащие меня всячески успокаивали, приводя главный довод: «дальше фронта не пошлют».

На остановке я доложил пожилому майору из запасных о ЧП. Вину, за то, что не уследил, я принял на себя. Вид у меня был подавленный, еще чуть-чуть и расплакался бы.

Мой доклад был принят спокойно. Внимательно посмотрев на меня, майор велел мне успокоиться и объяснил, что даже если они нас не догонят в пути, то по направленному в Военкомат и Военную комендатуру сообщению, их направят на фронт с другим эшелонном и фронта им не миновать. Вероятно, в его

практике такой случай был не первым. С этого неприятного инцидента начался мой командирский путь.

Остановка в Минске была длительной. В скверике недалеко от станции был небольшой базар – «толчок». Торговали там всякой мелочью, меняли «шило на мыло». Набор продуктов был нехитрый – картофель в мундирах, картофельные оладьи, самогон из картофеля и т. д.

В надежде встретить кого-нибудь из знакомых я внимательно всматривался в каждого продавца и покупателя. Это заметил немолодой еврей, бывший узник Минского гетто и партизан, и спросил меня, кого я ищу. Я рассказал ему свою историю. Он ничего не знал о наших минских родственниках, а про Радошковиичи слышал, что там были погромы. В результате погромов были уничтожены почти все евреи местечка.

Так я не по слухам, предположениям и намекам в газетах, узнал от очевидца о погромах и расстрелах евреев на оккупированной территории. Ведь в советских средствах информации, массовое уничтожение евреев описывалось как уничтожение немцами невинных «советских граждан» не упоминая о том, что они евреи. А ведь убивали их не за то, что они «советские граждане», а конкретно за то, что они евреи.

Пропагандистская литература, выходящая в годы войны и после неё, также замалчивала геноцид евреев.

Профессор А. Лейзеров, в своей статье в газете «Новости недели» за 1.2.1995, приводит выдержки из брошюры секретаря ЦК КП (Б) Б. Т. Горбунова «Белоруссия живет, Белоруссия борется» (Москва, госполитиздат, 1943): «Гитлеровцы истребляют мирное население Белоруссии... В Минске истреблено 80 тысяч человек. Почти все они похоронены в длинном рву, за городом. Улица Островского, Колхозная улица и Колхозный переулок, по приказу немецких палачей, были огорожены высокой каменной стеной. Здесь, за этой стеной, замучены тысячи женщин и детей. Их гнали сюда со всего города, долго мучили, изобретая неслыханные издевательства. Такие же массовые казни произведены в Витебске, Орше, Лиозно, Бресте, Червене, Глуске, Слуц-

ке, Быхове, Бешенковичах, Бобре, Полоцке, Лельчицах и в других городах, а также в селах Белоруссии».

Общеизвестно, что упомянутые автором улицы входили в Минское гетто, где не проживали люди других национальностей, и поэтому всё, что написано, относится к Минскому гетто. Автор статьи прекрасно знал, что казни, описанные им, обрушились именно на евреев, которые находились в гетто указанных выше городов. Это было не что иное, как целенаправленное замалчивание геноцида евреев на оккупированных фашистами территориях.

Всю дальнейшую дорогу в моей памяти возникали образы моих родных – дяди, тети, двоюродных братьев и сестер, около 30 человек. Перед глазами часто появлялся образ маленькой красавицы Шуламит, которой было всего два года. И один вопрос: За что? Почему?

Через много десятков лет после этих трагических событий кое-кто объяснил, что все это за свои и чужие грехи. Выходит, что маленькая Шуламит не успев начать жить, была грешна и заслужила такую страшную смерть (?!). Было бы лучше не объяснять ничего.

Глава 4

По прибытии на 1-й Белорусский Фронт, меня зачислили командиром отделения 1-го взвода, 1-й роты, 787 стрелкового полка, который располагался где-то около г. Люблино (Польша).

Весь фронт готовился к предстоящей Висло-Одерской наступательной операции. В частности, на полигоне войска Польского отрабатывались методы взаимодействия разных родов войск и т. д.

Мне запомнились два эпизода, связанные с этим. Сначала теоретически, а потом практически с применением боевых средств, отрабатывалось наступление «за огненным валом». Наступление заключалось в том, что перед атакой пехоты артилле-

рия открывает ураганный огонь по передовым позициям противника. Затем, когда пехота поднималась на атаку, артиллерия переносила огонь в глубину противника на 100–200 метров. Получалось, что пехота наступает «за огневым валом», который уничтожает противника или не дает ему поднять голову, а затем пехота успешно завершает дело с меньшими потерями. Таким образом должно быть полное взаимодействие между участвующими родами войск.

В первом таком учебном наступлении с применением боевых средств получилось, что один снаряд, выпущенный нашей артиллерией, взорвался ближе, чем было предусмотрено. То ли из-за ошибки артиллеристов, то ли корректировщиков огня, или тем, что мы наступали быстрее, чем было рассчитано. В результате несколько солдат было ранено, в том числе один из моего отделения. Последующие боевые учения прошли нормально.

Поскольку действия на полигоне проводились с применением боевого оружия и боеприпасов, то вокруг него выставлялось вооруженное оцепление.

Однажды наша рота была в боевом оцеплении. Моё отделение отвечало за определенный участок. Когда оцепление было снято, мы, сокращая путь к расположению части, пошли лесом и наткнулись на разбросанные газеты «Правда». На первый взгляд показалось, что это действительно газета «Правда» – такой же формат, знакомый шрифт и т. д. Но когда я немного ознакомился с содержанием, то «глаза на лоб полезли». Там была вся история, как Сталин уничтожил своих соратников и пришел к власти, про процессы 30-х годов, коллективизацию сельского хозяйства и др. Рассказывалось, что Сталин превратил себя в безгрешного святого, и его портрет был с нимбом (изображение сияния вокруг головы бога, ангелов и святых).

Мне вспомнился первый год учебы в русской школе в 1940 году. Некоторые подержанные учебники мы покупали у детей, приехавших с родителями из Восточных областей Союза.

В учебнике истории СССР, изданном до 1937 года, ряд личностей (Бухарин, Радек, Тухачевский, Блюхер и другие) описывались как выдающиеся деятели Советского государства. После репрессий 1937–1938 годов их снимки в учебнике были замазаны чернилами и надписями, что они являются «шпионами» и «предателями». Такие обвинения были несколько странными, ибо были адресованы людям, которые всю жизнь боролись за могущество Советского государства, а достигнув высших постов во власти, партии, армии, стали «шпионами» и «предателями». По-моему, не совсем логично. После заметок в фашистской газете мелькнула мысль, что, вероятно, не все было «гладко» в событиях 1937–1938 гг.

Вторая тема, конечно, была про евреев, что из-за них началась война, а сами они «окопались» в Ташкенте, что они захватили высокие посты и душат русский народ и что надо от них избавиться. И, в конце призыв сдать в плен. После беглого просмотра статей, мне стало ясно, почему поляки, с которыми я встречался, удивлялись что я, еврей, нахожусь на фронте, а не в Ташкенте, как гласит немецкая пропаганда, а потом и советская. А может наоборот?

Я собрал все экземпляры газеты и сжег их. Солдаты были недовольны, поскольку лишились дефицитной бумаги для курева. Я боялся, что фашисты, зная нужду солдат в газетной бумаге, могли пропитать её какой-нибудь гадостью.

До расположения части мы добрались только поздним вечером, а наутро меня вызвали в СМЕРШ (контрразведка), где мне был устроен серьезный допрос с предупреждением. В конце все обошлось, но мне стало очевидно, что в моем отделении, как и в других, имеются секретные осведомители (стукачи), и это надо иметь в виду.

Вторая встреча со стукачеством произошла во время моей службы в Москве, при подготовке к ноябрьскому параду на Красной Площади в 1948 году.

Каждый полк нашей дивизии представлял 3 батальона по 200 солдат и сержантов. Место каждого участника утверждалось

начальником особого отдела, и замена кого-либо без его согласия не допускалась. Чтобы избежать всяких случайностей, за неделю до парада отменяли увольнения из части. Винтовки подвергались проверке и закрывались в оружейные шкафы, которые опечатывались и сдавались под охрану.

Казарма, шкафы, столы, тумбочки и ящики тщательно проверялись в целях выявления незаконного хранения боеприпасов и предотвращения случайных или преднамеренных выстрелов на Красной Площади.

Перед парадом в течение месяца по 8 часов в день проходила интенсивная строевая подготовка. Достаточно сказать, что за этот месяц снашивались подошвы сапог.

Однажды ночью, за пару дней до парада, меня разбудил дневальный и доложил, что солдат нашел в кармане шинели патрон от винтовки. Оказалось, этот солдат, выходя ночью по своим надобностям (удобства были во дворе), накинул на себя первую попавшую шинель, сунул руку в карман и наткнулся на патрон. По возвращении в казарму, солдат, растерявшись, повесил шинель на общую вешалку, не посмотрев, какая пометка, указывающая на хозяина, была на ней.

Сон как рукой сняло. Сев на кровать, я стал соображать, как выйти из этого дурацкого положения: есть боевой патрон, но нет и не найти конкретного виновного.

Я с ужасом думал о скандале, который поднимется, если дать этому факту официальный ход. Пострадали бы как солдаты, так и командиры. В лучшем случае за неисполнение приказов, халатность, отсутствия надлежащего контроля, а в худшем случае – могли бы и дело сфабриковать о подготовке покушения на руководителей партии и правительства.

На свой страх и риск я велел дневальному отделить пулю от гильзы, высыпать порох на тумбочку и его поджечь. Гильзу и пулю опустить в имеющуюся в полу дырку. Все это было выполнено под моим присмотром. Таким образом, была исключена возможность использовать патрон для стрельбы. После этого,

как только голова коснулась подушки, я сразу заснул. После восьмичасовой муштровки, все спали непробудным сном.

Утром меня вызвали с особый отдел. Подробно распросив о происшедшем и уточнив все детали, меня отпустили. Я понял, что мои действия их удовлетворили и на этом все закончилось. Остался только один вопрос. Если все спали, то кто же наступал?

Вернемся к военным событиям.

Вначале января 1945, в связи с предстоящим наступлением мы, пройдя более 50 км, подошли к реке Висла и начали переправляться на небольшой плацдарм, занятый нашими войсками на левом берегу. Лед был неокрепший и сравнительно тонкий, поэтому команда была идти один за другим с интервалом с 10–15 метров, не обращать внимания на возможные случаи провала кого-либо под лед, на беспорядочный обстрел из минометов, громко не говорить и не кричать (тонуть молча).

Нельзя сказать, что не было никакого страха, но деваться некуда – надо идти вперед. Ведь от тебя ничего не зависит, ты идешь один, а ноги как будто ватные. Лед в некоторых местах прогибается, но нельзя остановиться, ибо за тобой следующий солдат и лед может не выдержать. Кого я только мысленно не просил помочь перейти реку, которая в этом месте была довольно широкой.

Со сравнительно небольшими потерями, преодолев страх, мы достигли левого берега и заняли позиции в окопах, потеснив расположенные там части. Окопы были вырыты в полный профиль и соединены ходами сообщения. Разводить костры запрещалось и пришлось несколько дней померзнуть. Периодически происходила артиллерийская дуэль, пулеметные очереди и перестрелки с обеих сторон.

На рассвете 12 января 1945 г. началась Висло-Одерская наступательная операция (12.01.–03.02.45). После соответствующей артиллерийской подготовки, мы начали атаку за «огневым валом», прорвали оборону немцев и начали наступление.

Главной задачей нашей части было продолжать движение вперед, не обращая внимания на наличие в нашем тылу и на флангах некоторых очагов сопротивления. Ликвидацией сопротивляющихся немцев занимались другие части и подразделения. Это не значило, что мы обходили мешавшие нашему продвижению отступающие разрозненные немецкие группы. Нет, мы вступали с ними в бой.

Однажды мы получили сообщение, что группа власовцев («Русская освободительная армия» генерала Власова), прорвала кольцо окружения и идет прямо на нас. Мы заняли оборонительные позиции в месте предполагаемого прорыва (мост через реку) и встретили их огнем. Разгорелся бой, они сражались отчаянно, понимая, что пощады им не будет. Мы также понесли потери, в числе которых двое раненных из моего отделения.

Движение производилось в пешем порядке, в основном ночью, из-за немецких авианалётов днем. Ночные переходы сильно изматывали, в связи с недосыпанием, а дневной сон часто прерывался по разным причинам, в том числе столкновениями с противником.

После нескольких дней наступления, начала сказываться физическая усталость. Солдаты несли на себе по 10–15 кг груза – автомат, запасные рожки, ручные гранаты, противогаз, саперная лопатка, вещмешок, котелок, фляга с водой и прочее. При столкновениях с противником, приходилось бегать, падать, вставать, что иногда было на пределе физических сил. После команды «привал», не выбирая удобное место, мы ложились на землю и дремали. Через 10–15 минут, первым делом пересчитывали все ли на месте, чтобы не оставить никого спящего в кустах.

Никогда раньше не думал, что можно уснуть на ходу. Бывало, замечаешь, что солдат начинает отклоняться в сторону, и если его не остановить, т. е. не разбудить, то может упасть в придорожный кювет, стукнуться в дерево или в другого солдата.

Спать располагались в большинстве случаев под открытым небом. Группировались по три человека, одну шинель стелили на лапник, а двумя накрывались. Положение меняли одновре-

менно. Головы от снега покрывались касками. На удивление, простудных случаев не было.

Так мы прошли не меньше 300 км на запад, с боями и без, и 22 января 1945 г. остановились на ночлег в каком-то фольварке (поместье) недалеко от города Калиш. Словом, мы гнали фашистов так, что сами догнать не могли. Точно так, как было в начале войны, но наоборот.

Мы поужинали, приняли свои, так называемые, 100 грамм и легли спать. На самом деле там не было 100 грамм. Помощник командира взвода наливал каждому в котелок 1–2 деревянные ложки водки, а это от силы 50–60 грамм. Мне этого хватало, поскольку во время эвакуации из-за отсутствия возможностей, я водку даже не нюхал. Некоторые желающие (командир взвода, сержанты и другие), после раздачи, распивали остаток водки. Оставлять не было смысла, ибо никто не знал, что будет завтра.

Предполагаю, что не обращение за добавкой водки, послужило одной из причин, что командир взвода, разбудил именно меня, вскоре после отхода ко сну. Был получен приказ, силам моего отделения, разведать наличие сил противника, готовящихся к обороне, в городе или за городом. Второй причиной явилось то, что карта города Калиш была на польском языке, который я еще понимал в то время. В отделении к тому времени осталось семь человек вместе со мной (один был ранен на учениях, а двое во время боевых стычек с отступающими немцами).

Мы направились к мосту через реку Просна, который был разминирован саперами. Маршрут движения был определен, и нас предупредили строго его придерживаться. Разведчики двух других батальонов идут параллельно с нами, по своим маршрутам и отклонения от них, в условиях ночной темноты, могут привести к столкновениям со своими частями. Было оговорено, что через час после нас начинают двигаться основные силы батальона. При обнаружении противника мы вступаем в бой и красной ракетой сигнализируем об этом. Батальон разворачивается в боевой порядок и готовится к боевым действиям.

Мы прошли по заданному маршруту часть города, не встретив никого, и вышли на его противоположную окраину. Прошли по дороге еще около 100–150 метров, и когда луна выглянула из-за туч, заметили, что слева по полю двигаются какие-то фигуры. Через несколько минут фигуры исчезли с поля зрения. Было понятно, что это немецкие солдаты. Мы начали осторожно двигаться по направлению к ним и, можно сказать, столкнулись лицом к лицу. Они спустились в овраг, и двое из них с чем-то возились на дне оврага. После моей команды «Хендэ Хох» они подняли руки, но одновременно из теневой стороны оврага раздалась пулеметная очередь, которая сразила нашего солдата, снайпера.

Отскочив назад, мы залегли в имеющихся на поле бороздах. Началась перестрелка, в темноте стрельба была бесприцельная, и велась на огонь от выстрелов противника. Каждый ожидал, чтобы противник высунулся из своего укрытия, и тогда сразить его очередью.

Я знал, что наш батальон подойдет примерно через час, но не знал как далеко от нас позиции немцев, которые могут подойти раньше на помощь своим солдатам, и тогда – нам конец.

Я понял, что у нас один выход: или мы их, или они нас. И тогда я приказал: по моей команде двое солдат открывают автоматный огонь длинными очередями по пулемету и немецким солдатам с тем, чтобы прижать их к земле и не дать возможности поднять головы и прицелиться, а остальные вместе со мной вскакивают и бросают в овраг осколочные гранаты. Таким образом, мы покончили как с пулеметным расчетом, так и с остальными немецкими солдатами. Но вдруг оказалось, что один из них, находившийся несколько сбоку, бросил гранату. Я заметил ее уже в воздухе, успел отскочить немного в сторону, но недостаточно, и я получил, как написано в справке из госпиталя: «слепое осколочное ранение задней поверхности грудной клетки слева с повреждением ребра».

К этому времени подошла, развернутая в боевом порядке наша рота. Командир, выяснив все обстоятельства, поблагодарил за успешно выполнение задания, и двинулся вместе с ротой вперед. Вскоре раздались звуки боя с занявшими оборону немцами.

Оставленный санинструктор сделал мне перевязку, помог добраться до первого жилого дома на окраине города, попрощался и оставил меня на попечение польской семьи, а сам пошел догонять роту.

В доме была только хозяйка. Муж, по ее словам, погиб на войне. Я так и не понял, на какой стороне он воевал: фашисткой, антифашисткой, эмигрантского или прокоммунистического правительства.

Вот что написал в наградном листе 3 февраля 1945 г. командир 787 стрелкового полка:

«Тов. Шнитман в наступательном бою 23,01,1945 при взятии гор. Калиш, ведя свое отделение, неожиданно встретился с противником. При ведении боя не давал возможности дальнейшему продвижению ручной пулемет. Тов. Шнитман взял гранаты и стал двигаться на пулемет, был ранен, но, несмотря на ранение, продолжал выполнять задачу. Достиг цели и гранатами уничтожил пулемет вместе с расчетом. Тов. Шнитман достоин правительственной награды орденом „Слава 3й степени“».

Этим орденом я был награжден от имени Президиума Верховного Совета СССР приказом командира 222 стрелковой Смоленской краснознаменной дивизии от 11 февраля 1945 г. Узнал я об этом случайно, из интернета, в августе 2012, то есть 68 лет спустя.

Рассматривая все материалы по награждению, меня поразило, что этот военный эпизод не был забыт. Ведь будучи раненым, я находился в госпитале и потерял всякую связь со своей частью. Вполне вероятно, что очевидцев осталось совсем мало, из-за огромных потерь в следующих боях (1-й Белорусский фронт в этой операции потерял убитыми 17.000 и ранеными – 60.300 человек). Выходит, что не забыли и через 10 дней после

боя, в условиях боевых действий, представили в вышестоящий штаб наградные материалы, и уже 11 февраля 1945 г. командир дивизии, своим приказом произвел награждение.

Днем меня отвезли в польскую больницу, а затем передали в развернутый в городе армейский эвакуогоспиталь.

28 апреля 1945 г. меня прооперировали и достали наибольший осколок, а несколько маленьких так и остались внутри тела и часто напоминают о той кровавой войне.

День Победы я встретил в эвакуогоспитале в г. Калиш. Хорошо помню то знаменательное утро. Мы проснулись от шума, смеха и одновременного плача дежурных врачей и медсестер, узнавших об окончании войны и полной капитуляции фашистской Германии. Они бурно обсуждали появившуюся надежду на скорую встречу с родными и близкими. И только старшая медсестра, немолодая еврейка, безутешно плакала, вспоминая свою семью, родных и близких, погибших от рук фашистских палачей, из-за которых она осталась совсем одна на белом свете.

Через несколько дней меня и других раненных вывезли из Польши в госпиталь, расположенный в г. Ликино-Дулево Московской обл., где находился на излечении до 16 июля 1945 г. В санитарном эшелоне я встретил однополчанина, который поведал, что в конце наступательной операции, полк по численности составил батальон.

Глава 5

После госпиталя трехлетняя срочная служба почти закончилась, но мой возраст продолжил срочную службу еще долгих 4 года.

Эти годы я прослужил в г. Москве, во 2-ой гвардейской дивизии, которая дважды в году (1 мая и 7 ноября) являлась участницей парадов войск на Красной площади, а также в «Кремлевских похоронах», т. е. в военном сопровождении похорон выс-

ших государственных и партийных руководителей (Жданова, Калинина и др.).

На этот период приходятся голодные 1946 и 1947 годы. В эти годы произошло много событий, влияние которых на еврейские судьбы было, безусловно, серьезным. Такие события, как начало «холодной войны», создание государства Израиль в 1948 году, убийство в Минске 13 января 1948 г. председателя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Соломона Михоэлса, антисемитские кампании: «Дело ЕАК», «безродных космополитов», «дело врачей-отравителей», превратили года до смерти Сталина, в марте 1953, в самые черные года для евреев СССР.

Первоочередной задачей в послевоенный период стало скорейшее преодоление разрухи и восстановление народного хозяйства.

Развал сельского хозяйства из-за последствий войны (недостаток рабочих рук, техники и лошадей, значительное сокращение всех видов поголовья скота и др.), засуха в 1946 г. в зерновых районах России, Украины, Молдавии, непрекращающиеся дожди в других местах страны, привели к тому, что много десятков тысяч гектаров полей остались необработанными. Сбор зерна в 1946 году был в 2,4 раза меньше, чем в 1940 г. Все это неизбежно привело к голоду в 1946–1947 годах.

Эти причины впервые, на основании рассекреченных документов, были опубликованы в СССР в 1988 г. в «Истории крестьянства».

По мнению исследователей и, в частности, историка В. Ф. Зимы, одной из главных причин голода является политика советской власти. Он пишет, что с началом холодной войны, началась гонка вооружений, в результате сельское хозяйство оказалось в забвении. Несмотря на это увеличивались государственные резервы зерна, заложенного на долгое хранение, а также экспорт зерна, в основном в страны Восточной Европы, в том числе и по политическим мотивам.

Поступление зерна на внутренний рынок в 1947 г., по сравнению с 1940 г., сократилось в 1,7 раза. В результате, хлеба выпекали в 3 раза меньше, чем в 1940 году.

Непосредственно во время голодного периода, за рубеж было вывезено 1,4 млн. тонн зерна. Из-за неудовлетворительного хранения в 1946–1948 годах было погублено сотни тысяч тонн зерна. 33,7% общего количества зерна было направлено в госрезерв и на экспорт.

Ежегодно большинство колхозов, в целях выполнения плана, под давлением были вынуждены отдавать последнее зерно, не обеспечивали своих работников натуральной и денежной оплатой труда, ибо срыв плановых заготовок толковался как действия, направленные на подрыв общественного строя.

Сельское население существовало в основном за счет приусадебных участков. Часть продукции по обязательным поставкам шло в госфонд. Сельское население облагалось налогами, и все были привязаны к деревням, поскольку не имели паспортов.

Предполагаемая в 1946 году отмена хлебных и других карточек, была перенесена на год.

В сентябре 1946 года цены на продовольственные и промышленные товары, распределяемые по карточкам, были повышены в 2–3 раза. Значительное количество населения сельской местности, не связанного с сельскохозяйственным производством, было снято с централизованного снабжения. Были снижены и нормы снабжения, в том числе и в армии. Нельзя сказать, что мы голодали, но состояние было полуголодным, как зимой 1943–44 г. в запасном полку.

Голод привел к ряду преступлений, связанных с разными махинациями с продуктовыми карточками, хищениями зерна и других сельхозпродуктов, мелким кражам ради спасения детей.

В 1947 году партия и правительство дважды требовали усилить контроль и уголовную ответственность за хищение государственного и колхозного имущества в соответствии с законом от августа 1932 года, прозванного в народе «О пяти колосках».

В стране разгулялась кампания по борьбе с хищениями. Были проведены многочисленные показательные судебные процессы, в результате которых, за мелкие кражи приговаривали людей к длительным срокам заключения.

Под этот закон попал и солдат нашей части, когда мы находились в летнем палаточном лагере недалеко от города Апрелевка Московской области.

Возле лагеря, через овраг, находилось колхозное картофельное поле, куда солдаты и я, в том числе, иногда наведывались за картофелем. Этому солдату не повезло, его прихватили колхозные конные объездчики, когда он в одиночку в овраге пек на огне котелок картошки.

Показательный, выездной в расположении части суд, осудил его, за котелок картошки, на 5 лет.

25.03.1953 г. министр внутренних дел СССР Л. Берия поставил перед председателем Совмина СССР Г. М. Маленковым вопрос об амнистии и, в качестве главного аргумента указал, что в соответствии с указами, принятыми в 1947 г. «об усилении уголовной ответственности за хищения...», увеличилось число заключенных, осужденных на исключительно длительные сроки. Он сообщает, что: «на 1 января 1953 г. из общего количества заключенных за указанные преступления, в лагерях содержалось 1242 тысяч человек». Всего на эту дату заключенных было 2214 тысяч человек.

Отмена карточной системы не принесла особого облегчения, поскольку запас продуктов не полностью обеспечивал спрос населения, что обусловило повышение цен и нормирование отпуска товаров.

Люди, перенесшие трудности и лишения военного времени, рассчитывали на перемены к лучшему. Отсутствие улучшения жизни вызывало у граждан протестные настроения и негодование.

Объяснения такого положения «холодной войной» и требования направить огромные средства в военно-промышленный комплекс, слабо воспринимались голодным населением.

Свою лепту в недовольстве населения внесли демобилизованные солдаты и офицеры, освободившие пол-Европы, они могли сравнить уровень жизни в Европе и СССР и сделать соответствующие выводы.

В некоторой степени, они стали «преклоняться» перед Западом, и недоумевали, почему туда вывозится хлеб, когда сами голодаем. (Они ещё не знали, что через некоторое время, они могли бы быть зачислены в «космополиты»).

Несмотря на «холодную войну», Советский Союз получал гуманитарную помощь из западных стран. Фонд помощи и восстановления ООН оказал безвозмездную помощь (продукты, семена, промтовары, мед. оборудование и др.) Украине на 189 млн. и Белоруссии на 61 млн. долларов США.

В 1946–1947 гг. от американского Красного Креста было получено грузов на 31 млн. долларов. В порядке помощи жертвам войны поступали сотни тысяч посылок из Аргентины, Дании, Швеции, Канады, Швейцарии и др.

Значительную помощь оказывала и американская еврейская благотворительная организация «Джойнт».

Власти были осведомлены о негативном отношении населения и начали принимать меры, чтобы направить недовольство на отдельные группы населения или народы внутри страны. Переключением внимания страдающего от невзгод народа на национальные проблемы власти планировали снять вину с «системы» за промахи и провалы и снизить нарастающее в массах напряжение.

Долго искать так называемых «врагов» не пришлось. В качестве внешнего «врага» уже был американский империализм, а на роль внутреннего «врага», как нельзя лучше подходили граждане «еврейской национальности».

После войны антисемитизм, который и раньше давал о себе знать, стал по существу государственной политикой.

Образы «врага» внедрялись в массовое сознание людей с помощью средств массовой информации, литературы, искусства, общественных наук и т. д.

Началась кампания, направленная на интеллигенцию, в основном еврейскую, обвиняя ее в отходе от «принципа партийности», «антипатриотизма», «преклонение перед Западом» и «безродном космополитизме».

Партийный контроль в науке проявлялся в том, что некоторые направления в науке (генетика и кибернетика) объявлялись «буржуазными» и «идеалистическими», а их приверженцы подвергались гонениям и репрессиям (академик Вавилов и др.). Тысячи ученых и преподавателей потеряли работу.

Кампания сопровождалась также борьбой за российские и советские приоритеты в области науки, техники и изобретений. Дошли до того, что стали считать, что многие открытия и изобретения, носящие имена иностранцев, принадлежат русским ученым. Например, что первая паровая машина была изобретена Ползуновым, а не Д. Уаттом, а изобретение телеграфа принадлежит Попову, а не Г. Маркони и т. д. К этому времени относятся выражения: «Россия – родина слонов», «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Поменяли иностранные названия товаров и др. Так, папиросы «Норд» превратились в «Север», изменили футбольную терминологию («офсайд», пенальти и т. д.)

После смерти Сталина произведена реабилитация пострадавших ученых и учений.

Глава 6

Служба в Москве была непростая. Казарма не была оторвана от внешнего мира, но я не чувствовал к себе, как к еврею, предвзятого отношения и явных антисемитских проявлений. На политинформациях и политзанятиях, в отличие от газет, не говорилось, что в «антигосударственных» делах замешаны в основном евреи.

Такая обстановка, может быть, была из-за элитности соединения и возложенных функций, а может из-за того, что ко-

мандиром батальона был майор Гринберг, а потом-окончивший академию Генштаба, подполковник Е. В. Соколовский (сын маршала). Если с первым все понятно, то насчет второго, необходимо сказать несколько слов. Маршал Соколовский В. Д. во время войны был начальником штаба, а затем, командующим войсками Западного фронта. После войны маршал занимал пост главнокомандующего группы советских оккупационных войск в Германии и зам. Министра Вооруженных Сил СССР. При таком положении понятно, что он мог «пристроить» своего сына на любое теплое «местечко». Однако, Е. Соколовский, окончив в 1941 г. спец. военно-морскую школу, участвовал в обороне Ленинграда. Он воевал на Ленинградском, Западном, Украинском, 1-м Белорусском фронтах, и принимал участие во взятии Берлина.

Он, в отличие от других офицеров, у которых родители были пониже чином, без всякого высокомерия и надменности относился к окружающим и подчиненным. Особенно внимательно Соколовский относился к фронтовикам, понимая, как сложно служить неизвестно сколько лет после срока срочной службы. Он старался облегчить нам службу разными путями, в том числе и добрым отношением независимо от звания и национальной принадлежности. Например, я, сержант, был назначен временно на офицерскую должность, одному из первых старослужащих предоставил краткосрочный отпуск, удлинив его за счет увеличения дней на дорогу.

В 1950 г. его вдруг не стало. Пошли разные слухи об его аресте. Согласно информации, найденной в интернете, его арестовали тогда якобы за изнасилование и дали 17 лет. После смерти Сталина, не отсидев и трех лет, Е. Соколовский вышел на свободу. Он был восстановлен в Армии и звании и дослужился до звания генерала.

Вне казармы обстановка была совсем другая. В газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др. все время делался акцент на еврейскую принадлежность «преступников». Излюбленным приемом партийных пропагандистов было, выде-

лять типично еврейские фамилии, имена и отчества. Если это ни о чем не говорило, то приплетали родственников с характерными фамилиями и именами.

Можно сказать, что пропагандисты «дружбы народов» добились своего, и в городе чувствовалась антисемитская атмосфера, общая неприязнь и ненависть к евреям. Особенно это проявлялось на транспорте и в очередях, где из-за тесноты и долгого ожидания атмосфера и так была напряженной. Всегда находилась какой-нибудь еврей, на которого можно было вылить накипевшую злобу, возмущение конкретно за это и вообще за все другое.

Вспоминается характерный случай той обстановки. После отмены карточной системы и денежной реформы, в 1947 г. московские магазины, в отличие от других мест, стали наполняться разными продовольственными товарами. В связи с этим, жители соседних областей стали приезжать в Москву за продуктами на, так называемых, «хлебных поездах».

Я и мой приятель, тоже сержант, на свое скудное жалование, купили по несколько килограммов разных круп, чтобы послать родным в Радошковичи, куда мои родные вернулись из эвакуации, и в Брянскую область.

Почтовые отделения г. Москвы не принимали продуктовых посылок. По подсказке, мы поехали на электричке 60–70 км по Можайскому направлению, где посылки принимали.

В электричке к нам подседа женщина среднего возраста, в которой я сразу определил соплеменницу. Она ехала в город Вязьма с купленными в Москве продуктами. Пассажиры заполняли вагон, в соседнем купе, тоже с покупками, расположилась женщина, которая вроде ни к кому конкретно не обращаясь, громко, чтобы всем было слышно, начала оскорблять нашу попутчицу. Оскорбления были следующими: «Всю войну просидели в Ташкенте, где их кормили, и здесь тащат все из Москвы, и все им мало, теперь продались американцам за продуктовые посылки» и т. д. Чувствуя поддержку многих пассажиров, кото-

рые репликами, фактами из газет её подбадривали, она совсем распоясалась.

Мне показалось, что здесь есть что-то личное. Я спросил у моей попутчицы, знакомы ли они. Она рассказала, что хорошо знает эту женщину, так как она, с помощью знакомого полиция, во время оккупации, захватила её квартиру, и долгое время после возвращения из эвакуации и мужа с фронта, не освобождала. Квартиру удалось освободить только через суд. С тех пор, она, где может, устраивает скандалы и провокации.

Услышав это, и чувствуя напряженность обстановки, мой русский приятель, ростом 180 см и крупного телосложения, потерял выдержку, встал и попросил выслушать его.

Показывая на меня, он сказал, что я, его друг, еврей по национальности. Мы вместе лежали в госпитале после ранения, и вот уже два года вместе служим и дружим. Дальше он заметил, что по нашивкам о ранениях и орденом планкам на гимнастерках он видит, что в вагоне есть много бывших фронтовиков. Так скажите, какие у вас лично претензии к конкретным евреям, с которыми вы воевали? Молчите, значит, нет претензий. Так почему вы не верите себе, а этой женщине, которая во время войны захватила чужую квартиру и вернула только через суд. И призвал: «Не поддавайтесь на всякие провокации!» Дело кончилось тем, что она взяла сумки и перешла в другой вагон.

После этой истории мне стало как-то не по себе. Я понял, что реальная жизнь отличается от казарменной. Я вспомнил содержание найденной на фронте газеты, подделанной фашистами под газету «Правда». Понял, что по еврейскому вопросу она мало чем отличалась от содержания подлинной «Правды» и других газет, а также мнения многих пассажиров вагона, да и не только их.

Глава 7

Должен заметить, что непосредственно на фронте антисемитизм был, как правило, на уровне анекдотов. Анекдоты рассказывали и о других народах. У нас во взводе был один еврей (это я) и один полуеврей, у которого отец был русский. Он любил рассказывать еврейские анекдоты и прекратил, когда я спросил его, рассказывает ли он их при матери.

Мне кажется, что сама фронтовая обстановка препятствовала распространению явного антисемитизма, потому что была большая зависимость друг от друга. Без взаимопомощи и взаимовыручки долго не протянуть было.

Ради справедливости, после долгих раздумий, я решил рассказать об инциденте, который случился со мной и моим солдатом по этому вопросу. Смущало меня то, что солдат погиб в том же бою, в котором меня тяжело ранило.

До сих пор я помню его фамилию, и что он был родом из Починковского района Курской области.

В тот злополучный день поход был очень тяжелым и длинным. К тому же дважды пришлось вступать в бой с отступающими разрозненными группами немцев, а затем догонять батальон.

На ночлег мы остановились на каком-то польском хуторе. Мое отделение, предвкушая желанный сон, начало располагаться в небольшом сарае. И тут, мне поступил приказ выставить пост по охране хутора со стороны леса. Я назначил караул и первым в смене солдата-снайпера, посчитав эту смену наиболее выгодной, ибо, отстояв ее, часовой сможет всю ночь спать. В то время как у других смен прерванный сон и трата времени на пересмену.

Снайпер же от усталости и от того, что желанный сон откладывается, вступил в пререкания по поводу первой смены, не слушая мои доводы. Видя, что он не готов ничего понимать, я дал команду прекратить разговоры и «шагом марш за мной на пост!»

Я пошел к выходу, он, немного отстав, тихо проговорил, но так, чтобы было слышно остальным солдатам: «Я пойду на пост, но рассчитаюсь с этим жидом в первом же бою».

Я повернулся и увидел, что все солдаты, включая и тех, которые уже вроде бы уснули, смотрят на нас и ждут, чем все это кончится.

Понятно было, что реагировать надо немедленно. И тогда я спокойно сказал ему, что нечего ждать первого боя, кругом бродят немцы, идет перестрелка и он может прямо сейчас выполнить свою угрозу.

Предполагая такой вариант, я исходил из того, что пока он приготовит для стрельбы винтовку, передернет затвор, я «прошью» его очередь из своего автомата.

Он не ожидал такого ответа, глаза его округлились в испуге, и он понял, в какое положение попал. Если я доложу об этом по инстанции, то ему за пререkanie и попытку невыполнения приказа командира, а также за угрозу жизни и публичное оскорбление, грозил военный трибунал и, по меньшей мере – штрафной батальон.

Он сразу сник, начал извиняться, просить прощения, и объяснять, что это от сильной усталости. В последующие дни, он всякими способами старался загладить свою вину.

Я никому не докладывал, и мне казалось, что инцидент исчерпан.

Когда после последующего боя, где меня ранило, командир роты поблагодарил меня за выполнение поставленной задачи, санинструктор ему доложил, что солдат-снайпер убит. Командир, как бы про себя заметил, что вот и инцидент сам собой завершился.

Я понял, что он все знает, и что все-таки кто-то настучал, только не в СМЕРШ, а ему – командиру роты.

Может быть с подачи фашистской пропаганды, но скорее всего по внутренним установкам, советская пропаганда замалчивала геноцид евреев, участие евреев в войне, их мужество и героизм. Поэтому долгое время использовались для дискримина-

ции злобно-иронические выражения, как «Ташкентский Фронт», «Бойцы Ташкентского Фронта» и т. д.

По статистическим данным, к концу 1942 г. в Ташкенте рост численности населения, включая эвакуированных евреев, был намного ниже, чем во многих городах Урала, Сибири и Поволжья.

Однако г. Ташкент был выбран основным символом для антисемитских проявлений.

В Среднюю Азию и Ташкент стремились многие еврейские семьи (в том числе и наша семья, которая туда и не попала), из-за теплого климата, поскольку начинающиеся холода и отсутствие теплой одежды и обуви вынуждали к этому.

В Средней Азии во второй половине 1941 г. формировались дивизии польской армии генерала Андерса и из разных мест России стекались туда польские евреи, военнопленные и беженцы 1939 г., репрессированные и депортированные польские граждане, в том числе и еврейской национальности.

В Ташкенте находились десятки военных госпиталей, где работало немало евреев: врачами и медсестрами.

В Ташкенте действительно было значительное количество евреев, но это были в основном старики, женщины и дети, вынужденные бежать, спасаясь от гитлеровцев. А мужчины, как говорят факты, в те времена неплохо сражались с врагом на фронте.

Вероятно, что ошибочное впечатление о множестве евреев, преднамеренно использовали юдофобы для злостной клеветы о неучастии евреев в военных действиях и о том, что они воюют на «Ташкентском Фронте».

Не вызывает сомнения, что клевета была предумышленная, поскольку правительство и его пропагандистский аппарат никогда не опровергали это позорное и ложное обвинение, хотя это несложно было сделать путем публикации реальных данных. К тому же, эти ложные обвинения по времени совпадают с другими антисемитскими проявлениями.

Например, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александров, счел лето 1942 года – разгар бит-

вы за Сталинград- подходящим моментом выразить озабоченность, что в «Управлениях Комитета по делам искусств» оказались нерусские люди (преимущественно евреи).

Согласно Википедии, Г. Ф. Александров, академик, дважды лауреат Сталинских премий, один из главных идеологов с марта 1954 г. по март 1955 г. занимал пост министра культуры СССР, и был освобожден от должности как не обеспечивший руководство министерством. В журнале «Коммерсантъ Власть» № 47 от 28 ноября 2005 г. указывается, что «50 лет назад министр культуры СССР Г. Ф. Александров, вместе с группой соратников, поплатились своими постами за создание тайного борделя».

Начальник Главного Политуправления (ГлавПУР) генерал-полковник Щербаков, издал в 1943 г. директиву об ограничении награждений евреев. Историки и публицисты утверждают, что в низах представления к наградам производились регулярно, а фильтровались и застревали они в политорганах.

Историк Рой Медведев написал, что осенью 1944 г. на совещании в ЦК ВКП (б), наряду с вопросами перевода промышленности на мирную продукцию, коснулись и «еврейского вопроса». Сталин высказался на нем за «осторожное» назначение евреев на руководящую работу в партийные и советские органы.

После совещания кандидат в политбюро ЦК ВКП (б) Г. М. Маленков направил директивное письмо в партийные комитеты разных уровней («маленковский циркуляр»). В нем перечислялись должности, на которые назначать людей еврейской национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения при приеме в высшие учебные заведения.

Эти ограничения действовали долго, ибо мы столкнулись с ними при поступлении в ВУЗ сына Миши в 1980 г.

Зачастую в ряде публикаций приводились искаженные данные, характеризующие евреев в военных действиях, что использовалось в антисемитской пропаганде.

Общеизвестно, что ратный труд оценивается боевыми наградами.

Согласно справки Управления по награждению, гл. управления кадров Мин. Вооруженных Сил, по состоянию на 1 апреля 1946 г. на статистическом учете награжденных евреев – 123.822 или 1,8% от общего количества взятых на учет награжденных, таким образом, евреи и татары с 1,8% на почетном 4-ом месте, пропустив вперед русских, украинцев и белорусов.

Данные о награждениях публиковались и во время войны. Но как?

Так, в журнале «Большевик» №2 за 1943 г. зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Е. Бадаев приводит национальный состав, награжденных боевыми орденами и медалями на 1 января 1943 года. Перечислив конкретно 34 национальности, в том числе 8 получивших от 50 до 200 награждений, но упускает евреев, которые еще на 5 октября 1942 г. получили 5163 награждений и были на почетном 4-м месте, а в пересчете на 100.000 граждан – на первом.

Руководители Еврейского Антифашистского комитета С. Михоэлс и Ш. Эпштейн обратили внимание на тенденциозность информации и направили записку секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову, в которой говорилось, что умолчание относительно значительного числа награжденных евреев – бойцов и командиров, играет на руку враждебным элементам, как в СССР, так и за рубежом. И далее: «Помимо прочего это может быть подхвачено гитлеровскими агентами, распространяющими злостные слухи о том, что «евреи не воюют». Однако это обращение осталось без ответа.

Правда, вскоре Бадаева сняли с работы, но не за фальсификацию данных, а за то, что «будучи склонным к алкоголизму, дискредитировал себя недостойным поведением в ходе государственного визита в Монголию и Туву».

По данным архива Минобороны России, в ходе отечественной войны, в войсках насчитывалось 500 тысяч евреев. Погибло – 198 тысяч или 39,6% военнослужащих евреев. (В целом по Вооруженным силам – 25%). 180 тыс. (60%) были ранены, из них более 70 тыс. (38%) были ранены тяжело. Погибли 38 из 305

евреев – генералов и адмиралов. Среди погибших воинов-евреев – 77% рядовые и сержанты.

В книге авторов под руководством генерал-полковника в отставке, бывшего зам. начальника генерального штаба Вооруженных Сил, Г. Ф. Кривошеева, «Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил» приводятся данные о национальности погибших военнослужащих (таблица № 121). Из учтенных в таблице 37 национальностей, у которых свыше 100 погибших, евреи СССР, больше чем наполовину истребленные, по числу погибших воинов, находятся на 4-м месте.

Таким образом, только совершенно тупой или очень предвзятый человек может высказывать сомнение об участии евреев в боевых действиях на фронтах Отечественной Войны.

Глава 8

В ноябре 1950 года, после семи лет срочной службы, я был демобилизован и вернулся в г. Радошковичи. Началась совсем другая жизнь. Надо было устраиваться на работу, чтобы обеспечить себя и помочь родителям. Большинство кадровиков и руководителей организаций, к которым я обращался, отказывали в приеме на работу по причине отсутствия специальности. Хотя из моей анкеты было понятно, что никакую специальность я получить не мог, так как в семнадцать лет ушел в армию и в двадцать четыре года вернулся на гражданку. В то же время принимали на работу лиц с таким же как у меня образованием и без специальности. Разница была лишь только в пятой графе паспорта.

Пришлось подрабатывать на всяких случайных работах: от грузчика до счетовода.

В то время большую помощь и поддержку я получил от друга детства и попутчика при бегстве от фашистских захватчиков – Яши Шафира и одноклассницы Цили Зильбург. О дискриминации при приеме на работу я пожаловался секретарю райкома

партии по кадрам. Она пыталась меня разубедить и попросила подождать в приемной. Через некоторое время пригласила меня в кабинет и велела идти к райвоенкому, который обещал работу.

Районный военком подполковник Котельников принял меня на работу на время весеннего призыва в армию, но только волонтером. Он рассчитывал на то, что ему якобы обещана дополнительная ставка вольнонаёмного служащего, на которую он меня потом зачислит.

Я проработал всю призывную компанию весны 1951 года. И, когда я обратился за зачислением в штат, начались отговорки. Я понял, что Котельников меня просто обманул. Более того, он пригрозил, что если я буду «выступать», то он призовет меня на 3-х месячные военные сборы. И это не была пустая угроза. Как говорили работники военкомата, ему ничего не стоило призвать на военные сборы в первый год после демобилизации фронтовика, прослужившего 7 лет срочной службы.

Я устроился на работу в сельское спортивное общество. А потом мне повезло: в Радошковическом отделении Госбанка уволился кредитный инспектор по колхозам и им срочно потребовался мужчина на эту должность. В ноябре 1951 года меня приняли с месячным испытательным сроком, который я успешно выдержал, выполнив срочное задание по проверке отдельных вопросов в колхозах, сначала с помощью начальника отдела, а затем вполне самостоятельно.

Это была дискриминация на местном уровне. А теперь пример дискриминации по национальному признаку на более высоком уровне. В Радошковическом районе отделении Госбанка было десять должностей, которые по действующему Положению должны были замещаться специалистами со средним специальным или высшим образованием. Восемь из них занимали работники с общим средним или неполным средним образованием. Работники, которые не занимались заочно в финансовых техникумах, постепенно заменялись молодыми специалистами. Меня приняли на работу с условием, что в следующем году я

начну учиться заочно в техникуме. Аналогичное положение было и в областных и республиканских конторах, с разницей в том, что должности экономистов должны были замещаться специалистами с высшим образованием.

В середине 1952 года стало известно, что к нам на работу направляется выпускник с красным дипломом Московского финансового института.

Всех это крайне удивило. Вопреки здравому смыслу, выпускник института, тем более Московского, направляется в сельский район, в то время когда в конторах была большая потребность в таких специалистах, в том числе и в связи с вакансиями.

Всё прояснилось, когда стало известно имя выпускника – Леонид Шехтман. Он, уроженец города Гомеля, окончил среднюю школу с золотой медалью и подал документы в Московский финансовый институт на факультет международных экономических отношений. Под явно надуманным благовидным мотивом документы не были приняты. Ему предложили кредитно-экономический факультет.

После окончания института с красным дипломом, казалось, что он может выбрать любое место работы. Но ему сразу оговорили, что Москва, Ленинград и другие города исключаются. Понимая обстановку, он согласился на Белоруссию, надеясь, что если не оставят в Минске, то непременно пошлют в Гомель – место жительства отца, инвалида Отечественной войны и матери пенсионерки. Кстати, Леонид был инвалид с рождения. Но действительность оказалась иной. Заместитель Управляющего Белорусской конторы Госбанка по кадрам (большой «друг» еврейского народа) дал указание направить его не в Гомель, а в распоряжение Молодечненской конторы, которая в свою очередь не оставила его в городе Молодечно или другом городе областного подчинения, а направила его в городской поселок Радошковичи. Кстати, зарплата в сельских районах была значительно ниже, чем в городах.

Шехтман пытался доказывать, что к нему относятся неправомерно. Он просил учесть свою инвалидность и состояние роди-

телей. Все было безрезультатно. И он решил не ехать по распределению и остаться с родителями в Гомеле. Однако, через прокуратуру, путем угроз о привлечении к уголовной ответственности, его вынудили поехать на работу в Радошковичи.

Леонид показал себя хорошо на практической работе и вскоре был назначен начальником кредитного отдела. Отработав положенный срок, он подал заявление об увольнении, но Областная контора Госбанка (её номенклатура) ему отказала и предложила поработать еще полгода, пока не пришлют молодого специалиста. Шехтман не выдержал эти издевательства и подал жалобу в прокуратуру и исковое заявление в суд. Он оставил мне доверенность на выступление от его имени и уехал к родителям в Гомель.

Ответчика представлял управляющий отделением, т. е. мой непосредственный начальник. Выслушав историю Л. Шехтмана, все стороны судебного процесса констатировали неправомерные действия по отношению к нему, и решение суда было – удовлетворить его заявление.

Закончились проблемы с работой, начались проблемы с партийностью. В связи с объективными обстоятельствами (демобилизация, неустроенность и др.) я просрочил кандидатский срок. Райком КПБ начал проводить разные мероприятия вокруг этого вопроса. В связи с этим областная контора Госбанка задержала утверждение меня в должности.

Затем из-за «холодной войны» и дела ЕАК, когда евреям была создана репутация неблагонадежных людей, имеющих связь с Америкой, райком партии воспользовался этим. Он отошел от вопроса о кандидатском стаже и начал в ту пору актуальное дело о связи с Америкой.

В двадцатые годы прошлого столетия брат нашего отца уехал из Польши в США в поисках работы и остался там. До войны родители переписывались с ним, но во время эвакуации адрес, как и другие документы, потерялись. После возвращения из эвакуации в 1946 году, когда я служил в армии, брат отца нашел моих родителей, адресовав письмо «Белоруссия, Радошко-

вичи – Шнитман». Затем он выслал посылку с бывшей в употреблении одеждой.

Через много лет, в подходящий момент, об этой посылке вспомнили и сняли моего брата Якова с должности заместителя начальника пожарной охраны. Затем начали разбираться со мной. Меня можно было исключить из-за просроченного кандидатского стажа, но это было бы слишком просто. «Связь с Америкой» – это то, что было тогда злободневно. Причем под слово «связь» кроме получения письма и посылки, можно было приписать все что угодно, включая связь с ЦРУ.

Начались всякие выяснения, собеседования, объяснения. Все это не для того, чтобы установить истину, а для того, чтобы «приклеить» к моему делу популярное и «актуальное» слово «связь».

На заседании бюро райкома мне задавали разные провокационные вопросы, в том числе как я отношусь к ЕАК. Я ответил, что кроме пропаганды в пользу СССР, комитет собирал по всему миру большие суммы денег для Красной Армии.

После этого ответа меня стали обвинять в незнании положении дел о националистическом и враждебном характере работы Еврейского Антифашистского Комитета. Особенно усердствовал один из членов бюро с ярко выраженным лицом алкоголика. Когда он долго что-то плел, пытаюсь связать посылку с антисоветской деятельностью, я ответил, что никакой связи с Америкой не имел, а мой отец связан не с Америкой, а со своим братом. Далее я заметил, что и самого члена Бюро можно обвинить в связях с Америкой, поскольку на нем американский костюм, который сильно отличался от отечественных покроем, качеством материала и цветом. Он и некоторые другие заерзали на своих стульях, а отдельные начали ухмыляться. Все знали, что в виде гуманитарной помощи, благотворительные организации США, в том числе и еврейские (Джойнт) посылали одежду, обувь и др. для нуждающихся: бывшим узникам гетто, беженцам, инвалидам и т. д. Однако вся помощь попадала в отделы социального обеспечения, которые должны были заниматься

распределением. Известно, что партсоветские работники в районе были самими» нуждающимися».

Закончилось тем, что меня исключили из партии за сокрытие правды о связях с границей. Должен заметить, что до вступления в партию, на запрос политотдела дивизии этот же райком КПБ ответил, что компрометирующими данными на меня не располагает. Решение райкома должно было быть утверждено Бюро Молодечненского Обкома Партии, первым секретарём которого был Сергей Притыцкий. Он был членом компартии Западной Белоруссии с 1932 года. В январе 1936 года, выполняя задание партии, во время судебного процесса над семнадцатью коммунистами в зале Виленского окружного суда выстрелил в провокатора и сам получил тяжёлое ранение. В июне 1936 года он был приговорён к смертной казни через повешение. После волны протестов, которая прокатилась по всей Польше и во всем мире, в феврале 1937, апелляционный суд заменил смертную казнь на пожизненное заключение.

Когда меня вызвали в зал заседания бюро, я сумел захватить конец выступления заведующего отделом Радошковического РК КПБ. Он говорил, что я не мог не знать о связи родителей с Америкой. Мне дали слово и я пояснил, что во время получения родителями посылки я был в Советской Армии, с родителями не встречался и о посылке ничего не знал. Я отметил, что все время речь идет о моих родителях, и совершенно непонятно какие претензии лично ко мне. Притыцкий внимательно посмотрел на меня и, немного подумав, сказал: «Идите. К вам никаких претензий нет».

После этого сразу отпал вопрос об увольнении с работы. Более того, областная контора Госбанка срочно утвердила меня в должности кредитного инспектора. Через полгода началось оформление соответствующих документов на, можно сказать, «принудительный» перевод на более высокую должность в другой район области.

Я отказался, и это дошло до обкома партии и лично Притыцкого. И в этом случае он согласился с моими доводами. Мо-

жет быть, он так поступил, помня, как евреи Вильно, теперь Вильнюса, особенно молодежь, были самыми активными участниками демонстраций протеста против решения суда о его казни. Может быть, вспомнил, что, будучи первым секретарём Гродненского обкома партии, он пострадал от организованной министром госбезопасности БССР Цанавой клеветы, предоставив записку в ЦК КП(б) Б «О подпольной контрреволюционной деятельности Притыцкого в Польше», приписав ему «связь» с польской разведкой (?!). А может быть Притыцкий увидел, что «дело» на меня явно неудачно сшито «белыми нитками».

Глава 9

Все, что происходило со мной и с братом Яковом, отрицательно сказывалось на наших родителях. Они очень сильно переживали, считая себя в определённой мере виновными в тех невзгодах, которые навалились на нас. Отец вернулся из эвакуации больным, и вся эта нервотрёпка сильно сказалась на его здоровье. Его сердце, в конце концов, не выдержало, и 19 декабря 1952 он умер от инфаркта. Ему было тогда всего 58 лет.

В Радошковичах, хотя и с трудом, но ещё можно было собрать миньян на поминальную молитву до начала работы и вечером – на спаренную дневную и вечернюю. Так как в посёлке синагоги не было, мы собирались у нас дома. Жизнь протекала более или менее гладко до тех пор, пока в январе 1953 года газета «Правда» не сообщила об арестах врачей «вредителей». Большинство из них были с еврейскими именами и фамилиями. Они, якобы по заданию иностранных разведок, неправильным лечением умертвили или собирались умертвить многих руководителей партии и правительства.

Начались непрерывные аресты. Сначала «безродных космополитов», руководителей и активистов ЕАК, а затем «врачей вредителей – убийц в белых халатах». В то время была благодатная почва для развернутой по команде сверху антисемитской

вакханалии по очернению евреев и превращению их во врагов народа. Пропагандистская компания проводилась через радио, газеты, журналы, митинги и собрания. Начались гонения на евреев и, в первую очередь, на медиков всех специальностей. Их шельмовали в прессе и в ряде случаев увольняли с работы.

Газеты («Правда», «Комсомольская Правда» и др.) и журналы («Знамя» № 3 1953, «Крокодил» № 3 1953 и др.) своими публикациями под броскими названиями типа «Отравители», «За измену Родине – расстрел», «Почта Лидии Тимашук», «Ротозеи – пособники врага» и т. д. буквально натравливали читателей на евреев.

Помимо того, что ряд легковерных и оболваненных граждан стали отказываться лечиться у врачей евреев, проходило множество выступлений на различных собраниях с призывами принимать к евреям самые жестокие меры.

В краткой еврейской энциклопедии (КЕЭ) приводятся факты о том, как на собрании в одном из Научно-Исследовательском институте г. Киева, выступающие требовали «придумать для предателей страшную казнь», или как 15 января 1953 студенты и преподаватели Сталинградского Механического института, по предложению секретаря парткома приняли решение «послать И. Сталину письмо с просьбой выселить всех евреев с европейской территории СССР» и т. п.

Нельзя сказать, что абсолютно все верили в тот бред, который постоянно выливался на голову, Однако протестующий голос тех, кто не верил, был очень слабым. Выступить против было совсем небезопасно так, как на этих людей сразу наклеивали ярлык пособников «врагов народа», «вредителей» и «шпионов».

В нашем городском посёлке в то время не было ни одного врача еврея, но это не смутило районную газету, которая напечатала фельетон про заведующего хлебопекарней. Во время войны, в партизанах его звали Иван Иванович. Чтобы не было никаких сомнений в его национальности, приплели его жену Хьену. В Радошковичах была маломощная хлебопекарня, которая в сочетании с недостаточностью выделяемых фондов муки,

не могла обеспечить жителей хлебом. Надо было занимать очередь за два часа то открытия хлебной палатки.

Несмотря на ограниченную выдачу хлеба в одни руки, многим он не доставался, и это вынуждало многих ездить за хлебом за 40 км в г. Минск. Это вызывало возмущение населения. Газета подло воспользовалась ситуацией и по существу сделала заведующего хлебопекарней «козлом отпущения». Несмотря на то, что местные жители знали действительное положение дел, а также много лет знали бывшего партизана Ивана Ивановича, многие поверили в поклёп и в очереди бранили заведующего самыми последними словами.

Я помню ту обстановку, когда знакомые опасались быть замеченными в разговоре с тобой. При твоём появлении прерывали беседу на полуслове и отводили глаза в сторону, чтобы не вступать в разговор и т. д. Я их понимал. Было трудно выстоять против такого потока лжи, клеветы и психологического пресса и не подумать: «нет дыма без огня».

Я сам прервал многолетнюю связь с очень хорошим другом из Москвы, опасаясь, что он может пострадать, общаясь с «неблагонадежным евреем».

Я уже говорил, что миньян собирался у нас дома. Естественно, это не могли не заметить и, проявляя бдительность, стали интересоваться что за «сборища» устраиваются у нас дома утром и вечером в темное время суток. Ответы принимались с большим сомнением и подозрением. Мой одноклассник, работавший в районном партийном аппарате, посоветовал мне дружески не искушать судьбу, так как кое-кто еще не забыл неудачу с делом о моих «связях».

Учитывая накалённую до предела обстановку, которая не сулила ничего хорошего, мы перестали собираться на миньян. Было понятно, что если не посчитались с людьми, которые их лечили, то с нами, в угоду начальству, разделаются в два счета и мы загремим в места не столь отдалённые до запланированной общей депортации евреев в Сибирь и дальний Восток. О депортации небезосновательно ходили упорные слухи и, учитывая

опыт недавней эвакуации, все евреи Радошковичей в буквальном смысле втихари сушили сухари.

5 марта 1953 умер Сталин. Через месяц, 4 апреля, всех арестованных врачей выпустили из тюрьмы. Назавтра все газеты опубликовали сообщение, в котором говорилось, что состряпанные по доносу врача Л. Тимащук, награждённой за это Орденом Ленина, обвинения оказались ложными.

Таким образом, стойкость и мужество руководителей ЕАК и арестованных по «делу врачей-убийц», подвергшихся зверским пыткам и издевательствам, и главное, смерть создателя сценария «дела врачей» Сталина, предотвратили проведение показательных судебных процессов по обвинению советских евреев во всех смертных грехах для того, чтобы был повод депортировать их в Сибирь и на Дальний Восток, как это было осуществлено с другими народами и социальными группами до и во время войны.

Некоторые историки и не историки высказывают сомнения о запланированной депортации, поскольку не были найдены официальные подтверждающие документы. Довод конечно серьёзный, однако следует учесть, что, во-первых, в то время существовало так называемое «телефонное право», когда секретные приказы отдавались устно и письменно не оформлялись. Во-вторых, практиковалось скрывание и уничтожение документов способных дискредитировать власть и отдельные личности. Так, долгое время велись поиски оригинала Пакта Молотова-Риббентропа и письма еврейских знаменитостей в газету «Правда» с осуждениями преступных действий «врачей-убийц». В конце концов эти документы были найдены.

Возможно не успели уничтожить, и найдётся стенограмма речи И. Сталина 5 мая 1941 года на приеме выпускников военных академий, в которой он прозрачно намекал на предстоящий переход от обороны к наступлению, т. е. начать войну.

В-третьих, существуют косвенные данные и многочисленные авторитетные свидетельства о планируемой депортации евреев в отдалённые районы страны. Так Еврейская энциклопедия (т. 8,

с. 256) приводит рассказ тогдашнего министра обороны СССР Н. Булганина о том, что по приказу Сталина к столице и другим городам были подогнаны несколько сотен военных эшелонов.

Проживавший в г. Ашдоде (Израиль) Герой Советского Союза, инвалид войны, Григорий Ушполис рассказывал, а также написал в своей книге «Тревожное время» (Тель-Авив, 1997) о том, как ему стало известно о подготовке к депортации евреев. В то время он работал в центральном аппарате компартии Литвы и был отправлен заведующим отделом на товарную станцию проверить состояние эшелонов для отправки людей.

Он пишет, что вагоны были далеко от готовности и что «шедший со мной начальник товарной станции заявил, что, мол, жида смогут и в таких вагонах отправить на вечный покой... Мне стало ясно, что он считал меня литовцем и поэтому был так откровенен».

Г. Ушполис так и не понял, с какой целью зав. отделом ЦК именно ему поручил эту проверку. То ли для того, чтобы убедиться к чему ведётся вся антиеврейская компания в стране, или, возможно, чтобы предупредить о готовящейся депортации евреев.

По свидетельству секретаря созданной комиссии по депортации Н. Полякова (председатель комиссии – М. Суслов) «в Биробиджане (в частности) форсировано строились барачные комплексы типа концентрационных лагерей» (КЕЭ, том 8, стр. 256).

В-четвёртых, общеизвестно, что партийно-советские органы совершали многие мерзопакостные и непопулярные дела по «просьбам трудящихся».

Так, например, по просьбам и заявлениям трудящихся:

- проходили процессы и расстрелы «врагов народа» в 30-е годы;
- закрыли еврейские школы в Западной Белоруссии после сентября 1939 года;
- отменили ежемесячную плату за ордена и медали;

– когда годовая сумма розыгрышей по Государственным Займам развития народного хозяйства СССР стала превышать годовую подписку на заём, отменили подписку, а выкуп облигаций, но только по номинальной стоимости, перенесли на 20 лет;

– по личным письменным заявлениям и за «умеренную» плату лишали гражданства СССР определённый контингент, выезжающий за границу на постоянное место жительства.

По инициативе властей было организовано «Письмо в редакцию» видных представителей еврейской общественности с обращением ко всем евреям Советского Союза. Кстати архивные поиски этого письма велись почти полвека и обнародовано оно было в 2001 году доктором исторических наук Я. Я. Этингером в книге «Это невозможно забыть».

Вот некоторые выдержки из этого письма:

«Все вы хорошо знаете, что недавно органы государственной безопасности разоблачили врачей-вредителей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе американской и английской разведки, международного сионизма...»

«Они умертвили видных деятелей партии и государства А. А. Жданова, А. Ц. Щербакова, сократили жизнь многих других ответственных деятелей нашей страны...»

«Каждый советский человек не может не испытать чувства гнева и возмущения».

«В этих условиях, только самоотверженный труд там, куда направит нас партия и правительство, великий вождь советского народа И. В. Сталин, позволит смыть это позорное и тяжкое пятно, лежащее сегодня на еврейском населении СССР». «Вот, почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа».

Кто же «сварганил» это гнусное письмо, в котором признаются бредовые обвинения в несовершенных злостных преступ-

лениях и, поэтому, как милость, просьба депортировать целый народ, т. е. обречь его на гибель?

Известны авторы-составители. Это журналисты-евреи газеты «Правда» Давид Заславский и Яков Хавинсон вместе с академиками И. Минцем и М. Митиным под руководством главного редактора Д. Шепилова.

Проект письма в «Правду» после некоторых корректировок в начале февраля 1953 года был направлен Маленкову и тот в свою очередь представил его Сталину. Сталин сделал замечания по тексту на сопроводительной записке. Исправленный текст письма был подготовлен к 20 февраля 1953 года, но в открытой печати так и не появился. Известны многие из тех, кто подписал и кто отказался подписывать «Письмо в редакцию». Рука не поднимается перечислять имена тех, кто подписался. Известно, под каким прессом они находились и в какую западню их загнали. Не подписали письмо писатели и поэты Илья Эренбург, В. Каверин, Е. Долматовский, певец М. Рейзен, генерал армии Я. Крейзер, композитор И. Дунаевский, академик Е. Варгу и другие.

«Письмо в редакцию» – еще одно доказательство подготовки депортации евреев.

Многие историки и исследователи отмечают, что в последние годы жизни у «вождя народа» развилась параноическая подозрительность ко всем и вся. Популярный лидер Югославии И. Тито был объявлен предателем и фашистом. СССР разорвал государственные и партийные отношения с Югославией.

При прямом участии «советников» МГБ СССР многие руководители стран народной демократии, бывшие национальные герои борьбы против фашизма, под пытками признавались во всевозможных преступлениях, вплоть до шпионажа в пользу Запада. Они были приговорены к смертной казни или длительному тюремному заключению.

Многие ближайшие соратники Сталина старались во имя собственного благополучия угадывать его желания и с удвоенной энергией старались соответствовать им.

Сталин во время и после войны, когда это было ему нужно, заигрывал и превозносил русский народ. Во время войны он учредил ордена и медали, носящие имена русских полководцев, ввел военную форму и звания как в царской России и т. д. 25 мая 1945 г. на приёме в Кремле Сталин провозгласил тост: «За здоровье русского народа», который «заслужил общее признание руководящей силы Советского Союза среди всех народов страны». Это естественно не могло не повысить самосознание русского народа. Но когда в послевоенные годы Ленинградский партийно-государственный аппарат стал вынашивать идею повышения статуса России в Союзе (собственный флаг, гимн и т. д.) как в других союзных республиках, то они были обвинены в «русском национализме» и для них все закончилось «Ленинградским делом» и кровавой расправой.

Глава 10

«Ленинградское дело» началось в 1949 году с анонимного письма в высшие инстанции. Дело было сфабриковано МГБ (министр Абакумов) против руководителей Ленинградских партийных и советских органов, выдвинутых на работу накануне войны и во время блокады. Репрессиям подверглись также и бывшие ленинградские работники-блокадники, направленные на работу на ответственные посты в разное время в другие регионы СССР.

В августе 1949 года были арестованы Секретарь ЦК ВКП(б) А. Кузнецов, Председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, Председатель Совмина РСФСР М. Родионов, Секретари Ленинградского Обкома и Горкома партии П. Попков и Я. Капустин, Председатель Ленгорисполкома П. Лазутин и другие.

Аресты бывших ленинградских работников продолжались по всей стране ещё в течение четырёх месяцев.

От арестованных путем угроз и избиений получали нужные следствию показания, в результате чего недостатки и проступки

были переквалифицированы в серьёзные преступления, направленные на подрыв силы и авторитета кремлевской власти.

Н. Хрущёв в своё время также назвал намерения ленинградских руководителей «русским национализмом», хотя это соответствовало официальной пропаганде послевоенного десятилетия, утверждающей превосходство русской нации над всеми другими.

Центральный процесс по «Ленинградскому делу» состоялся 29–30 сентября 1950 года. Аналогичные процессы проходили по всей стране.

Всего было осуждено 214 человек, из них 69 основных обвиняемых и 145 человек – их родственников. 23 человека были осуждены к высшей мере наказания – расстрелу. Специально для этого «дела» 12 декабря 1950 г. восстановили отмененную в 1947 г. смертную казнь. Свыше 50 человек, работавших во время блокады на руководящих постах в районных партийных и советских органах г. Ленинграда, были осуждены по сфальсифицированным «делам» на длительные сроки заключения. Процесс был закрытый и сведения о нем в печать не поступали.

Мой хороший приятель, москвич, бывший старшина роты, демобилизовался раньше меня в 1949 г. Поскольку у него не было никакой гражданской специальности, он принял предложение «покупателей» о работе в МГБ. Мы с ним часто встречались и, когда по Москве пошли разные слухи о Ленинграде, зная, что он туда ездил в командировку, я спросил, что там случилось? Он ответил коротко и просто: «В городе портретов ленинградских руководителей больше, чем портретов Сталина». Он настойчиво советовал никогда и никому не высказываться отрицательно о Сталине: достаточно двух свидетелей и срок обеспечен. Об этом мне говорил и наш родственник, работавший в Москве военным юристом и немало знал о вещах «не для печати».

Обращает на себя внимание то, что вопрос о физическом уничтожении и длительном заключении арестованных был решён задолго до процесса. Об этом свидетельствуют не только восстановление смертной казни, но и совершенно секретная слу-

жебная переписка Министра Госбезопасности СССР В. Абакумова с И. Сталиным.

В январе 1950 г. В. Абакумов представляет Сталину служебную записку, где пишет: «При этом представляю список арестованных по ленинградскому делу. Видимо целесообразно, по опыту прошлого, осудить в закрытом заседании Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного суда в Ленинграде, без участия сторон. то есть обвинения и защиты, группу 9–10 человек основных обвиняемых». И далее: «Для составления обвинительного заключения и подготовки дела к рассмотрению в суде, нам необходимо знать лиц, которых следует осудить в числе группы основных обвиняемых. Прошу ваших указаний» (источник: Википедия).

Затем Абакумовым был представлен Сталину поимённый список в количестве 9 человек, которых необходимо было осудить к смертной казни без права помилования, с немедленным приведением приговора суда в исполнение и «Просим Ваших указаний».

Затем Абакумов послал Сталину служебную записку (датировано 1950 г.) с поименным списком «на остальных арестованных в количестве 38 человек», где просит разрешения Сталина на осуждение «обвиняемых, перечисленных в прилагаемом списке с 1 по 19 номер включительно – к смертной казни, с 20 по 32 номер включительно – к 25 годам заключения в тюрьме, с 33 по 38 номер списка – на 15 лет заключения в особом лагере». Комментарии, как говорят, излишни.

Глава 11

В СССР проводилась политика замалчивания как героизма евреев в Отечественной войне, так и Холокост еврейского народа. Советские пропагандисты говорили, что это затем, чтобы не способствовать нацистской пропаганде «О еврейском засилье в СССР».

Замалчивание никак не повлияло на немецкую пропаганду, но зато, однозначно, усилило антисемитские настроения населения Союза. Не говоря о юдофобах, любой несведущий или малосведущий человек, не найдя в средствах массовой информации упоминания евреев ни в плохом, ни в хорошем смысле, поневоле делает вывод: «брехня что они подвергались уничтожению нацистами и что они участвовали и проявляли мужество и героизм на фронтах Отечественной Войны».

Замечено, что Сталин нигде официально не вспоминал ни еврейский народ, ни его жертвы, ни его заслуги в Отечественной войне. Этого было достаточно, чтобы партийные и советские пропагандисты беспрекословно начали проводить политику умалчивания.

Известный писатель и журналист И. Эренбург выступил в марте 1943 г. с предложением создать книгу о евреях-героях Отечественной войны. Идея была похоронена, политорганами под предлогом того, что незачем выделять героизм солдат какой-либо национальности. В то же время средства массовой информации были переполнены описаниями героизма людей «коренных национальностей» СССР.

Такая книга не могла быть издана, поскольку была бы вопреки мнению Сталина о том, что евреи плохие солдаты, высказанному 3 декабря 1941 г. в беседе с представителями польского правительства в эмиграции (в Лондоне).

Большой интерес представляет изложенная в интернете запись беседы Председателя правительства Польши в эмиграции В. Сикорского и командующего Польской армией на территории СССР В. Андерса, посла Польши С. Кот с И. Сталиным и Наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым. Надо отметить, что беседа велась между заклятыми «друзьями». «Враг моего врага – мой друг». Сталин и Молотов, разделившие вместе с Гитлером Польшу в 1939 году – генералы Сикорский и Андерс, воевавшие против СССР в 1919–1921, 1939 годах. К тому же В. Андерс только 4 месяца назад был выпущен из тюрьмы НКВД, где просидел 20 месяцев.

На встрече, прежде всего, обсуждались вопросы формирования польской армии, её будущее, а также сроки подготовки солдат к военным действиям и др. Вот некоторые выдержки из записи беседы:

Сикорский говорит, что польские войска сражаются всюду и храбро воюют.

Сталин: «Я знаю, что поляки отважны».

Сикорский: «Условия, в которых сейчас формируется польская армия, совершенно никуда не годятся. Солдаты мерзнут в летних палатках, страдают от нехватки питания и прямо-таки приговорены к медленной гибели. Поэтому я предлагаю вывод всей армии и всего людского резерва, способного к несению военной службы, например в Иран».

Андерс продолжает сообщение о нынешнем положении формируемой армии и доказывает, что при действующих условиях организация частей, способных вести боевые действия, совершенно невозможна.

Сталин (недовольным и раздражённым тоном): «Я человек опытный и старый. Я знаю, что если вы выйдете в Иран, то сюда не вернётесь».

Андерс: «Мы хотим воевать за Польшу» и продолжает объяснять трудности формирования армии в СССР.

Сталин (раздражённый): «Если поляки не хотят воевать, то пусть уходят. Мы их держать не станем».

Сикорский: «Вы меня задели, Господин Президент, когда сказали, что наш солдат не хочет воевать».

Разногласия были и по вопросу выполнения объявленной амнистии, задержки военнопленных офицеров в лагерях, хотя они нужны для формирования армии, освобождения поляков из рабочих батальонов, отношения к полякам местных чиновников и населения и др.

Стороны преследовали различные интересы, испытывали взаимное недоверие, что привело в конечном итоге к переводу формирования армии Андерса в Иран, куда из СССР выехало

около 76 тысяч военнослужащих и более 37 тысяч членов их семей.

Зато полное единодушие проявили трое участников беседы касаясь «еврейского вопроса». Когда Андерс сказал, что он рассчитывает на численность армии в 150 тысяч (советская сторона ограничивала армию 30 тысяч) и что, не исключено, что людей у нас даже больше, но среди них большая доля еврейского населения, которое не хочет служить в армии.

Все не совсем так. Наоборот, большинство польских евреев, освободившись из заключения и лагерей, по амнистии Москвы, стремились в армию. Из беженцев они превращались в солдат, что давало возможность в будущем покинуть границы СССР. И это при том, что в Армии были частые проявления антисемитизма.

Это следует из письма посла Польши в СССР С. Кота начальнику польской военной миссии, генералу З. Богушу-Шишко 30 апреля 1942 г. С. Кот пишет: «В нашей армии проводится чистка в попытке сократить число евреев и что самых здоровых демобилизуют, как якобы больных. Неужели это необходимо и отвечает требованиям момента».

Сталин говорит: «Не увлекается ли Андерс? 150 тысяч – это цифра очень большая. Может быть такое количество поляков стремится в армию для того чтобы прокормится».

Сикорский говорит, что может быть такие лица есть, но это, по всей вероятности, евреи.

(И тут «господин президент», солидаризуясь с польскими антисемитами и антисоветчиками, выдал в угоду им такое, что им и не снилось).

Сталин говорит, что так рассуждать могут и не только евреи. «Что касается евреев, то они плохие солдаты». Затем он добавил, что «евреи – никудышные вояки».

Видимо поэтому, уже в январе 1942 г. на совещании в штабе польской армии высших чинов с участием советских офицеров, Андерс выступил со странной просьбой: «не направлять к нему

польских граждан из национальных меньшинств, прежде всего евреев, а затем украинцев и белорусов».

Не сомневаюсь в храбрости и отважности польских солдат. Правда смущают немного цифры, приведенные в книге под редакцией генерал-полковника Г. Кривошеева «Россия и СССР в войнах XX века», в которой указано, что в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину, по пути встречались очаги сопротивления. Основная же часть польских войск целыми частями и соединениями сдавались в плен.

С 17 и до конца сентября 1939 г., было разоружено 452 тыс. человек, в том числе 18,8 тыс. офицеров и генералов. В других источниках были приведены другие числа – 240–250 тыс. солдат и офицеров.

В. Андерс, в своей книге «Без последней главы» пишет о Сталине так (стр. 31): «Грузин Сталин манипулировал антисемитскими настроениями не хуже, чем это делал Плеве при царе, а может и лучше». О себе В. Андерс пишет, что он не такой.

Сформированная с СССР армия Андерса, ушла в Иран летом 1942 г., и так и не приняла участие в боевых действиях на советско-германском фронте.

Дислоцировалась армия, преобразованная во «2-й Польский корпус» сначала в Ираке, потом в Палестине и Египте.

В 1944 г. Польский корпус был переброшен в Италию, где отличился при прорыве так называемой «Линии Густава» (прикрывавшей Рим с юга), после многодневных кровопролитных боев взяли 18 мая ключевой пункт немецких укреплений – монастырь Монте – Кассино. В этих боях принимали участие 1300 еврейских солдат, которые были удостоены 136 наградами (из 492) за мужество и отвагу. 6 евреев получили высшую награду Польши, 68 – почетный крест. Остальные были награждены серебряными и бронзовыми крестами.

После войны, даже В. Андерс, признанный антисемит, был вынужден признать, что: «Евреи сражались героически и отлично исполнили свой долг».

После прибытия польского корпуса в Палестину, значительное количество солдат евреев «дезертировало» в Боевую Еврейскую Бригаду, входящую в состав британской армии. Многие из них дезертировали из-за антисемитизма в армии В. Андерса.

Еврейская бригада формировалась за счет добровольцев и успешно сражалась на итальянском фронте против вермахта.

Боевой опыт солдат и офицеров Еврейской бригады сыграл важную роль в формировании Армии Оборона Израиля.

В свое время, практическую школу военного дела в рядах Еврейской бригады прошли многие командиры, а М. Маклеф и Х. Ласков стали впоследствии начальниками Генерального Штаба Армии Оборона Израиля.

Генерал Д. Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий силами союзников в Европе и президент США в 1953–1961 годах так оценил вклад еврейских солдат в победу над нацистами Германии: «Я хочу отдать честь бойцам героической бригады, чье блестящее боевое прошлое и вклад в победу союзников долго будут помнить их братья по оружию и народ государства Израиль».

И еще одно мнение. Историк А. Дикий, которого многие историки и исследователи называют «паталогическим антисемитом», в своей книге «Евреи в России и СССР», где красной нитью проходит «евреи, евреи, кругом одни евреи», пишет: «Все они, и на фронте и в тылу – прилагали все свои силы, чтобы не попасть под власть немцев, что равносильно смерти» и далее...» По этой причине евреи воевали и за страх и за совесть». Все-таки подколот, переиначив общеизвестную фразу.

Так чем же так не угодили Сталину евреи – солдаты в первые месяцы войны?

Может из-за плохих и никудышных, солдат Красная армия потерпела сокрушительное поражение? Ведь беседа проходила, когда оккупанты стояли в 20 км от Москвы и рвались вперед.

Какие основания были для таких выводов? По моему мнению – никаких. Сталину никаких оснований и не нужно было

никогда. Никто не смел перечить вождю, любые его слова считались непререкаемой истиной.

Общеизвестно, что первые месяцы войны были самыми тяжелыми испытанием для страны и народа. Но именно на этом самом трудном этапе войны мужество и храбрость проявили воины-евреи, зачастую ценой своей жизни.

Не мог Верховный Главнокомандующий не знать о героической обороне Брестской Крепости, закончившейся 20 июля 1941 г., когда Красная Армия вела бой и сдала Смоленск.

Одним из организаторов и руководителей обороны был еврей, Ефим Моисеевич Фомин – полковой комиссар, зам. командира 84 стрелкового полка. В первый день войны он организовал оборону участка крепости у Холмских ворот. Затем стал заместителем командира сводной группы.

По свидетельству оставшихся в живых защитников крепости, Е. Фомин в чрезвычайно тяжелых условиях проявлял выдержку, был образцом мужества и отваги, лично участвуя в боях. Будучи раненным и контуженным, он был захвачен фашистами, выдан предателем и расстрелян там же в крепости.

Ветеранские и другие организации, а также инициативные группы граждан многократно ходатайствовали о присвоении, Е. Фомину звания Героя Советского Союза. 3 января 1957 г. он был посмертно награжден орденом Ленина.

В первые дни войны важнейший участок шоссе Гродно – Минск, защищал 6-й механизированный корпус генерал-майора Михаила Хацкелевича, участника гражданской войны. 24 июня 1941 г. части мех. корпуса нанесли контрудар по наступающим немецким войскам.

Вскоре из-за больших потерь, недостатка горючего и боеприпасов, наступление корпуса приостановилось. Тем не менее, соединению удалось приковать к себе часть сил наступающих немецких войск и нанести им некоторый урон. Он героически погиб вместе с солдатами на переднем крае. Маршал Жуков в своих воспоминаниях писал: «Из этого сражения не вернулся к ком-

кор М. Г. Хацкелевич. Это был хороший командир, смелый человек».

27 июня 1941 г. зам. командира эскадрильи бомбардировщиков, Исаак Пресайзен, за линией фронта попал в зону плотного зенитного огня. Снаряд пробил бензобак и тогда он направил свою горящую машину на скопление немецкой техники. Произошел взрыв, в результате которого было уничтожено много машин и живой силы.

Вернувшиеся с боевого задания однополчане доложили о подвиге летчика. Зам. командира полка вылетел на место тарана и, убедившись в достоверности происшедшего, оформил наградной материал о представлении Пресайзена к званию Героя Советского Союза.

Вместо посмертного награждения, Пресайзена, по неизвестным причинам, отнесли к пропавшим без вести. Об этом жене летчика сообщили через полгода.

На запрос его сына в Центральный архив министерства обороны СССР, после долгого молчания, в конце зимы 1970 г., пришел ответ, что в наградном материале на личный состав ВВС Западного Фронта имеется представление к награде на зам. командира ст. лейтенанта Исаака Зиловича (Зиновьевича) Пресайзена, а резолюции с отказом в присвоении летчику звания Героя Советского Союза в архиве нет.

К кому только не обращались за выяснением причины, получали отписки, сводившиеся к одному: установить сейчас причину, по которой И. Пресайзен не был награжден, невозможно из-за давности.

В августе 1941 г., когда нацисты заявляли, что советская авиация уничтожена, эскадрилья бомбардировщиков, в составе которой был капитан Михаил Плоткин, нанесла бомбовой удар по промышленному району Берлина. Затем, вторично бомбил его. За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом героизм и мужество, капитану М. Плоткину, Указом от 13 августа 1941 г., было присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб он при налете на Кенигсбергский порт в 1942 г.

Помощник командира танковой роты по технической части Соломон Горелик с июня 1941 г. служил в действующей армии. Под огнем противника он исправлял повреждения, а когда требовала обстановка, сам садился за руль и вел машину в качестве водителя и командира танка. На его счету числилось много уничтоженных вражеских орудий и минометов.

Так, 20 сентября 1941 г. в бою под г. Богодуховом Харьковской области, он лично уничтожил 8 орудий, 3 миномета и подавил гусеницами своего танка несколько пулеметных гнезд.

23 октября 1941 г. на подступах к г. Белгороду, тяжелый танк КВ вел воентехник С. Горелик. Танк ворвался на позиции вражеских артиллеристов, раздавил орудие и получил тяжелый удар. Танк загорелся. Вместе с ним сгорел и С. Горелик.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1941 г., ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

5 июля 1941 г. немецкая танковая колонна стремилась с ходу прорваться через мост на реке Друть на шоссе Бобруйск–Могилёв. Сильное сопротивление фашистам оказал артиллерийский дивизион капитана Хиркина. В неравном бою против сорока вражеских танков, Б. Хиркин, заменив убитых товарищей, сам стал к орудию и лично уничтожил 6 танков, не дав колонне прорваться через мост. Он погиб в неравном бою. Указом от 31 августа 1941 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. На следующий день, 1.9.1941, газета «Правда» написала: «Наш народ с благодарностью будет вспоминать подвиг Героя Советского Союза капитана Хиркина, мужественно вступившего в бой с фашистской танковой колонной и в неравной схватке уничтожившего из орудия 6 вражеских танков».

В боях под городом Борисов Минской области известный военно начальник (в послевоенные годы – Генерал Армии) полковник Яков Крейзер командовал 1-ой Московской мотострелковой дивизией. 30 июня 1941 г. дивизия, занимая оборону на рубеже реки Березина, нанесла наступающему противнику контрудар и задержала его на двое суток. В боях под городом Орша Я. Крейзер обеспечил ведение успешных боевых действий на

главном направлении армии. Он был ранен 12 июля 1941 г. 22 июля 1941 г. Крейзеру, Якову Григорьевичу, за успешное руководство и проявленные при этом личное мужество и героизм, было присвоено звание Героя Советского Союза.

17 ноября 1941 г. на одном из участков шоссе Руза-Волоколамск героический подвиг совершил 18-летний артиллерийский наводчик Ефим Дискин. В тяжёлом бою против многочисленных вражеских танков, оставшись один в живых и будучи трижды раненым, он не оставил поле боя и сумел уничтожить 7 танков. Полумертвого, Ефима подобрала санитары. За этим боем лично наблюдал генерал Жуков. Он дал указание узнать фамилию наводчика и представить его к награде. Только в госпитале, 12 апреля 1942 г., Ефим Дискин узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Когда в 1961 году Жукова спросили, чей подвиг ему особенно запомнился, маршал ответил: «Всем известны имена панфиловцев, Зои Космодемьянской и других бесстрашных воинов, ставших легендарными, гордостью нашего народа. В один ряд с ними я бы поставил подвиг рядового наводчика орудия 694 артиллерийского противотанкового полка Ефима Дискина». После войны Е. Дискин закончил военно-медицинскую академию, дослужился до звания генерал-майор медицинской службы и стал профессором.

Генерал-майор Семен Моисеевич Кривошеин – участник Гражданской войны, в 1936–37 годах командовал танковым отрядом в Испании и был награждён Орденом Ленина. В 1939 году он принимал участие в походе Красной Армии в Западную Белоруссию и 22 сентября совместно с немецким генералом Г. Гудерианом принимал в Бресте совместный парад войск Красной Армии и Вермахта. Затем Кривошеин участвовал в Советско-Финской войне. В феврале 1940 г. танковая бригада под его командованием участвовала в штурме и овладении г. Выборг. С июля 1941 г. корпус под командованием Кривошеина участвовал в боевых действиях в районе городов Рогачёв, Жлобин, Гомель и в обороне г. Могилёва. В последующем, его танковый корпус участвовал во многих наступательных операциях, в том

числе в Белорусской, Висло-Одерской и Берлинской. Танкисты корпуса и их командир проявляли чудеса отваги в жестоких уличных боях в Берлине. За умелое командование корпусом и личное мужество генералу Кривошеину 29.05.1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. В этом прославленном танковом корпусе сражались и другие евреи: начальник штаба полковник Лимберг, зампотех корпуса полковник Лифшиц, командиры танковых бригад, Герои Советского Союза, полковники Евсей Вайнруб и Абрам Темник, и многие другие.

Абрам Темник героически погиб 29 апреля 1945 г. в Берлине. Евсей Вайнруб репатриировался в Израиль и жил в г. Ашдод. 5 мая 2013 года в Ашдодде был открыт памятник двум родным братьям-танкистам, евреям, Героям Советского Союза генералу Матвею и полковнику Евсею Вайнрубам. Генерал-майор Матвей Вайнруб был в действующей армии с первых дней войны. Он особенно отличился во время Висло-Одерской наступательной операции, когда танковое соединение под его командованием прорвало оборону врага на реке Висла, что открыло путь в Германию.

Это далеко не полный перечень примеров героизма проявленного воинами-евреями в начальный период войны. К этому необходимо добавить, что из 157 евреев Героев Советского Союза 45 или 29% получили это звание посмертно, то становится ясно что «мудрые» слова Сталина о воинах-евреях были не что иное, как намеренная ложь и клевета.

Сейчас, когда раскрылись секретные архивные документы, «все тайное стало явным». Понятно, что Сталин, который так пренебрежительно отзывался о воинских качествах евреев, подорвал боеспособность армии довоенными репрессиями против командного состава. Он игнорировал информацию о концентрации гитлеровских войск у советских границ и дезориентировал военное руководство и народ сообщением ТАСС от 13 июня 1941 г. Сталин во многом повинен в провале в начальный период войны, что привело к огромным потерям и позволило оккупантам дойти до Москвы.

Оказалось, что никакого внезапного нападения, которым многие годы объясняли провал в начале войны, не было. Иностранная печать писала о близости войны между СССР и Германией. Только в первой половине июня 1941 года Разведывательное Управление Красной Армии сообщало Сталину о концентрации немецких войск в размере 120–122 дивизий на границе с СССР. НКВД сообщало о военных мероприятиях немцев вблизи границ. НКГБ – об интенсивной военной мобилизации немцев на сопредельных территориях.

В ответ на это 13 июня 1941 г. ТАСС заявило, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, которые заинтересованы в развязывании войны. «...По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия Советско-Германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз». «...Слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР, лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательство с советско-германским и отношениями».

Факты для Сталина никакого значения не имели. Он был уверен, что Гитлер не нападет на СССР, пока не покончит с Англией и все, что противоречило этой уверенности, отметал как дезинформацию и провокацию. Поэтому директивы приграничным военным округам о приведении войск в боевую готовность имели сроки исполнения 1 октября 1941 г. и по существу не давали разрешение на отпор агрессору, поскольку оговаривалось «не поддаваться на провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Даже когда вечером 21 июня, за несколько часов до начала войны, было сообщение от перебежчика – немецкого фельдфебеля, что немецкие войска выходят на исходные позиции и наступление начнется утром 22 июня, Сталин отверг подготовленную начальником Генерального штаба Г. Жуковым директиву приграничным военным округам о немедленном приведении войск в боевую готовность. Он сказал, что та-

кую директиву сейчас давать преждевременно. «Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений» (Г. Жуков «Воспоминания и размышления»).

Такая директива была передана в приграничные военные округа. Военный исследователь полковник М. Ходоренок, и не только он, характеризует эту директиву как «непрофессиональную и, фактически, невыполнимую». Он считает, что директива своим запретом не отвечать на «провокации» дезориентировала командование и народ.

Только героические усилия, десятки миллионов жертв всех народов Советского Союза и помощь союзников спасли мир от фашистского порабощения.

Глава 12

Воюющие стороны обычно всегда были склонны занижать и замалчивать свои потери и поражения, а потери и поражения противника – преувеличивать. Не было исключением и Советский Союз, особенно в первый период войны. В то время когда Красная Армия отступала и терпела поражение за поражением, замалчивание и прямое искажение событий войны были обычным делом.

В ежедневных сообщениях Совинформбюро (начальник – секретарь ЦК ВКП (б), генерал полковник Щербаков А. С.), рассказывалось об успешных действиях наших войск, героизме солдат и офицеров, перечислялись почти все населенные пункты, отбитые у врага. При этом замалчивались территории и города, сданные оккупантам.

Аналогично и с потерями противоборствующих сторон. Следует отметить, что советские данные о пленных красноар-

мейцах, по идеологическим мотивам, вообще скрывались, отражая их как «пропавших без вести».

Обратимся к сообщениям Совинформбюро и хронике Великой Отечественной Войны (ВОВ) за дни, когда мы двигались (бежали) на восток и в какой то мере невольно стали свидетелями происходящего.

По википедии:

22.6.1941 (1-й день войны). Совинформбюро: «С рассветом 22.6.41 г. регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течении первой половины дня сдерживались ими. После ожесточенных боев с полевыми войсками Красной Армии противник был отбит с большими потерями.

Хроника ВОВ. Белостокское-Минское сражение. Началась Беллорусская стратегическая оборонительная операция Западного фронта. 22.06–09.07.1941 танковая группа армий «центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Фонбок), по захваченным мостам, прорвала оборону и форсировала р. Неман. 2-я танковая группа противника форсировала Зап. Буг по обе стороны Бреста. Начат штурм Брестской крепости.

23.6.1941 (2-й день войны). Совинформбюро. Все атаки противника на ряде направлениях были отбиты с большими для него потерями.

Наша авиация вела успешные бои, прикрывая войска, аэродромы, населенные пункты и военные объекты, от воздушных атак противника.

Хроника ВОВ. Белостокское – Минское сражение. Наши 6-й и 11 механизированные корпуса нанесли контрудар во фланг прорвавшейся группировки противника.

24.6.1941 (3-й день войны). Совинформбюро. На Гродненском–Волковыском и Брестко–Пинском направлениях идут ожесточенные бои за г.г. Гродно, Кобрин, Вильно, Каунас (непонятно какое отношение к этим направлениям имеют г.г. Вильно и Каунас).

«За 22-е, 23-е, 24-е июня Советская Армия потеряла 374 самолета, подбитых, главным образом, на аэродромах. За этот же период Советская авиация в боях в воздухе сбила 161 немецкий самолет. Кроме того по приблизительным данным, на аэродромах противника уничтожено не менее 220 самолетов».

Исследователь А. Гуляс указывает, что советские историки оценивают потери за первые сутки войны на подвергшихся внезапному удару 66-и приграничных аэродромах в 800 машин, а общие потери авиатехники – 1160 самолетов. Основной удар пришелся на 26-и аэродромах Белорусского Военного округа, где противник сжег 528 самолетов, и еще 210 было сбито в воздухе.

9-я смешанная авиадивизия ВВС Западного Фронта из 409 имеющихся самолетов к началу войны потеряла 347. Командир дивизии Черных С. А. был признан виновным и осужден Военной коллегией верховного суда СССР 28.06.1941 г. к расстрелу за преступное бездействие в возложенных на него обязанностях в результате чего авиация противника уничтожила около 70% материальной части дивизии. В 1958 г. был посмертно реабилитирован.

24.6.1941 (3-й день войны). Хроника ВОВ. Немецкие механизированные корпуса вклинились в глубину советской территории на 170 км и заняли гг. Вильно и Каунас.

26.06 (5 день войны). Совинформбюро.

В течение дня на Минском направлении наши войска вели бои с просочившимися танковыми частями противника.

«Истребители противника оказывали слабое сопротивление нашим бомбардировщикам».

Хроника ВОВ.

Белостокское-Минское сражение. Немецкая танковая группа заняла гг. Воложин, Молодечно, Радошковичи, обошла Минск с севера и направилась к г. Борисов. В районе Острошицкого городка высажен воздушный десант. (Мы там были 25.06).

27.06 (6 день войны). Совинформбюро.

В течение дня наши войска на Вильнюском и Барановичском направлениях продолжали отход на подготовленные к обороне позиции. На Минском направлении отбиты наступления крупных танковых частей противника.

Хроника ВОВ.

Белостокско_Минское сражение. В ночь на 27.06 3-я танковая группа противника заняла г. Смолевичи (40 км восточнее Минска) на шоссе Минск–Москва (Мы там были 26.06). Танковая группа Гудериана заняла г. Столбцы и вышла на южную окраину Минска.

28.06 (7 день войны). Совинформбюро.

На Минском направлении войска Красной армии продолжают борьбу с танками противника.

Хроника ВОВ.

3-я танковая группа ворвалась в Минск с северо-запада, а 2-я танковая группа – с юга.

29.06 (8 день войны). Совинформбюро.

На Минском направлении усилиями наших наземных войск и авиации дальнейшее продвижение прорвавшихся механизированных частей противника остановлено.

В вечерней сводке за 29 июня сообщается, что согласно немецкому радио за семь дней войны захвачено и уничтожено более 2000 советских танков, более 4000 самолётов и взято в плен 40 тысяч красноармейцев. За это же время немцы потеряли 150 самолётов.

В ответ на это Совинформбюро сообщало: «...даже неудобно отвергать эту явную ложь и хвастливую брехню». И приводит свои данные за 7–8 дней боёв: немцы потеряли не менее 2500 танков, около 1500 самолётов, более 30 тысяч пленными. Красная Армия потеряла 850 самолётов, до 900 танков, до 15 тысяч пропавшими без вести и пленными.

Не берусь судить чьи данные более достоверны. Ясно одно, что обе стороны далеки от истины. Помнится, что мы чувствовали при авианалётах немецкой авиации. Это ощущение беспомощности, незащитности и безысходности. Когда над тобой на низкой высоте летит вражеский самолёт, даже если он не стреляет и не бомбит, от одного гула закладывает уши, сохнет во рту, сердце замирает и ты несёшься куда глаза глядят и думаешь: «Куда делась наша авиация?»

Легче бы не было, если бы мы знали, что по сводке Совинформбюро, немецкая сторона потеряла около треть своих самолётов и что наша авиация прикрыла всех и вся от воздушных атак противника.

В действительности, как указывалось выше, в первый день боёв было уничтожено около 1200 самолётов, в том числе 730 на западном фронте. В результате, уже на второй день войны, на территории Белоруссии немецкие самолёты господствовали в воздухе. Из боевого донесения штаба 4-ой Армии Западного фронта за 23.06.1941 г.: «Успеху противника особенно содействовала непрерывная поддержка авиации при полном отсутствии действий с нашей стороны».

Я привожу сообщения Совинформбюро за первые недели войны в сопоставление с Хроникой Великой Отечественной Войны (ВОВ), составленной на основании боевых донесений, рапортов, различных архивных и других документов, не только для того, чтобы была видна разница в информации, но и для того, чтобы можно было представить какой информацией мы располагали.

Совинформбюро, несмотря на катастрофическое положение на фронте, продолжало освещать события так, как будто ничего особенного и страшного не происходит. Населению, находившемуся на пути наступления вражеских войск, подобные сообщения не давали сколько-нибудь реального представления о смертельной опасности, нависшей над их жизнями и не оставляли времени для спасения.

1.07(10) Совинформбюро. На Минском направлении продолжают бои подвижными частями противника. Наши войска, применяя заграждения и контрудары, задерживают продвижения противника и наносят ему значительное поражение.

Хроника ВОВ. Белостокско-Минское сражение. Танковая часть противника ворвалась в Старый Борисов. (В этот день мы ушли из Борисова, который был занят немцами 2 июля).

3.7 (12 день войны) Совинформбюро.

Сообщается, что по радио выступил Председатель Госкомитета Обороны И. В. Сталин. Это было его первое публичное выступление с начала войны. Мы с этой речью ознакомились только в десятых числах июля, когда добрались до Смоленска. В людных местах города стояли специальные щиты, на которых вывешивались центральные газеты. На одном из них сохранилась газета с текстом первой речи Сталина по радио. Сталин призывал народы Союза, доблестную Красную Армию и Военно-Морской флот, доблестных лётчиков-соколов к самоотверженной отечественной освободительной войне против фашистских поработителей, к полному разгрому врага, к победе. В речи также говорилось «...что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений». И далее: «Только на нашей территории немецко-фашистская армия встретила серьёзное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что Гитлеровская фашистская армия может быть разбита и будет разбита».

Эти заявления внесли сумятицу в головах многих беженцев. Почти все уже записались на эвакуацию, начал формироваться эшелон, а тут выходит, что нечего спешить. Раз такая авторитетная личность как Сталин сказал, что лучшие немецкие дивизии разгромлены «и остальных погонят на Запад», то так и будет. Тем более, что все с нетерпением ждали такое заявление и оно было радостно принято. Сомневающимся вслух даже «пикнуть»

не давали. Появилась надежда, что вскоре можно будет вернуться в родные места.

Дело в том, что реального положения дел на фронте никто толком не знал. Вся информация исходила от самих беженцев, распространяемых слухов и сообщений Совинформбюро, которые, как сообщалось выше, ещё больше запутывали людей.

Вот один из многочисленных примеров. Мы ушли из Борисова 1 июля. 2 июля он был оккупирован. Несмотря на это, в сводках Совинформбюро в течении 1-ой декады июля всё время сообщалось, что на Борисовском направлении идут жесточайшие бои с противником, что наши войска прочно удерживают занимаемые позиции. Даже 10 июля, когда Борисов уже находился около 130 км от линии фронта и по существу началось Смоленское сражение, Совинформбюро сообщало, что «...на Борисовском направлении наши части нанесли одной из дивизий противника серьёзное поражение».

Мы, дети и женщины, измотавшиеся от многодневных тяжёлых скитаний и поддавшиеся общим настроениям, стали склоняться к тому, чтобы задержаться в Смоленске. Наш отец, человек спокойный и рассудительный, собрал наши две семьи и стал объяснять, почему нельзя задерживаться, а нужно эвакуироваться. Его рассуждения сводились к следующему. Он дипломатично начал с того, что фашистская Германия, как сказал Сталин, будет побеждена, но, к сожалению, неизвестно когда. И хотя, «...лучшие дивизии немецко-фашистских войск оказались разбиты...», выходит что доблестная Красная Армия не смогла остановить, «нелучшие» немецкие дивизии за прошедшую после речи Сталина неделю. Более того, они продвинулись на восток свыше 100 км и заняли все населённые пункты на востоке от Борисова, через которые мы несколько дней назад проходили.

Мы, как и многие другие сомневающиеся, не стали искать судьбу и отказываться от эвакуации. В пути, через несколько дней, узнали что идут бои за Смоленск и некоторые районы города переходят из рук в руки. А 29 июля город полностью сдали.

Таким образом, если бы наш отец не засомневался в нарисованной радужной перспективе, всё могло закончиться для нашей семьи плачевно.

После того, как всё тайное стало явным, выяснилась цена заявления Наркома Обороны СССР И. Сталина об уничтожении лучших дивизий германской армии. Например, согласно Википедии, Хроники ВОВ и других публикаций, в Белостокско-Минском сражении (22 июня – 8 июля 1941 года) войска Западного фронта потерпели тяжёлое поражение. Большая часть сил фронта попала в окружение и была уничтожена. 28 июня был взят Минск, 2 июля – Борисов, противник углубился в направлении Москвы на 350–400 км.

В Белостокском и Минском «котлах» были уничтожены 23 дивизии, в том числе 6 танковых и 11 мотострелковых. В руки противника попало большое количество военной техники.

Из 625 тысяч человек своего состава фронт потерял 418 тысяч, или 66,9%. Из них безвозвратные потери (убито и умерло от ран, пропало без вести и попало в плен) – 341 тысяча человек и санитарные (ранено) – 77 тысяч (без учёта пограничных войск и войск НКВД).

287,7 тысяч военнослужащих попали в плен. Согласно данным приказа командующего немецкой группой армий «Центр» генерала-фельдмаршала Ф. Фонбока от 8 июля 1941 г., в плен попали 8 генералов (командиров корпусов и дивизий), 3 пропали без вести и 9 погибло.

Командование Западным фронтом (командующий Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта – В. Е. Климовских и другие генералы), признанное виновным в поражении, было арестовано, предано суду военного трибунала и расстреляно.

После смерти Сталина расстрелянные военно-начальники были посмертно реабилитированы. Анализ причин поражения советских войск на западном направлении в июне-июле 1941 года выявил комплексную ответственность партийного руководства, руководства наркомата обороны и Генерального штаба.

Короче говоря, Павлова и других сделали «козлами отпущения».

Очень большие потери Красная Армия понесла не только в Белорусской стратегической оборонительной операции, но также и в других подобных операциях первого периода войны, в основном, за счёт пропавших без вести и попавших в плен.

В книге военных историков под редакцией бывшего зам. начальника генерального штаба, генерала-полковника Г. Ф. Кривошеева «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Действующая армия» приведены потери по семи стратегическим оборонительным операциям (Прибалтийской, Западно-Украинской, Киевской, Ленинградской оборонительным операциям, Смоленском сражении и др.), которые завершились в период с июля по октябрь 1941 года.

Общая сумма потерь только по этим операциям оставила 2685 тысяч человек, в том числе безвозвратные – 1971 тысяча и санитарные – 714 тысяч человек.

И вот на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 года Сталин заявил, что «...за 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч, пропавшими без вести – 378 тысяч а ранеными – 1 миллион 20 тысяч человек. За этот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4 с половиной миллионов человек».

Уже через месяц с небольшим в сводке Совинформбюро за 16 декабря 1941 года в статье «Очередная брехня Гитлера» доводятся потери немецкой армии до 6 млн. человек.

В ответ на приведенные данные о потерях немецкой армии с 22 июня по 1 декабря 1941 года: убито – 162,3 тыс., ранено – 571,8, пропало без вести – 33,3 тысячи, а всего – 763,3 тыс. человек. В статье говорится: «Эти цифры не могут не вызвать смеха. За пять месяцев войны на Восточном фронте полегло костями целое поколение немцев. Убитыми и ранеными немцы потеряли около 6 миллионов человек».

В данной статье опровергаются сведения о 3,8 миллионов пленных и заявляется: «На самом деле наши потери пропавши-

ми без вести за 5 месяцев войны составляют всего 520.080, куда входят и пленные».

Пропавших без вести и попавших в плен по данным Г. Кривошеева составили за III кварта 1941 г. 1699 тыс. человек и за 1941 год – 2335 тыс. человек.

Аналогичное положение с цифрами потерь было и после войны. С 1946 по 1990 год общая оценка военных и гражданских людских потерь менялась 4 раза в сторону увеличения. Авторами новых цифр всегда выступали генеральные секретари партии.

Впервые публично цифру потерь озвучил И. Сталин 14 марта 1946 года в интервью газете «Правда», назвав цифру «около семи миллионов человек».

5 ноября 1961 года Н. Хрущёв отметил, что прошедшая война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей».

9 мая 1965 года, в день 20-летия Победы, Л. Брежнев в своей речи сказал, что страна потеряла «свыше 20 миллионов человек».

8 мая 1990 г. Президент СССР М. Горбачёв заявил, что война унесла «почти 27 миллионов жизней советских людей».

В заключении темы о достоверности официальной информации – сводка Совинформбюро от 24 января 1945г.: «Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая наступление, к исходу дня 23 января штурмом овладели городом Калиш». Я уже писал, что ночью моё отделение, а затем и вся рота прошли через г. Калиш без всякого штурма.

Глава 13

В начальный период отечественной войны в советской печати ещё отмечались факты уничтожения еврейского населения. Так, в ноте наркома иностранных дел В. Молотова, опубликованной 6 января 1942 года, содержался абзац о Бабьем Яре, в котором говорилось об уничтожении 52 тысяч евреев Киева. На-

цистская пропаганда всё время утверждала, что немцы воюют только лишь с евреями и коммунистами. Чтобы лишить их этого довода и чтобы не создалось впечатление, что нацисты опасны только еврейскому населению, советская пропаганда начала политику замалчивания геноцида еврейского народа.

Эта политика продолжалась и после победы над Германией.

Бабий Яр – овраг длиной более 2 км. на северо-западной окраине Киева, получил мировую известность как место массовых расстрелов населения, главным образом евреев.

По оценкам украинских учёных там было расстреляно примерно 120–150 тысяч евреев. Только за два дня 29 и 30 сентября 1941 года зондеркоманда при участии Киевского куреня украинской вспомогательной полиции расстреляли в этом овраге 33,8 тысяч евреев. Дальнейшие расстрелы прошли 1, 2, 8 и 11 октября 1941 года и продолжались до ухода немцев из Киева.

В ноябре 1942 года была образована Чрезвычайная госкомиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков под председательством секретаря ВЦСПС И. М. Шверника.

Опираясь на многочисленные факты, документы и вещественные доказательства, ЧГК публиковала сообщения о злодеяниях гитлеровцев. ЧГК собирала и документировала сведения об убийствах еврейского населения, для чего в её вопроснике был специальный пункт.

На районном уровне все исходные документы содержали обширный материал о геноциде евреев с указанием списков расстрелянных, результатов вскрытия мест массовых захоронений, показаниями местных жителей и т. д. Однако при обобщении этих данных вышестоящими комиссиями сведения о национальном составе жертв не приводились, а все они характеризовались как «советские граждане» или «мирное население».

Собранные ЧГК материалы позволили провести судебные процессы над военными преступниками в г.г. Харьков, Краснодар, Киев, Минск, Рига и др.

В декабре 1943 года был подготовлен проект официального сообщения ЦК отражающий реальные события в Бабьем Яру который гласил: «Гитлеровские бандиты произвели массовое истребление еврейского населения. Они вывесили объявление, в котором всем евреям предлагалось явиться 29 сентября 1941 года на угол Мельниковой и Доктеревской улиц, взяв с собой документы, деньги и ценные вещи. Собравшихся евреев палачи погнали к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности и расстреляли».

Этот текст председатель комиссии Н. Шверник направил 25.12.1943 г. в ЦК ВКП(б) с просьбой дать согласие «на опубликование его в печати».

Долго думал над текстом начальник Управления пропаганды и агитации ЦК Г. Александров и только 2.2.1944 года сделал «редакционные замечания.» Затем этот текст находился у Молотова, 1-го секретаря компартии Украины, члена политбюро ЦК ВКП(б) Н. Хрущёва, близкого соратника Сталина секретаря ЦК ВКП(б), начальника Совинформбюро, начальника Главного Политического Управления Красной Армии генерал-полковника А. Щербакова. В конечном варианте текст оказался таким: «Гитлеровские бандиты согноли 29 сентября 1941 года на угол улиц Мельниковой и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли.»

Чувствуете разницу? «Гитлеровские бандиты» уже не производили «массового зверского истребления еврейского населения». Они лишь «согноли 29 сентября ... тысячи мирных советских граждан». Дальше во фразе «собравшихся евреев» вычеркнули слово «евреев». После этих поправок и согласований лишь только 28 февраля 1944 года было получено разрешение на печатание.

Так «родилась» партийная установка о замалчивании фактов уничтожения евреев и указание упоминать вместо «евреев» – «мирные советские граждане». Вот так беспардонно искажаются события, искажается история. Формально вроде бы всё правиль-

но. Киевские евреи ведь тоже были гражданами Советского Союза.

Ответ на это дал лауреат Сталинской премии 1947 года за повесть «В окопах Сталинграда» Виктор Некрасов. Он публично требовал убрать свалку и поставить памятный знак жертвам Холокоста в Бабьем Яру. Когда Некрасова спросили почему он и его единомышленники требуют возведения в Бабьем Яру памятника расстрелянным евреям, хотя там погибли люди и других национальностей, он ответил: «Да, в Бабьем Яру были расстреляны не только евреи, но только евреи были расстреляны здесь лишь за то, что они были евреями».

В последующем В. П. Некрасова обвинили в «низкопоклонстве перед Западом», исключили из партии, в которую он вступил на фронте, а затем лишили советского гражданства.

Репрессиям подвергались все кто нарушал эту партийную установку.

Попав впервые в Киев в 1961 году и посетив Бабий Яр, известный поэт Евгений Евтушенко был потрясён отсутствием какого-либо памятника погибшим. Более того, на месте массовых расстрелов была свалка. Туда подъезжали грузовики и сбрасывали мусор.

19 сентября 1961 года его стихотворение «Бабий Яр» было опубликовано в «Литературной Газете».

Вот начальные и последние строки стихотворения:

«Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье...
Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
Как самому еврейскому народу.

.....

Еврейской крови нет в крови моей,
Но ненавистен злобой заскорузлой
Я всем антисемитам как еврей
И потому – я настоящий русский!»

Таким образом, Е. Евтушенко нарушил заговор умалчивания факта массового уничтожения еврейского населения. И тут началось. Главного редактора газеты В. Косолапова уволили «за потерю бдительности», многие стали обвинять Е. Евтушенко в выпячивании трагедии евреев, началась его травля в центральных газетах.

Отец «оттепели» Н. Хрущёв обвинил Евтушенко в политической незрелости и незнании исторических фактов.

Вспоминаю как 19.09.61 года я в киосках Минска искал и не нашёл «Литературную Газету». Одно из двух: или раскупили, или изъяли. Только через некоторое время работавшая в Центральной библиотеке знакомая списала для меня из подшивки стихотворение «Бабий Яр».

Стихотворение получило всемирную известность. Оно было переведено на 72 языка и печаталось во всех крупнейших газетах, в том числе и американских. Второй раз стихотворение «Бабий Яр» было опубликовано в СССР лишь в 1983 году.

В течении 1941–1943 годов было уничтожено более 90 тысяч евреев Минского Гетто.

2 марта 1942 года многие узники были расстреляны немцами и полицаями на территории гетто, а их тела брошены в карьер, который стали называть «ямой».

Вернувшись с войны, солдаты и партизаны решили воздвигнуть на этом месте памятник, для чего был организован сбор денег. Каменотёс Мордух Спришен вырезал мраморный обелиск. Текст надписи на нём был создан на идиш поэтом Хаимом Мальтинским: «Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибшим от рук лютых врагов человечества – фашистско-немецких злодеев 2 марта 1942 года».

Мальтинский прошёл войну до Берлина, в бою потерял ногу, с большими трудностями получил разрешение на такую надпись. Обелиск был установлен в 1947 году. Но затем Мальтинского в 1949 году и каменотёса Спришена в 1952 году арестовали и сослали в лагеря ГУЛага по обвинению в «космополитизме – проявлении еврейского буржуазного национализ-

ма», в том числе за то, что посмели написать на памятнике не предписанную фразу о «мирных советских гражданах», а прямо о евреях.

Памятник неоднократно пытались снести под различными предложениями.

Многие годы «Яма» была местом стихийного сбора минских евреев 9 мая, что не поощрялось властями. Для того, чтобы помешать возможным выступлениям, к «Яме» подгоняли грузовики и через динамики громко транслировали музыку, из-за которой невозможно было даже разговаривать между собой.

В 2000 году была установлена бронзовая скульптурная композиция «Последний путь», расположенная вдоль ступенек, ведущих к центру мемориала и представляющая собой группу обречённых мучеников, спускающихся на дно ямы.

Несомненный интерес представляет история с сооружением памятника евреям, уничтоженным 1 февраля 1942 года в г. Червень Минской области. Среди расстрелянных были родители Владимира Исааковича Фундатора – учёного-металлурга, автора 40 изобретений, лауреата премии Совмина СССР, одного из создателей двигателя знаменитого танка Т-34. После войны Фундатор приехал в Червень, чтобы выяснить судьбу своих родителей и родственников. Он стал инициатором сбора денег на памятник по увековечиванию расстрелянных узников гетто. Вернувшись в Москву, он начал переписку с родственниками своих погибших земляков-евреев и восстановил имена более 900 жертв. Эти имена вместе с надписью «Евреям – жертвам фашизма» на русском языке и идиш были нанесены на 40 чугунных плит, заказанных В. Фундатором и изготовленных на московском заводе «Станколит».

В апреле–мае 1946 года в командировке в г. Червень побывал секретарь Минского обкома комсомола И. Поляков и после возвращения составил совершенно секретную записку секретарю Минского обкома партии В. И. Козлову. Записка изложена историком Л. Смиловицким в статье «Как нашли еврейских наци-

оналистов в Червене» газеты «Новости недели» от 23 сентября 1999 года.

Эта докладная записка – образец замалчивания катастрофы, политического доноса, приклеивания ярлыков и выводов, основанных на слухах и домыслах.

По личности Фундатора сообщалось, что он «якобы лауреат Сталинской премии», что он внёс 50 тысяч рублей и открыл счёт в Москве в отделении Гобанка и «якобы это узаконено правительством и поддерживается Постоянным представительством БССР в Москве». «По слухам, из Москвы в Червень уже отгружен вагон цемента» и т. д.

В заключении автор записки делает вывод о незаконной деятельности еврейского населения по увековечиванию памяти своих расстрелянных родственников и земляков.

В частности, 1) «Строительством памятника ... занимаются органы советской власти, следовательно, частная инициатива исключается»;

2) «Памятник ставится погибшим одной национальности (еврейской) ... Памятник имеет форму чисто национальной архитектуры, надпись на нём исполнена на еврейском языке»;

3) «Имеется организация, по-видимому, националистического характера, у которой есть свои филиалы и три-пять организаторов»;

4) «Такая работа проводится в Держинске, Червене, Узде, Руденске, Смолевичах, что также свидетельствует о наличии организации».

Таким образом, комсомольский вожак И. Поляков, в последующем первый секретарь Минского обкома партии, проявил бдительность и сходу «раскрыл» разветвлённую еврейскую националистическую организацию. В то время это было чревато тяжёлыми последствиями.

Власти начали преследовать организаторов сооружения памятника. Соответствующие органы начали выяснять «истинные причины» переписки Фундатора с родственниками погибших

червенских евреев. В 1949 году он был уволен с работы. Чугунные плиты были уничтожены.

В течении многих лет «список Фундатора» находился в архивах КГБ. В настоящее время он находится в краеведческом музее г. Червеня. Сотрудники музея самостоятельно восстановили фамилии ещё 123 человек.

Только в 1968 году в Червене появился стандартный памятник с указанием: «Здесь покоятся останки более 2000 советских граждан, расстрелянных в Червене немецко-фашистскими варварами 2 февраля 1942 г.» (Правильно – 1.02.1942 г.). Сейчас на этом памятнике надпись выполнена на белорусском, английском и иврите.

Выходит, что моим землякам немного «повезло», поскольку Радошковичи в послевоенные годы относились не к Минской области, а к Молодечненской.

Инициативная группа бывших узников гетто и партизан, в которую входила и моя одноклассница Циля Зилбург, не без трудностей и сложностей, но добилась разрешения на возведение двух памятников в местах массовых расстрелов узников гетто Радошковичи (Пер. Красноармейский и двор школы-интерната).

Надписи на русском и иврите гласят: «Вечная память 860 евреям, зверски убитым немецкими палачами 11.3.1942 г.» и «Вечная память 340 евреям, зверски убитым немецкими палачами 2.3.1943 г.»

Глава 14

Выше я уже писал об антиеврейских компаниях: «дело еврейского антифашистского комитета (ЕАК)», «врачей-отравителей» и др.

Хочу рассказать о сути этих сфабрикованных дел.

12 января 1948 года в г. Минске, по прямому приказу И. Сталина, работниками Госбезопасности был убит всемирно извест-

ный театральный режиссёр и еврейский общественный деятель, председатель Еврейского Антифашистского Комитета – Соломон Михоэлс (настоящая фамилия Вовси).

Убийство было замаскировано под несчастный случай – гибель в автокатастрофе. Это бандитское убийство – первое в серии антиеврейских «разработок» органами безопасности (МГБ) в 1948–1953 гг.

Михоэлс приехал в Минск по делам Комитета по сталинским премиям. Вместе с ним приехал театровед Голубов-Потапов – тайный агент МГБ.

В ряде газет власти опубликовали некролог, в котором Михоэлс был назван «крупным общественным деятелем, посвятившим свою жизнь служению советскому народу». Были организованы почти государственные пышные похороны, выпущены сборники его памяти. Московскому Государственному Еврейскому театру (ГОСЕТ) было присвоено имя Михоэлса.

Историю убийства Михоэлса хочу изложить на основании документов, опубликованных в книге доктора исторических наук Геннадия Костырченко «Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953 гг.» («Материк», Москва 2005), изложенной в Википедии.

Перед этим, для того, чтобы послевоенное поколение осознало кто и как правил государством в те страшные для евреев годы, приведу в начале показания, данные в 1953 г. бывшим начальником следственной части МГБ СССР по особым важным делам полковником М. Д. Рюминым: «С конца 1947 года в работе следственной части по особым важным делам начала появляться ... тенденция рассматривать лиц еврейской национальности врагами Советского государства. Эта установка приводила к необоснованным арестам евреев по обвинению в антисоветской деятельности и американском шпионаже». То есть: «Были еврей, а дело найдётся».

14 января 1948 г.

«Совершенно Секретно

Товарищам Сталину И. В., Маленкову В. М., Ворошилову К. В., Жданову А. А.

«По сообщению МВД Белоруссии 13 января. в 7 часов 10 минут утра в г. Минске на дороге около строящейся трамвайной линии с улицы Свердлова на улицу Грабарная были обнаружены два мужских трупа. Убитыми оказались Михоэлс С. М. и Голубов-Потапов. Возле трупов обнаружены следы грузовых автомашин, частично занесённые снегом».

«По данным осмотра места происшествия и первому заключению медицинских экспертов смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда автомашины, которая ехала с превышающей скоростью и настигла их, следуя под крутым уклоном по направлению к улице Грабарная.

Министр Внутренних Дел СССР С. Круглов».

Из воспоминаний бывшего министра внутренних дел БССР С. С. Бельченко:

2001 год: «Рано утром 13.01.1948 г. у разрушенного в годы войны стадиона «Динамо» оперативники моего ведомства обнаружили трупы Михоэлса и Голубова. Я сам лично выехал на место происшествия. Был составлен протокол осмотра. На трупах и на дороге (был снег) отчётливо виднелись отпечатки протекторов шин автомобиля.»

«Уже во второй половине дня Красненко (зам. министра) доложил мне, что оперативники МВД обнаружили разыскиваемый автомобиль. На вопрос: „Где обнаружили машину?“, мой заместитель ответил, что автомобиль стоит в гараже МГБ республики».

«Меня вызвали в ЦК, и один из секретарей попросил принять меры по розыску убийцы. Вскоре подъехал и Цанава. Я его хорошо знал, и поэтому его поведение меня удивило. Он был слишком любезен со мной. Взял меня под руку, отвёл в сторону и сказал: «Я знаю, что твои люди были у меня в министерстве в гараже. Я прошу тебя не производить больше каких-либо действий против моих людей. Дело занимайся, убийц ищи. Не

лезь ты, куда тебя не просят. Подозрения мои ещё больше усилились».

Решение Политбюро от 28 октября 1948 года.

Выписка из протокола:

п. 301. Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета о награждении генералов и офицеров МГБ (без опубликования в печати)

«За успешное выполнение специального задания Правительства» наградить

Орденом Красного Знамени:

Генерал-лейтенанта Цанава Л. Ф.

Орденом Отечественной Войны I степени:

1. ст. лейтенанта Круглова Б. А.

2. полковника Лебедева В. Е.

3. полковника Шубнякова Ф. П.

Орденом Красной Звезды:

1. майора Косырева А. Х.

2. майора Ползун Н. Ф.

Председатель Н. Шверник

Секретарь А. Горкин».

За руководство спец. операцией по устранению С. М. Михоэlsa ордена Красного Знамени получили также генералы Б. С. Абакумов и С. И. Огольцов (Указ от 29 октября 1948 г.).

Бывший заместитель министра ГБ СССР С. И. Огольцов – Л. П. Берии о подготовке и осуществлении «спец. операции» по устранению С. М. Михоэlsa.

«18 марта 1953 г.

Совершенно Секретно

Экземпляр единственный, рукописный.

Товарищ Берия Л. П.,

По Вашему требованию докладываю об обстоятельствах проведённой операции по ликвидации главаря еврейских националистов Михоэlsa в 1948 г.

В ноябре-декабре 1947 г. (точно не помню) Абакумов (министр Госбезопасности СССР) и я были вызваны в Кремль к товарищу Сталину И. В. Во время беседы, в связи с чем сейчас вспомнить затрудняюсь, товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса и что для этой цели надо устроить «автомобильную катастрофу».

Примерно в первых числах января 1948 г. Михоэлс выехал по делам театра в г. Минск. Абакумовым было принято решение во исполнение указаний провести операцию по ликвидации Михоэлса в Минске.

Организация операции была поручена мне и бывшему министру Госбезопасности БССР товарищу Цанаве Л. Ф. Непосредственными исполнителями были Лебедев, Круглов Б. А. и тов. Шубняков Ф. П.

После прибытия в Минск, мы с товарищем Цанавой, в присутствии тт. Шубнякова и Лебедева наметили план проведения операции и некоторых агентурных подготовительных мероприятий (документов никаких не оставлялось, как положено в таких случаях)

«...Было решено Михоэлса через агентуру пригласить в ночное время в гости к каким-нибудь знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживает, привезти его на территории загородной дачи Цанавы Л. Ф., где и ликвидировать. А потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице и произвести наезд грузовой автомашиной. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращающихся с гулянья людей. Так было и сделано...»

«Для того чтобы сохранить операцию в строжайшей тайне, с санкции Абакумова, вместе с Михоэлсом были вынуждены пойти на ликвидацию и агента, приехавшего с ним из Москвы, так как он был в курсе всех агентурных мероприятий».

Бывший министр Госбезопасности БССР Л. Ф. Цанава на допросе 16.04.1953 г., подтверждая показания зам. министра Госбезопасности Л. П. Огольцова об обстоятельствах убийства Михоэлса и Голубева, показал: «что ему по телефону Абакумов сказал, что всю работу по выполнению задания будет проводить Огольцов, а мне надлежит оказывать ему необходимую помощь». И далее: «На мой вопрос, в чем обвиняется Михоэлс и почему избран такой метод его наказания, Огольцов ответил, что на Михоэлса делают большую ставку американцы и что арестовывать его нецелесообразно, так как он широко известен за границей. Впрочем, в политику вдаваться нечего. У меня есть поручение и его надо выполнять».

Из показаний полковника Ф. Шубняка (март 1953 г.) – одного из исполнителей операции по ликвидации С. Михоэлса.

«На явке я заявил агенту (Голубову), что имеется необходимость в частной обстановке встретиться с Михоэлсом, и просил агента организовать встречу. «Это задание агент выполнил, пригласив Михоэлса к личному другу, проживающему в Минске. Примерно в 21 час я и работник спецслужбы Круглов (в качестве шофёра) подъехали в условленное место, куда явились агент и Михоэлс и все отправились ко мне на «квартиру», т. е. на дачу Цанава. Чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под автомашину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки. Затем они по одному (в начале агент, потом Михоэлс) были раздавлены грузовиком. Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла тела в город и выбросила на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы...»

«Никакой документации по этой операции не проводилось. Все указания давались лично Абакумовым, который получал информацию в ходе операции...»

В Президиум ЦК КПСС

2 апреля 1953 г.

«В ходе проверки материалов следствия по так называемому делу о врачах-вредителях, арестованных бывшим Министер-

ством Государственной Безопасности СССР, было установлено, что ряду видных деятелей советской медицины по национальности евреям, в качестве одного из главных обвинений инкриминировалась связь с известным общественным деятелем, Народным Артистом СССР, Михоэлсом. В этих материалах Михоэлс изображался как руководитель антисоветского еврейского центра, якобы проводившего подрывную работу против Советского Союза по указанию из США.

Версия о террористической и шпионской работе арестованных врачей Вовси М. С., Когана Б. Б. и Гринштейна А. М. основывалась на том, что они были знакомы, а Вовси состоял в родственной связи, с Михоэлсом».

«Были подвергнуты проверке имеющиеся в бывшем МГБ СССР материалы о Михоэлсе. В результате проверки установлено, что Михоэлс ... , наряду с положительной и правильной критикой отдельных недостатков... иногда высказывал недовольство по отдельным вопросам, связанным, главным образом, с положением евреев в Советском Союзе».

«Следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности не располагали какими-либо данными о практической антисоветской и тем более шпионской террористической или иной подрывной работе Михоэлса против Советского Союза».

В связи с незаконной операцией по физической ликвидации Михоэлса МВД СССР был допрошен бывший министр госбезопасности СССР Абакумов. Он показал: «Насколько я помню, 1948 г. глава советского правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание быстро организовать работниками МГБ ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам.»

Когда о прибытии Михоэлса в Минск было доложено Сталину, «он сразу же дал указание именно в Минске провести ликвидацию Михоэлса под видом несчастного случая, т. е., чтобы Михоэлс и его спутник погибли, попав под автомашину...»

Когда Михоэлс был ликвидирован, и об этом было доложено Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить исполнителей орденами, что и было сделано.

Л. Берия.

Первый секретарь, а затем Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв (1953–1964 гг.), не очень большой друг еврейского народа, в своих воспоминаниях «От Дня Победы до XX съезда» писал: «Безусловно, такая акция стала возможна только в результате внутренней деятельности бациллы антисемитизма, которая жила в мозгу Сталина. Произошла расправа с Михоэлсом, величайшим артистом еврейского театра, человеком большой культуры. Его зверски убили. Убили тайно, а потом наградили его убийц и с честью похоронили их жертву. Уму непостижимо! Изобразили, что он попал под грузовую машину. А он был подброшен под неё. Это было разыграно артистически...»

Действительно уму непостижимо, что можно было сделать с любым человеком. Меня поразило, с каким цинизмом эти палачи объясняют свои бесчеловечные действия. Я знал от приятеля чекиста о том, что у них на Лубянке (здание органов безопасности) как он выразился: «много вашего брата сидит». И от родственника юриста о ЕАК, да и из разговоров, которые велись в Москве о ночных исчезновениях соседей-евреев. Но подумать не мог, что вот так просто фабрикуются дела. Генералы МГБ организуют, а полковники выступают в роли непосредственных убийц невинных людей.

Мне постфактум стало страшно от одной только мысли, что при более «бдительных» кgb-истах из-за найденного в московской казарме патрона, я мог попасть под какое-нибудь дело о «заговорах».

Существуют разные версии, объясняющие причину убийства Михоэлса. В 1947 году в американской прессе были опубликованы материалы о личной жизни вождя, которые считались в СССР в ту пору не только личным, но и государственным секретом. Министр госбезопасности СССР, генерал-полковник Абакумов, получил указание расследовать, каким путём эта информация попала за границу. Зная о личной неприязни Сталина к родственникам покончившей с собой жены Надежды Аллилуевой

вой, Абакумов составил сценарий американско-сионистского заговора, который якобы был направлен против самого Сталина и его семьи.

За распространение «гнусной клеветы в отношении главы советского правительства», были арестованы родственники и некоторые знакомые Н. Аллилуевой. В их числе в декабре 1947 года были арестованы учёный экономист Исаак Гольдштейн и помощник Михоэлса по ЕАК – Захария Гринберг. По версии МГБ руководство ЕАК по заданию американской разведки через Гольдштейна и Гринберга добывало сведения о жизни Сталина и его семьи.

Гольдштейна стали допрашивать следователи – «забойщики». Его многократно избивали «смертным боем» на дневных и ночных допросах, пока он не признался, что втёрся в доверие к Аллилуевой по заданию Гринберга, а Михоэлс по заданию американской разведки проявлял повышенный интерес к личной жизни Сталина.

Захария Гринберг был бит нещадно, долго держался и искалеченный умер 22 декабря в тюрьме.

Когда Абакумов показал Сталину показания заключенных, подписанные под пытками, участь Михоэлса была решена.

Существует и другая версия.

Из воспоминаний Наталии Вовси-Михоэлс, дочери Михоэлса:

«В конце 1947 г. в Москве, в зале политехнического музея отмечалась юбилейная дата „дедушки еврейской литературы“ Менделе Мойхер-Сфорима. Зал был забит до отказа. Со вступительным словом выступил Михоэлс. Своё выступление он начал так: «Вениамин, отправившийся на поиск земли обетованной, спрашивает встреченного на пути крестьянина: „Где дорога в Эрец Исраэль?“ И вот недавно с трибуны Организации Объединённых Наций товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос». (Имеется в виду выступление А. А. Громыко, постоянного советского представителя в ООН 26 декабря 1947 г. на сес-

сии Генеральной Ассамблеи ООН, когда он, от имени СССР признал право евреев на собственное независимое государство, мотивируя это огромными жертвами, которые понёс этот народ в годы войны. (Г. Ш.). Раздался шквал рукоплесканий, люди повскакали со своих мест. Овация длилась минут десять. На завтра, за два дня до Нового 1948 года, Михоэлс поехал на радио прослушать запись своего выступления. Вернулся он встревоженный – запись оказалась размагниченной. „Это плохой признак“ сказал он мне по-еврейски». Через неделю Михоэлс был командирован в Минск, откуда живым не вернулся.

Глава 15

Еще не закончилась борьба с «космополитами», как начались нападки на Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК), созданный по предложению и под контролем властей наряду с антифашистскими комитетами: славянским, учёных, женщин и молодёжи.

7 апреля 1942 г. было опубликовано сообщение об учреждении Еврейского антифашистского комитета и его воззвание «К евреям всего мира» прийти на помощь Советскому Союзу в его борьбе с фашистской Германией. Призыв ЕАК имел отклик в США и других западных странах, где были созданы еврейские общественные организации по помощи СССР. В США «Еврейский Совет помощи России» возглавлял лауреат Нобелевской премии Альберт Эйнштейн.

ЕАК начал издавать газету на идиш «Эйникайт» («Единство»). Основная задача комитета состояла в том, чтобы активно влиять на международное мнение и организовать политическую, моральную и материальную безвозмездную поддержку СССР в борьбе с нацистами.

Во время войны ЕАК проводил митинги советской еврейской общины, которые широко освещались в советских и зарубежных средствах массовой информации.

Газета «Эйникайт» выходила сначала раз в десять дней, потом раз в неделю, а в конце войны – 3 раза в неделю. Она распространялась по всему миру и сообщала о жизни советских евреев и ходе боевых действий на фронтах.

Для успешного выполнения основных задач, с согласия соответствующих органов, комитет был открыт для посещения иностранными гостями, поощрялись заграничные поездки и контакты.

В 1943 году, Михоэлс и поэт Фефер, под присмотром тайного агента НКВД, были посланы в многомесячное турне по США, Мексике, Канаде и Великобритании. При помощи местных еврейских организаций там проводились многотысячные митинги (Нью-Йорк – 47 тыс., Чикаго – 10 тыс., Монреаль – 10 тыс. и т. д.), собрания, встречи с официальными представителями и руководителями сионистских и благотворительных организаций («Джойнт» – Американский еврейский объединённый распределительный комитет) и т. д.

Главной задачей было обеспечить жертвования средств для Красной Армии и поддержки СССР не только со стороны евреев, но и через них, всего населения Запада. Следует подчеркнуть, что встречи и темы переговоров с официальными лицами организаций, включая сионистские и «Джойнт», были заранее утверждены в Москве. Они проводились с участием советских дипломатов и с помощью посольского переводчика. Поездку по Америке курировали дипломаты-разведчики. Во время этого турне было собрано свыше 30 млн. долларов. А всего за годы войны – около 45 млн. долларов. В подмандатной Палестине было собрано 750 тыс. долларов, приобретено несколько современных машин скорой помощи. По данным британского министерства по делам колоний в мае 1942 г. и евреев, и арабов в Палестине проживало только по 300 тысяч.

Этот визит и другая работа ЕАК несомненно способствовали открытию второго фронта.

16.07.1943 г. газета «Правда» с удовлетворением сообщила: «Соломон Михоэлс и Ицик Фефер / оказался агентом НКВД \

получили сообщение из Чикаго, что на специальной конференции «Джойнта» началась компания по финансированию тысячи санитарных машин для Красной Армии». За собранные по призыву ЕАК деньги были приобретены 1000 самолётов, 500 танков, отправлены в СССР два парохода с вещами, медикаментами и продуктами.

Советские евреи собрали 3,3 млн. рублей на постройку авиационной эскадрильи и колонны танков, за что получили благодарность от Сталина.

После окончания войны работа ЕАК стала сокращаться. Основную задачу комитет выполнил. В этот период ЕАК был вовлечён в издание двух книг: «Черной Книги» о холокосте евреев и «Красной Книги» – о вооружённой борьбе евреев против нацистских захватчиков. Обе публикации были запрещены, поскольку они шли вразрез с официальной советской политикой по отношению к евреям, а потому сочтены «националистическими».

Кстати, по мнению Секретаря ЦК ВКП(б) по идеологии М. А. Суслова, под формулировку «национализм» подпадали практически все стороны культурной и религиозной жизни евреев: изданные художественные произведения на идиш, опубликованные материалы по истории евреев, о героизме евреев на фронте, о массовом уничтожении евреев на оккупированных территориях и даже надписи на идиш или иврите на памятниках.

Широкие слои еврейского населения стали принимать ЕАК в качестве своего представителя в органах власти. В комитет и редакцию газеты «Эйникайт» стали поступать множество писем, в которых рассказывалось о случаях антисемитизма.

Многие евреи, чудом выжившие в Катастрофе и вернувшиеся из эвакуации, жаловались, что зачастую местные власти препятствуют их возвращению в родные места, что они не могут получить назад квартиры, в которых жили до оккупации, о сложностях при приёме на работу, в вузы и т. д.

ЕАК реагировал на эти письма. Комитет обращался в центральные и местные партийные и советские органы с просьбами оказать помощь еврейскому населению. Это вызывало раздражение местных и партийных руководителей. Например, секретарь ЦК М. Суслов обвинил ЕАК в том, что из националистических побуждений организация присвоила себе функции «главного уполномоченного по делам еврейского населения» и посредника между этим населением и партийными и советскими органами. Суслов сделал вывод, что ЕАК вышел за пределы своей компетенции и является политически вредной, и поэтому подлежит роспуску.

Не отставало и Министерство Госбезопасности СССР. Оно накапливало компрометирующие материалы на ЕАК, обвиняло работников Комитета в национализме, проведении антисоветской работы и ориентации на США.

Комиссия ЦК, в которой были работники Госбезопасности, в сентябре 1946 г., после проверки деятельности ЕАК, составила справку, в которой содержались следующие обвинения: «...превратился в комиссариат по еврейским делам, сочувствует сионистской идее мирового переселения евреев в Палестину», в том, что вместо рупора советской пропаганды за рубежом и ведения борьбы против сионизма, продолжает линию буржуазных сионистов и, по существу, борется за реакционную идею единой нации. Хочу напомнить о статье в «Правде» в начале войны: «Евреи-Братья во всём мире!». Хотя и тогда по сталинской теории о нации евреи, живущие в разных странах, не составляют единую нацию.

Комиссия имела претензии и к тому, что комитет уделяет большое внимание работе на Палестину, направляя туда в полтора раза больше статей и материалов, чем в Англию. Нарекания были и на то, что руководство ЕАК, солидаризуясь с американскими еврейскими организациями, направила просоветскому правительству Польши телеграмму-протест по поводу антисемитских выступлений в Кракове и других польских городах.

«Выступления» – мягкое определение еврейских погромов, которые на самом деле там были.

11 августа 1945 г. в Кракове около синагоги на улице Судьбовой собралась толпа, в которой распространялись провокационные слухи о том, что евреи в этой синагоге убили польских детей и сдали их кровь для Красной Армии. Толпа, в которой были милиционеры и солдаты, разгромила синагогу, и пошла по улицам, избивая евреев.

Информационное агентство Польпресс заявило, что в погроме погиб один человек и пятеро были тяжело избиты. Некоторые исследователи считают, что было убито не менее пяти человек. Погром был остановлен благодаря вводу полка внутренних войск. В ходе расследования было задержано 145 человек, в том числе 40 милиционеров. Однако личности зачинщиков и провокаторов погрома установлены не были.

В городе Келце, где из довоенных 20 тысяч евреев осталось около 200 человек, бывших узников концлагерей, 4 июля 1946 года начался погром. В нем участвовало около 2 тысяч человек, в том числе многие в военной и милицейской форме. О причинах погрома Википедия пишет следующее: «Поводом для начала погрома стало исчезновение восьмилетнего мальчика Генрика Блашчика. Он исчез 1 июля и возвратился через два дня, рассказав, что его похитили евреи и, спрятав, намеревались убить. Позднее в ходе расследования выяснилось, что мальчик был выслан отцом в деревню, где его научили, что он должен рассказывать». Около дома, где большинство жильцов были евреи, собралась толпа. Она скандировала: «Смерть евреям!», «Смерть убийцам наших детей!», «Завершим работу Гитлера!». Тот факт, что мальчик уже дома, никого не волновал. Разъярённая толпа, вооружённая железными прутьями, дубинками и молотками, ворвалась в дом и начала бить, грабить и убивать евреев. Мужчин и женщин, в том числе и беременных, стариков и детей выбрасывали из окон и добивали на мостовой. В ходе погрома было убито 42 человека и более 50 ранено. Были убиты также двое поляков, пытавшихся противостоять погромщикам.

Привожу отдельные выдержки из показаний обвиняемого милиционера Стефана Мазура на судебном процессе. Он показал, что милиционер Новаковский сказал: «...есть еврей и еврейка, надо квартиру закрыть и сделать своё дело. Я пошёл с ним». Затем они вывезли еврейскую семью, включая 6-ти недельного ребёнка, за город. Там Новаковский забрал у женщины коробочку с кольцами, перстнем, золотой булавкой для галстука, серьги, 17 долларов и польские злотые. Затем, по указанию Новаковского, Мазур застрелил всех членов еврейской семьи. Далее: «...потом мы пошли на улицу Тадеуш в ресторан, где выпили пол-литра водки, закусывая мясом. Мы договорились, что завтра поделим деньги».

9 июля 1946 года решением Верховного Военного суда 9 из 12 обвиняемых были приговорены к смертной казни.

В 2006 году, в 60-ю годовщину погрома, президент Польши Лех Качинский назвал погром в Кельце «огромным позором для поляков и трагедией евреев».

При похожих обстоятельствах состоялся погром 12 июня 1945 года в г. Жешув. Накануне в городе была убита девятилетняя девочка. Посчитав, что это ритуальное убийство, полиция арестовала евреев и провела арестованных по городу. Толпа начала их избивать, кидать камни. Начались грабежи квартир евреев. Власти не пытались ни найти подлинных убийц, ни наказать погромщиков.

В докладной записке польских властей говорится, что в стране с ноября 1944 года по декабрь 1945 года уничтожено 351 еврея, в основном узники концлагерей и партизаны. Всего же до лета 1947 года в Польше было убито около тысячи евреев (историк М. Солонин).

В этой записке приводятся и типы нападений:

- вследствие распространения слухов об убийстве польских детей;
- шантаж с целью выселения евреев или захвата их собственности;

- убийства с целью грабежа;
- убийства, не сопровождающиеся грабежом.

Я бы добавил во второй пункт невозвращение имущества, захваченного во время оккупации.

К сожалению, в Польше не перевелись ещё люди, которые, вопреки бесспорным фактам, пытаются обвинить самих евреев в еврейских погромах.

Например, в специальном выпуске на русском языке газеты «Джерусалем Пост» (приложение «Новости недели» от 18 апреля 2013 года) в статье Нисана Цура (Краков) «Сами виноваты» приводятся выдержки из интервью в преддверии 70-й годовщины восстания в Варшавском гетто журнала «Фокус» с профессором Академии Наук Польши Криштофом Ясевичем. Касаясь вопроса уничтожения евреев их соседями, поляками-католиками, он сказал так: «Я совершенно уверен, что преступление в Едвабне и другие погромы совершались не из желания захватить имущество евреев или отомстить за то зло, которое они причинили полякам в прошлом».

Что же такое произошло в упомянутом профессором районном центре Белостоцкой области Едвабне (~150 км от Варшавы), который был передан Польше после войны?

23 июня 1941 немецкие оккупанты вошли в этот городок, а уже 25 июня начались еврейские погромы, как будто местные поляки только и ждали этого момента. Сначала они убивали своих соседей евреев поодиночке – били палками, забивали камнями и топорами, отрубали головы, оскверняли трупы. Потом, 10 июля, большая группа местных жителей загнала несколько сотен евреев в большой ангар на окраине города, куда раньше побросали тела растерзанных раннее жертв, и сожгли всех вместе, и живых и мертвых. Потом дома убитых евреев были разграблены погромщиками.

Долгое время считалось, что кровавая расправа в г. Едвабне дело рук фашистов, которым помогали местные «отморозки».

В 2001 году была опубликована книга американского профессора Яна Тадеуша Гросса «Соседи», в которой он, основыв-

ваясь на воспоминаниях очевидцев, доказал, что расправу над евреями учинили без всякой помощи немцев сами поляки. Президент Польши А. Квасневский официально принес извинение еврейскому народу за это преступление.

Я позволю себе возразить профессору Ясевичу, поскольку я не только читал, но и своими глазами видел ряд событий, о которых он упоминает.

Я уже рассказывал, что ночью, после тяжёлого ранения, меня доставили в город Калиш и поместили в дом, где жила одинокая польская женщина. На рассвете, когда город был ещё ничейным, в доме появились соседи. Несмотря на возражения, напоминания, что она католичка, просьбы и плачь хозяйки, они стали отбирать ценные вещи, т. е. заниматься настоящим грабёжом. Видя всё это, хозяйка с моего согласия, стала укладывать на кровать между мной и стеной всякие ценные предметы и вещи, которые накрыла простынёй.

Пока вещей было много, грабители, некоторые из которых были «под мухой», помогали друг другу снимать ковры со стен, часы и т. д. По мере того как вещей становилось меньше, вновь прибывшие грабители стали спорить, ругаться и чуть ли не драться. Естественно, что всё время их взоры обращались на накрытую простынёй часть кровати. Они явно хотели завладеть этим имуществом. Я, в свою очередь, демонстративно положил автомат около себя, что явно их сдерживало. Я видел лица грабителей, перекошенные злобой от того что «добыча» ушла или уходит в другие руки.

Обращаю внимание! Соседи-поляки грабили не еврейку, а свою же польку-католичку. Как вытекает из профессорских рассуждений, разница лишь в том, что евреев грабили не из желания захватить имущество, а польку-католичку – из-за него.

Думаю, что ни один нормальный человек не упрекнёт эту беззащитную женщину в том, что она сама виновата в том, что её грабят, даже если она или её муж когда-то чем-нибудь обидели кого-то из соседей.

Чаще всего погромщики маскировали истинные мотивы своих действий, в частности жажду наживы, под расплату за, якобы, ритуальные убийства евреями польских детей. Их покровители, профессора К. Ясевич и Т. Стецбош, кардинал Хлонд, епископ Ч. Качмарек и многие другие, оправдывали действия грабителей тем, что еврейское население, в отличие от польского, радостно приветствовало вторжение Красной Армии в сентябре 1939 г., а затем сотрудничало с органами власти, пропагандируя коммунистический строй. Таким образом, память о поляках простиралась в одном направлении – возложении на евреев коллективной ответственности за нанесённые полякам оскорбления. При этом полностью забывалось об антисемитской политике Польши и о жестокой травле евреев в конце 30-х годов. Также, не упоминался тот факт, что коммунистами с 1918 г. и 1926 г. были соответственно Президент Польши Болеслав Берут и Генеральный Секретарь Польской Рабочей партии Владислав Гомулка, который являлся идеологом «польского пути к социализму». Их также не смущало, что среди членов Политбюро Секретариата ЦК ПОРП и правительства этнических поляков было во много раз больше, чем евреев. Все они были преданы Кремлю и вели внутреннюю борьбу за его симпатии, разыгрывая при этом «юдофобскую карту».

В сентябре 1939 года, когда мне было 13 лет, я помню, как радостно встречали Красную Армию не только евреи, но и безземельные и малоземельные польские и белорусские крестьяне. Они рассчитывали получить от советской власти земельные участки, конфискованные у помещиков и осадников. Кроме того, фашистские войска подходили к Варшаве, которую 10 сентября покинуло польское правительство. Приход Красной Армии выглядел для евреев как единственный шанс спасения от нацистов.

Что касается «чрезмерного» числа евреев в партийных и советских органах, то ни я, ни мои земляки не смогли вспомнить больше пяти евреев, которые были присланы на работу из восточных областей СССР. Их ещё называли «восточники». Через

интернет я нашёл данные о национальном составе «восточников», выдвинутых на партийную, советскую и хозяйственную работу в Белостокскую область за апрель 1940 года. Из общего количества 11593 человек поляков – 5195 (44.8%), белорусов и русских – 3833 (33%), евреев – 2431 (20.9%). Беспочвенны и утверждения, что евреи повинны в репрессиях против поляков. Польский профессор К. Керстенъ подсчитала, что в органах безопасности Польши на 28 тысяч кадровых сотрудников было 438 евреев или 1,56% (Е.К. Новости Недели, 12.07.2001 г.)

Командующий сформированной в СССР польской армией генерал В. Андерс в приказе от 30 ноября 1941 года с солдатской прямоотой требовал: «...Предупредить чересчур горячих и вспыльчивых, что сейчас любое проявление борьбы с евреями запрещены и будут строго караться, но когда после победного боя мы вновь станем хозяевами в своём доме, мы уладим вопрос с евреями так, как того требует величие и суверенность нашего отечества, а также простая человеческая справедливость». (И. Гутман, «Евреи в армии Андерса»). Последователи генерала считали, что настало время сведения счётов с евреями Польши.

Хочу отметить, что статья «Сами виноваты...» опубликована в 2013 году, когда практически евреев в Польше не осталось. Главный редактор журнала «Фокус» Михаил Войцик так объяснил своё решение опубликовать сомнительное интервью: «Мы продемонстрировали, что антисемитизм в научной среде не принадлежит только прошлому. Он существует и сегодня. Мы не могли об этом не написать». Польский парадокс – «антисемитизм без евреев».

Отношение Советской власти к сионизму с течением времени менялось, но в основном оставалось негативным. Сионистская деятельность преследовалась. Исключением, пожалуй, можно назвать отношение к сионизму в тяжёлое военное время.

Ещё до учреждения ЕАК 24 августа 1941 года, в самое трудное для СССР время, состоялся первый антифашистский митинг, на котором прозвучал призыв советских евреев к евреям всего мира развернуть кампанию помощи Красной Армии во-

оружием, медикаментами и др. На следующий день в газете «Правда» появился текст этого обращения под заголовком «Братья-евреи во всём мире!» (Чем не сионистский лозунг?).

Уже через неделю после радиомитинга на призыв советских евреев одной из первых откликнулась Всемирная сионистская организация. 2 сентября 1941 года состоялась встреча посла СССР в Великобритании Н.М. Майского с президентом этой организации Х. Вейцманом. Затем, 9 октября того же года, посол встречался с председателем правления еврейского агентства Палестины Д. Бен-Гурионом. На этих встречах обращалось особое внимание на оказание срочной помощи Советскому Союзу со стороны мирового еврейства. В декабре 1941 года советский посол в Турции встретился с представителем еврейского палестинского агентства. На этой встрече была согласована поставка в Советский Союз медикаментов, медицинского оборудования и более 750 тыс. долларов которые собрали в фонд помощи Красной Армии чуть более чем 300 тыс. евреев Палестины.

Ясно, что контакты послов с руководителями сионистских организаций были санкционированы с самого верха.

Вернёмся к Еврейскому Антифашистскому Комитету. В то время, несмотря на неоднократные предложения отдела ЦК и МГБ, решение о роспуске ЕАК не было принято по ряду факторов. Один из них был тот факт, что ЕАК и его председатель С. Михоэлс завоевали широкую известность и поддержку не только международного еврейства, но и правительственных кругов западных союзников.

Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ) (т. 8, с. 238) указывает, что «И. Сталин понимал, что проведение откровенно антисемитских репрессий сразу после войны может привести к падению престижа СССР и его лично во всем мире. Также, такая политика помешала бы разыграть ближневосточную карту и осуществить план создания независимого еврейского государства...»

В связи с окончанием Британского мандата в Палестине Сталин хотел использовать борьбу евреев за самостоятельное госу-

дарство для вытеснения Великобритании с Ближнего Востока. Он полагал, что Израиль будет проводить просоветскую политику и станет проводником влияния СССР для проникновения в этот регион.

В ноябре 1947 года, перед голосованием в ООН о создании в Палестине двух независимых государств, Представитель СССР А. А. Громыко заявил: «...Еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического времени» и «...Нелишне напомнить и сейчас о том, что в результате войны, навязанной гитлеровской Германией, евреи как народ потерпели больше, чем какой-либо другой народ. В Западной Европе не оказалось ни одного государства, которое сумело бы защитить в должной степени интересы еврейского народа от произвола и насилия со стороны гитлеровцев».

Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1947 года приняла резолюцию о создании на территории Палестины двух независимых государств: еврейского и арабского. Арабские страны категорически отвергли это решение.

Израиль провозгласил Декларацию о независимости 14 мая 1948 года, и уже на следующий день армии Египта, Сирии, Ливана, Трансиордании и Ирака напали на него, чтобы уничтожить.

Советский Союз одним из первых признал государство Израиль и начал оказывать ему военную помощь. Оружие палестинские евреи получали, главным образом, через Чехословакию. Вначале это было трофейное немецкое и итальянское оружие, а также оружие чехословацкого производства. На территории Чехословакии обучали лётчиков, готовили танкистов, десантников, радистов, телеграфистов и других военных специалистов. Вместе с оружием из стран Восточной Европы приезжали евреи, бывшие участники войны против фашистской Германии.

По соглашению между странами, десятки тысяч евреев, бывших польскими гражданами до 1939 года, уехали в 1944-1949 годах из СССР в Польшу, а затем в Эрец-Исраль. Таким путем в

Израиле оказалось ряд еврейских семей из Радошкович. Наши родители также хотели выехать, но не смогли, поскольку я в это время служил в Советской Армии.

Провозглашение Государства Израиль вызвало массовую положительную реакцию советских евреев. Голду Меир, приехавшую в СССР в качестве посла, восторженно встречали у Московской синагоги тысячи человек. Многие евреи, включая бывших участников войны, обращались в различные официальные организации за разрешением выехать в Израиль, чтобы сражаться за его независимость. Это вызывало сильное раздражение у руководства страны.

В это время стало ясно, что Израиль не намерен следовать советской политике. При этом многие евреи Советского Союза по-прежнему имели произраильские настроения. Это привело к новому витку антиеврейских акций. 21 сентября 1948 года в газете «Правда» была опубликована заказная статья известного писателя Ильи Эренбурга, которая объясняла советским евреям, что Израиль создан как убежище от антисемитизма для евреев из капиталистических стран, а не из СССР, в котором антисемитизма не существует.

В сентябре этого же года, после того, как в руки властей попал список желающих выехать в Израиль, некоторые из них были арестованы. 20 ноября 1948 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) Министерству Государственной Безопасности СССР было поручено распустить Еврейский Антифашистский Комитет «так как Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки».

Закрота также была и газета «Эйникайт». После этого, в 1948–1949 гг. начались аресты руководителей, сотрудников и активистов ЕАК. На момент разгона комитета его президиум состоял из 20 человек. Семнадцать из них были арестованы.

Были распущены еврейские писательские организации, закрыты еврейские школы с обучением на идише, закрыты Московский, Минский и Киевский еврейские театры. Было запре-

щено издавать печатные работы и литературу на идиш. Из библиотек и книготорговой сети было изъято около пятисот наименований книг еврейских авторов на русском языке. Эти книги были охарактеризованы как «сионистские и националистические». Даже из кинофильма «Цирк» вырезали кадры, где Михоэлс поёт на идиш колыбельную песню чернокожему мальчику.

Для того, чтобы заставить невинных людей признаться в том, что они не совершали, на допросах к арестованным применяли силовые меры воздействия. Их беспощадно избивали, пытали, не давали спать, сажали в карцер и др. Всё это сопровождалось грубыми антисемитскими нападкамии. Некоторые из арестованных, не выдержав длительных пыток, оговаривали себя и других.

Поскольку со второй половины 1949 года МГБ было занято разработкой так называемого «Ленинградского дела», то интенсивность допросов по делу ЕАК несколько снизилась.

В марте 1950 года всем арестованным по этому делу, кроме Фефера, было объявлено о прекращении следствия. Однако, поскольку большая часть арестованных отказалась от своих показаний, вопрос о направлении дела в суд решался более года. Было решено количество главных фигурантов по делу ЕАК, сократить до пятнадцати, а остальных рассматривать отдельно.

По результатам Особого Совещания МГБ, который не являлся судебным органом, часть арестованных была приговорена к различным срокам тюремного заключения.

22 ноября 1950 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к расстрелу журналиста и литературного критика газеты «Эйникайт» Миру Железнову (Мирам Айзенштадт). По утверждениям следствия, материалы, которые она готовила к печати от имени Комитета, содержали секретные сведения. Что это были за «секретные» сведения? В 1945 году М. Железнова первой опубликовала в газете «Эйникайт» список 135 евреев, удостоенных звания Герой Советского Союза. Этот список был перепечатан европейской и американской прессой. 135 Героев Советского Союза для 500 тысяч евреев участников войны яв-

ляется невероятно высоким процентом. Факт заключался в том, что за русским народом-победителем шёл маленький, наполовину истреблённый еврейский народ и это в корне противоречило насаждаемому мнению о евреях как воинах. Этому Железновой не простили и арестовали её в апреле 1950 года. Публикации списка евреев-Героев был одним из главных из предъявленных ей обвинений. И всё это несмотря на тот факт, что списки были получены в 7-ом Наградном отделе Главного Политуправления Красной Армии по разрешению начальника этого управления генерал-полковника А. Щербакова на основании запроса ЕАК и официально оформленных документов.

Летом 1951 года, после того как по доносу подполковника Рюмина 12.08.1951 г. был арестован Министр Госбезопасности Абакумов, началась чистка центрального аппарата МГБ. Рюмин утверждал, что Абакумов тормозил расследование дел о группе врачей и молодёжной еврейской организации, которые якобы готовили покушение на вождей страны.

Рюмин, которого характеризовали как карьериста, авантюриста и махрового антисемита, опасался, что за сокрытие «непролетарского происхождения» и другие прегрешения его могут уволить из органов МГБ. Поэтому, по-видимому, с чьей-то помощью, он отважился на ложный донос на недовольного им Абакумова.

Абакумов был помещён в особую тюрьму, где его держали в кандалах и наручниках. На допросах его избивали, не давали спать и в итоге превратили в инвалида. Так он на своей шкуре испытал что такое «силовые меры воздействия».

Вот как эта история выглядела в официальных документах.

Выдержки из совершенно секретного письма ЦК ВКП(б) от 13.07.1951 г.:

«...В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявивший резко враждебное отношение к советской власти – врач Этингер...»

«Однако министр Госбезопасности Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, «признал

показания Этингера надуманными», заявил, что это дело не заслуживает внимания ... и прекратил дальнейшее следствие. При этом Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьёзно больного Этингера в заведомо опасные для него условия, вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер».

«Таким образом, погасив дело Этингера, Абакумов помешал ЦК выявить, безусловно (подчёркнуто мной) существующую за-конспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против партии и правительства».

Что стоит партийное «безусловно» видно из следующего письма.

Из совершенно секретной записки Министра Внутренних Дел СССР Берия Л. П. Председателю Совмина СССР Маленкову Г. М. От 25.06.1953 г.

«Рюмин участвовал в фальсификации следственных материалов по так называемым делам „Шпионского центра“ в Еврейском Антифашистском Комитете и Ленинградскому делу». В ноябре 1950 года Рюмину было поручено следствие по делу профессора Этингера. Зная, что Этингер привлекался к лечению А. С. Щербакова в качестве консультанта, Рюмин, применив незаконные методы следствия, вынудил Этингера дать вымышленные показания о неправильном лечении А. С. Щербакова, которое якобы привело к его смерти. Будучи после этого вызван Абакумовым на допрос, Этингер отказался от этих показаний как вымышленных им в результате требований Рюмина. В связи с этим Рюмин возобновил применение к Этингеру извращённых методов следствия, довёл его до состояния полного истощения, от чего Этингер в марте 1951 года умер в тюрьме».

Далее указывается, что в мае 1951 года парторганизация объявила Рюмину выговор за то, что он не зафиксировал показания Этингера. Также выяснилось, что при поступлении в органы МГБ он скрыл компрометирующие его материалы и др.

Почувствовав, что под ним заколебалась почва, для того чтобы избежать ответственности за совершённые преступления,

авантюрист Рюмин решил пожертвовать своим благодетелем Абакумовым. Он обратился с письмом к И. В. Сталину. В письме он «разоблачил» Абакумова в смазывании дел и в скрытии от партии и правительства показаний Этингера по поводу якобы умышленного умерщвления А. С. Щербакова.

Несмотря на то, что Рюмин принимал непосредственное участие в фальсификации следствия по делу о так называемом «Шпионском центре в Еврейском Антифашистском Комитете», в августе 1951 года он подготовил, а Игнатъев представил Сталину письмо, в котором сообщалось, что по материалам следствия по этому делу, преступная деятельность арестованных доказана.

Спрашивается, если уже 13.07.1951 года «безусловно» было известно существование законспирированной группы врачей, а в августе 1951 года «преступная деятельность арестованных доказана», то, что означала Записка № 7 министра Госбезопасности СССР С. Д. Игнатъева от 24.08.1951 года, направленная Маленкову и Берии о возобновлении следствия по делу ЕАК?

В ней в частности пишется: «это дело находится в запущенном состоянии, и почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием Еврейского Антифашистского Комитета». И далее: «В Целях документации шпионской деятельности обвиняемых, необходимо было тщательно изучить все материалы, направлявшиеся ЕАК в Америку, подвергая их экспертизе на предмет установления в этих материалах шпионских сведений, а также националистической окраски и приобщить заключения экспертизы к следственному делу. В процессе следствия этого сделано не было». (И это через 3 года после ареста?)

Выходит, что следователи все эти годы больше занимались выбиванием показаний, а не сбором доказательств вины арестованных.

После доноса карьера Рюмина пошла вверх. С начала 1951 года следствие по делу АЕК возобновлялось под руководством Рюмина, ставшего полковником – начальником следственной

части по особо важным делам и заместителем министра Госбезопасности СССР.

Основной упор следствие делало на связи арестованных с иностранными разведками, т. е. на «расстрельные» статьи. В этот период следствие проводилось с ещё более грубыми нарушениями законности, чем в 1949 году.

Из-за отсутствия доказательств достаточных для открытого судебного процесса по сценарию МГБ, дело АЕК, к неудовольствию самых верхов, продолжалось сверх установленного срока. И, тем не менее, 3 апреля 1952 года зам. министра Госбезопасности СССР полковник Рюмин утвердил обвинительное заключение по делу ЕАК. На мой взгляд, из обвинительного заключения видно, что соответствующие работники МГБ оперативно среагировали на замечание министра А. Игнатьева (записка от 24.08.1951 г.) об отсутствии доказательств шпионской деятельности и в короткий срок нашли американских шпионов и привязали их к арестованным деятелям ЕАК, что было делом техники.

После окончания войны международные контакты ЕАК резко сократились, но некоторым иностранным просоветски настроенным еврейским общественным деятелям дозволялось приехать в Советский Союз. Так, по приглашению ЕАК и с санкции МГБ в конце 1945 – середине 1946 годов СССР посетил левый американский журналист, редактор еврейской газеты «Дер Тог» («День»), Бенцион Голдберг. Феферу и Михоэлсу было поручено его сопровождать. Голдберга принимал Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Гостю разрешили посетить Киев, Минск и Прибалтику. Слежку за ним осуществлял заранее завербованный Фефер. ЕАК передал Голдбергу ряд советских пропагандистских материалов о достижениях в экономике, культуре и т. д. Впоследствии это было расценено как шпионская деятельность. Голдберг (закордонный агент МГБ) был назван шпионом. Задним числом в американские шпионы также был зачислен посетивший СССР после Голдберга Поль Новик, редактор американской коммунистической газеты «Морн Фрайхайд» и член компартии США с 1921 года. И это в

то время, когда в МГБ хорошо знали о том, что Голдберг и Новик подвергались гонениям в США за коммунистические убеждения.

Вот как это прозвучало в обвинительном заключении: «...обвиняемые Лозовский и Фефер в 1945–1946 гг. добились разрешения на въезд в СССР представителей еврейских реакционных кругов США Голдберга и Новика и во время их пребывания в нашей стране предоставили им широкие возможности для сбора разведывательных данных о Советском Союзе. ...Фефер через Лозовского организовал Голдбергу и Новику поездки в различные районы Советского Союза, где они с помощью сопровождающих их работников еврейского Антифашистского Комитета связывались с еврейскими писателями и другими лицами из числа евреев и получали от них шпионские сведения». «Находясь в Америке, Михоэлс и Фефер установили вражескую связь с представителями еврейской буржуазии, в том числе с лидером еврейской националистической организации «Джойнт» миллионером Розенбергом, и снабжали их клеветнической информацией о положении евреев в Советском Союзе и другими шпионскими материалами».

Фефер обвинялся в том, что занимался шпионажем и был одним из руководителей еврейского националистического подполья в СССР. Возглавляя в течение ряда лет Еврейский Антифашистский Комитет, вместе со своими сообщниками превратил его в центр националистической и шпионской работы против Советского Союза.

Таким образом, всё перевернули с ног на голову. То, что раньше было положительным и за что хвалили, то в обвинительном заключении переквалифицировали в отрицательное и за что сажали.

Википедия пишет о Фефере следующее: «Член ВКП(б) с 1919 года. Участник гражданской войны на стороне большевиков. Был схвачен контрразведкой Деникина и попал в Киевскую тюрьму, откуда его освободили вооружённые рабочие. Редактировал литературно-художественные журналы на идиш. Был

членом Союза советских писателей УССР и членом правления ССП СССР. Орденосец. С апреля 1942 года член ЕАК, а с 1945 года – ответственный секретарь комитета. Тесно сотрудничал с органами НКВД. О связях Фефера с органами ГБ Михоэлс и члены президиума ЕАК догадывались (или знали), но ничего от него не скрывали, считая, что вся деятельность Комитета направлена на благо государства. После разгрома ЕАК и ареста, Фефер оговаривает не только товарищей по Комитету, но и себя, сотрудничая со следствием и надеясь на особое к себе отношение».

Только когда понял, что в интересах «дела» ему не будет пощады, Фефер отказался от своих показаний. Но это ему не помогло и его вместе с «сообщниками» расстреляли 12 августа 1952 года, т. е. сначала использовали, а затем уничтожили, как и другого агента ГБ – Голубова при убийстве Михоэлса. Им не нужны были лишние свидетели.

Хочу напомнить обвинения остальным «сообщникам» Фефера:

Иосиф Юзефович – передача американской разведке секретных сведений о работе профсоюзов.

«В 1946 году, поэт Лейб Квитко, установил личную связь с американским разведчиком Голдбергом и информировал его о положении дел в Союзе советских писателей. Дал согласие на выпуск советско-американского ежегодника, через который американцы намеревались получать разведывательную информацию».

Маркиш Перец – «в 1945 году имел несколько встреч с американским разведчиком Голдбергом, которому передал сведения о положении и настроениях советских писателей в СССР».

Давид Гофштейн – «содействовал Голдбергу в сборе шпионских сведений о положении в Киеве. Снабдил Голдберга клеветнической информацией о жизни евреев на Украине».

Давид Бергельсон – «во время пребывания в СССР американских разведчиков Голдберга и Новика передал им информацию о Биробиджане».

В связях с так называемыми американскими шпионами Голдбергом и Новиком также обвинены Соломон Брегман, Борис Шимелиович и некоторые другие работники ЕАК.

Следует отметить, что обвинения ЕАК в шпионаже базировались и на том, что информация, которая передавалась за рубеж, была секретная, хотя все материалы проходили цензуру.

8 мая 1952 года начался судебный процесс под председательством генерал-лейтенанта А. Чепцова. Министр Госбезопасности Игнатъев и его заместитель Рюмин заранее сообщили Чепцову, что на основании их доклада Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле всех обвиняемых, кроме Лины Штерн.

Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело в полностью закрытом режиме: не только без публики, но и без участия обвинения и защиты. На суде многие подсудимые отказались от своих показаний на предварительном следствии.

Википедия отмечает, что «поскольку кроме выбитых на предварительном следствии признаний, никаких фактических доказательств вины обвиняемых не было, дело разваливалось на глазах». Председатель суда А. Чепцов «...решил добиться возвращения его на допрос». Но ничего из этого не получилось, ибо решение о наказании уже было принято Политбюро. Об этом ближайший соратник Сталина, секретарь ЦК КПСС Г. Маленков, организатор так называемого «Ленинградского дела», указал А. Чепцову: «Выполняйте решение Политбюро!»

18 июля 1952 года все обвиняемые, кроме Л. Штерн и Брегмана, который умер в тюрьме, были приговорены к смертной казни. 12 августа 1952 года – расстреляны.

22 ноября 1955 года Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор в отношении членов ЕАК из-за «отсутствия в их действиях состава преступления». Решение о реабилитации было секретным, и родственникам расстрелянных выдавались справки о смерти «при отбытии наказания».

Открыто о реабилитации заявлено лишь в 1988 году, когда комиссия Политбюро ЦК КПСС под руководством секретаря

ЦК А. Н. Яковлева рассмотрела материалы по «Делу ЕАК». Она подтвердила данные проверок 1955 года о том, что дело по обвинению членов ЕАК является сфабрикованным, а признания обвиняемых получены незаконным путём.

Комиссия установила, что прямую ответственность за незаконные репрессии к лицам, привлечённым по «Делу Еврейского Антифашистского Комитета», несёт Георгий Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству.

Всего по делу ЕАК было осуждено 140 человек. Из них 23 человека – к высшей мере наказания, 20 человек – к 25-ти годам заключения, 11 человек – к 15-ти годам и 50 человек – к 10-ти годам и т. д.

Глава 16

После двух лет следствия оказалось, что для открытого процесса нет нужных доказательств об участии активистов Еврейского антифашистского комитета в диверсиях и шпионаже.

В этих условиях старший следователь по особо важным делам Рюмин стал расширять дело, арестовывая новых людей, как-либо участвовавших в работе ЕАК.

В их число попал в ноябре 1950 г. известный профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой 2-го Московского медицинского института Яков Гиляревич Этингер. В его квартире КГБ установило подслушивающее устройство. Приёмный сын профессора, Яков Яковлевич Этингер, профессор, доктор исторических наук, в своей книге «Это невозможно забыть» подробно изложил обстоятельства ареста, следствия и возникновения «Дела врачей».

В частности, он пишет, что отец был знаком с некоторыми еврейскими писателями – активистами ЕАК. Он иногда бывал в комитете, обсуждая еврейские проблемы. По меркам тех дней

он часто бывал неосторожен, высказывая свои возмущения и мнение вслух. Нередко пересказывал своим знакомым содержания передач зарубежных радиостанций. Его высказывания по некоторым вопросам отличались от официальной точки зрения. Например, он сомневался в том, что его бывший пациент – югославский лидер Иосиф Броз Тито является немецким шпионом и агентом гестапо. Будучи по образованию также и биологом, он открыто критиковал авантюриста от науки Т. Д. Лысенко. Всё это классифицировалось властями как проявление антисоветских настроений, которых было достаточно для ареста. Также были арестованы жена и приёмный сын Этингера.

Я. Я. Этингер писал: «Обвинения, которые были предъявлены отцу, мне и матери, арестованной позже, базировались на записях подслушивающим устройством наших домашних разговоров».

Старший следователь подполковник Рюмин М. Д. обвинил Я. Г. Этингера во «вредительском» лечении секретаря ЦК ВКП(б), начальника Главного политического управления Красной Армии, генерал-полковника А. С. Щербакова, умершего 10 мая 1945 года. В апреле 1945 года Щербаков перенёс инфаркт и находился в подмосковном санатории. Нарушив режим, он уехал в Москву на торжества, посвящённые празднованию Дня Победы. В ночь на 10 мая Щербаков умер от сердечного приступа. Нужно отметить, что Этингер не был лечащим врачом Щербакова, а привлекался только для консультаций.

Историк Ж. Медведев по этому поводу писал: «Нужно иметь слишком большое воображение, чтобы обвинить Этингера или других врачей в этой смерти».

Я. Я. Этингеру было предъявлено обвинение в антисоветских разговорах, клевете на национальную политику Советского правительства, распространение гнусных измышлений на вождя советского народа и т. п. Особым Совещением при МГБ СССР в мае 1951 года он был приговорён к 10-ти годам лагерного заключения. Сначала его отправили этапом на Колыму, но через ме-

сяц возвратили в Московскую тюрьму Лефортово, где снова начались допросы с пытками, избиениями, карцером и т. п.

На этот раз следователи, включая Рюмина, требовали от него оговора отца и других профессоров.

«Старший следователь... полковник Носов, который раньше вёл моё дело, заявил мне следующее: «Нам хорошо известно, что ваш отец вместе с профессорами Виноградовым, Вовси, Гольдштейном и другими преступниками, занимался вредительским лечением многих выдающихся советских деятелей. Многие из профессоров бывали у вас дома. Отец был с вами в доверительных отношениях, поэтому вы не могли не знать о фактах вредительского лечения. Рассказывайте». «...Меня последовательно допрашивали примерно 10 следователей. Каждый расспрашивал о совершенно конкретном профессоре».

Допросы продолжались в течении шести месяцев «несмотря на все формы психологического и физического давления ... я ничего не подписал». Из всего этого он сделал вывод о готовившемся грандиозном деле, связанном с врачами.

Вот несколько официальных документов по делу «врачей-убийц»:

Сообщение ТАСС от 13 января 1953 г.

«Некоторое время назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, поставивших своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь активных деятелей Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов, врач-терапевт; профессор Коган М.Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров, врач-терапевт».

«Большинство участников террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Этингер Я. Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистиче-

ской организацией «Джойнт», созданной американской разведкой».

«Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники группы (Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И.) оказались давнейшими агентами английской разведки».

В сообщении были перечислены шесть евреев и трое русских врачей. На самом деле арестованных было гораздо больше, поскольку эта компания приняла общесоюзный характер. Достаточно сказать, что впоследствии были реабилитированы 37 арестованных по «Делу врачей», из которых 28 были собственно врачами, остальные – членами их семей.

В редакционной статье газеты «Правда» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» сопровождавшей сообщение ТАСС от 13 января 1953 г. сообщалось, что по показаниям арестованного Вовси (профессор, генерал-майор медицинской службы, главный терапевт Советской Армии, академик АМН СССР, двоюродный брат Михоэлса), он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США. Эту директиву от имени шпионско-террористической организации «Джойнт» ему передал врач Шимелиович и известный буржуазный националист Михоэлс, долго «носивший личину Народного артиста». «Прикрываясь высоким и благородным званием врача – человека науки, эти изверги и убийцы, растоптали знамя науки». «Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А. А. Жданов и А. С. Щербаков (секретари ЦК ВКП(б))». «В первую очередь преступники старались подорвать здоровье руководящих военных кадров и тем самым ослабить оборону страны». «Разоблачение шайки врачей-отравителей является ударом по международной еврейской сионистской организации. Теперь все смогут видеть, какие „благотворители“ и „друзья мира“ скрываются под вывеской „Джойнт“».

Не перечить всех мерзостей, которые содержались в этой статье: «подлые изменники Родины», «презренные выродки» и т. д. «Некоторые люди...не понимают или не могут понять, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы с врагами народа. Так учит товарищ Сталин».

Далее спрашивается: «Кому же служили эти изверги?» и ответ: «Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наёмными платными агентами». И как руководство к действию: «...всемерно усиливать революционную бдительность, зорко следить за происками врагов». «Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц презренных наймитов... он раздавит, как омерзительную гадину. Что касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдёт дорогу к ним». Статья заканчивалась так: «чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством».

После этого по всей стране пошла массированная кампания против «убийц в белых халатах», у большинства которых были еврейские фамилии. Нужно было возбудить ненависть народа к евреям вообще. В тех условиях, при неограниченных возможностях партийной пропаганды, сделать это было нетрудно.

Героем, изобличающим «убийц в белых халатах», пропаганда представила врача Л. Тимашук, которой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 года наградили Орденом Ленина «За помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц».

Месяц спустя в газете «Правда» была опубликована статья «Почта Лидии Тимашук». Ещё недавно мы не знали этой женщины... теперь имя врача Л. Ф. Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой мужественной борьбы с врагами нашей Родины. Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей.

Лидия Федосеевна стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей». Женщина боролась так, как борются с врагами Родины – не на жизнь, а на смерть, и победила. Шайка врачей-вредителей была арестована».

Для советского человека в то время публикации в газете «Правда» любых невообразимых вещей, как например о врачах-убийцах, значили больше чем какие-то обвинительные заключения прокурора и решения суда.

В опубликованных в газетах материалах и подборках писем читателей нагнеталась агрессивность в отношении евреев, что порождало нескрываемый антисемитизм и ненависть к ним.

Девятого февраля 1953 года Л. Тимашук в своём письме редактору газеты «Правда» просила: «...через вашу газету передать мою сердечную благодарность всем...поздравившим меня с награждением Орденом Ленина за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врагов советского народа».

Для тех, кто ещё сомневается в причастности Сталина к «Делу врачей-убийц»:

Из совершенно секретной записки министра Госбезопасности СССР С. Игнатьева от 15 ноября 1952 года (википедия):

«Докладываю Вам, товарищ Сталин, что во исполнение Ваших указаний от 5–13 ноября сделано следующее:

1. Доставлена из Владимирской тюрьмы в МГБ СССР жена Кузнецова для допроса её по поводу вредительства и преступных связей с работниками Лечсанупра Кремля.

2. К Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия и усилены допросы их, особенно в связи с иностранными разведками. Протоколы допросов Виноградова И Василенко представим 17 и 18 ноября.

3. Абакумов переведён из Лефортовской в Бутырскую тюрьму и содержится в ручных кандалах... Числится Абакумов не под фамилией а под присвоенным ему номером.

4. Подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические

наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников...»

Выдержки из письма Министра Внутренних Дел СССР Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС от 1 апреля 1953 года о реабилитации арестованных по «делу врачей-вредителей»:

«Совершенно Секретно»

«В 1952 году в Министерстве госбезопасности возникло дело о так называемой шпионско-террористической группе врачей, якобы ставившей своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь активных деятелей Советского государства. ...В результате проверки выяснилось, что всё это дело, от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя министра Госбезопасности СССР Рюмина. В своих преступных карьеристских целях Рюмин, будучи ещё старшим следователем МГБ, в июне 1951 года, под видом незаписанных показаний уже умершего к тому времени в тюрьме арестованного профессора Этингера, сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей... Для придания правдоподобности своим измышлениям, Рюмин использовал заявление врача Тимашук, поданное ею ещё в 1948 году в связи с лечением А. А. Жданова, которое было доложено И. В. Сталину и тогда же направлено им в архив ЦК ВКП(б).

Заручившись на основе сфальсифицированных следственных материалов санкцией И. В. Сталина на применение мер физического воздействия к арестованным врачам, руководство МГБ ввело в практику следственной работы различные способы пыток, жёсткие избиения, применение наручников, вызывающих мучительные боли, и длительное лишение сна. Не брезгуя никакими средствами, руководство МГБ стремилось во что бы то ни стало представить шпионами и убийцами ни в чём не повинных людей – крупнейших деятелей советской медицины.... Для того, чтобы придать доказательность полученным таким путём «признаниям» арестованных, следствию удалось сфабриковать заключение врачебной экспертизы по методам лечения, при-

менённым к А. С. Щербакову и А. А. Жданову. В этих целях следствие включило в состав экспертной комиссии врачей-агентов МГБ...»

4 апреля 1953 года газета «Правда» опубликовала краткое сообщение МВД СССР по «Делу врачей». В нём указывалось, что МВД произведена тщательная проверка всех материалов предварительного следствия по делу врачей, обвинённых во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей советского государства. Проверкой установлено, что все привлечённые по этому делу врачи были арестованы бывшим МГБ неправильно без каких-либо законных оснований...» обвинения являются ложными, а документальные данные несостоятельными... Показания арестованных получены работниками МГБ путём применения недопустимых и строжайше запрещённых советскими законами приёмами следствия».

Все арестованные по этому делу полностью реабилитированы и из под стражи освобождены. (Я. Г. Этингер погиб в застенках МГБ ещё в 1951 году).

«Лица, виновные в неправильном ведении следствия арестованы и привлечены к уголовной ответственности» (22 июля 1954 года по приговору суда расстрелян М. Д. Рюмин, а 19 декабря 1954 года – В. С. Абакумов).

В том же номере «Правды» также сообщается что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 года о награждении орденом Ленина врача Л. Ф. Тимашук «За помощь, оказанную Правительству, в деле разоблачения врачей-убийц» отменяется как неправильный в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами».

Через день, 6 апреля 1953 г., «Правда» поместила передовую статью «Советская социалистическая законность», в которой сообщила, что «презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социа-

листической идеологии чувства национальной вражды. В этих провокационных целях они не останавливались перед клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено, что таким образом был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс.

Статья в «Правде» вызвала поток писем в редакцию. Авторами были как отдельные лица, так и целые коллективы. Эти письма, в том числе и анонимные, объединялись редакцией в сводки с грифом «Секретно» и представлялись в Секретариат ЦК КПСС.

Вот, что сообщалось в Сводке № 2: «За 8 и 9 апреля редакция получила 52 письма-отклика. Авторы 14-ти писем горячо одобряют мероприятия правительства, приветствуют реабилитацию врачей, незаконно арестованных. Значительная часть авторов делится в письмах своими сомнениями и недоумениями и просит дополнительных разъяснений, в некоторых письмах сквозят явно антисемитские настроения».

Содержание и выдержки из некоторых писем:

Вавилов (Москва): «Я, как и многие советские люди, растроган справедливостью, честностью, гуманностью нашего дорогого правительства. Исправить ошибку перед всем миром – это ли не сила нашего строя...».

Анонимное письмо (Москва): «...я очень рад, что наконец разрядилась атмосфера в отношении евреев...до опубликования сообщения насчёт врачей, евреи пережили немало. Ведь дело доходило то того, что на работу было поступить трудно, да и теперь с сомнением относятся...».

Кайнов С. Б. (Саратов): «Никак не укладывается в голове, каким образом могла быть допущена подобная ошибка. Тем более, что часть этих врачей обвинялась не только во вредительстве, но и в том, что они являются старыми агентами английской разведки. Ведь нельзя предположить, что эти обвинения абсолютно беспочвенны, то в этом можно увидеть явно выра-

женное желание некоторых головоотяпов из бывшего МГБ посе-
тить антисемитизм и национальную рознь».

Чугунов А. (Москва): «Прошу через газету отметить среди со-
тен других и моё глубочайшее презрени и невыразимое чув-
ство омерзения к нечеловеческому отребью – Л. Тимашук, назы-
вавшей себя советским врачом. Эта подлая тварь... с гитле-
ровской идеологией вершила под видом советского патриота
отвратительные антисоветские дела».

Анонимное письмо (Москва): «Глубоко оскорблён русский
народ сегодняшней статьёй... Сколько истинных жертв репрес-
сий 1932–1934 и 1937–1938 годов ещё находятся в лагерях, но не
их в первую очередь реабилитировали, а кучку евреев».

Муравьёв Б. Т. (Иваново): «На каком основании ранее сооб-
щалось о группе врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпио-
наже и террористических действиях, тогда как следствие ещё не
было закончено?»

Савельев (Москва): «Вы считаете, что эти профессора полно-
стью реабилитированы? Но кого можно в этом убедить. Нет, всё
равно это низкие и подлые люди... Я и миллионы людей всё
равно будут презирать их и ещё больше ненавидеть».

Анонимное письмо (Москва): «После того, как я прочитал в
вашей газете сообщение об освобождении врачей-вредителей, у
меня ощущение, что я получил пощёчину... Уж слишком всё
«шито белыми нитками», и заставить верить в «невиновность»
нельзя».

Анонимное письмо (Москва): «Я – еврей. Мне 37 лет, я ком-
мунист, инженер и майор Советской Армии. Как и
большинство евреев, я бесконечно предан партии и Советскому
Союзу. Меня воспитала Родина честным и трудовым челове-
ком... Но с некоторых пор, все мы евреи, со жгучей болью в
сердце стали чувствовать... почти открытое преследование, раз-
личные ограничения, унижающее достоинство советских людей.
Евреев ... начали изгонять с более или менее ответственных ра-

бот, из министерств, из научных учреждений, из армии, почти перестали принимать даже на любую рядовую работу. Высшей точкой, которая до предела накалила обстановку, явилась статья в «Правде» об «Убийцах в белых халатах». Эта статья и последующие за ней во всех газетах, особенно в «Литературной газете» были написаны в открытом антисемитском духе и они сделали своё чёрное дело... К великому счастью и радости, партия сумела всё же разобраться и открыто ударить по носителям этих антипартийных тенденций. Я уверен, что прекращению антисемитской травли будут рады не только евреи, но и все честные советские люди, которым противна была обстановка национальной вражды. Честный советский человек».

Гринберг С. (Москва): «Дорогая редакция! Прошу передать мои извинения достопочтенной Лидии Тимашук за то, что в своё время не успела поздравить её с награждением Орденом Ленина. Опоздала. решила теперь не опоздать и спешу её поздравить с лишением награды...»

Анонимное письмо (Москва): «Просим вас больше не помещать в газете, органе ЦК КПСС, подобных сообщений, как сообщение от 4 апреля 1953 года... Оно написано или еврейской рукой или под влиянием еврейского вдохновения... А потом с Лидией Тимашук. Мы о ней могли знать, могли и не знать, а вот издеваться над партиотическими чувствами народа никто не имеет права...»

Рахман (Москва): «В передовой статье вашей газеты от 6 апреля сказано, что группа авантюристов из МГБ ставила перед собой целью разжечь национальную вражду. Следует, однако, заметить, что редактируемая вами газета сыграла в этом грязном деле неприглядную роль... После опубликования сообщения в отношении «врачей-убийц» на страницах вашей газеты в течении 15 дней печатались ежедневно фельетоны, действующими лицами которых являлись только евреи. Безусловно жу-

ликов и проходимцев нужно разоблачать, но такая подтасовка фактов вела к разжиганию антисемитизма среди народа. По вашему пути пошли и остальные газеты».

Анонимное письмо (Москва): «Вы поместили много статей с еврейскими фамилиями («врагами», проходимцами и т. п.). Поместите теперь хотя бы одну статью об одном случае антисемитизма, чтобы разоблачить мерзавцев, которые в нашей стране продолжают проявлять жуткий антисемитизм».

И в заключении выдержки из анонимного письма из г. Москвы: «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Под таким заголовком в «Правде» от 13.01.1953 года помещена статья. И чего только нет в этой злостной тенденциозной статье! Не дожидаясь конца следствия, автор свободно утверждает, что все участники террористической группы врачей состояли на службе иностранных разведок, продали им душу и тело... Автор статьи ни в чём не сомневается, он убеждён в виновности профессоров, он заранее обрёл их на гибель... Вы обвиняете «органы госбезопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации среди врачей. Конечно, не вскрыли. Трудно вскрыть то, что в природе не существует... Вы, не дождавшись следствия и суда, призываете народ к расправе «презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги», он раздавит их как омерзительную гадину...»

И вот результат. В «Правде» от 4 апреля 1953 года в сообщении МВД СССР говорится: «В результате проверки установлено, что привлечённые по делу профессора (перечисление фамилий) были арестованы бывшим МГБ СССР неправильно, без каких-либо законных обоснований... А что вы теперь скажете этим жертвам клеветы? ...Что вы скажете профессору Вовси и другим, к которым применяли недопустимые и строжайше запрещённые советскими законами приёмы следствия?... Ведь эти люди отдавали свой мозг, свои знания, свою жизнь народу. А вы что сделали? Вы их ославили на весь мир предателями Родины...»

Американский президент Эйзенхауэр (1953–1961) выступил с заявлением, что обвиняемые в шпионаже в пользу США никаких связей с американской разведкой не имели.

Нигде не встречал, чтобы «Правда» публично принесла извинения США, Англии, организации «Джойнт», а также потерпевшим от произвола лицам за опубликованные необоснованные и абсурдные обвинения, грубые оскорбления, навешивание непристойных ярлыков и т. п.

Как вытекает из рассекреченных документов, Рюмин, Абакумов и другие совершали эти неблагоприятные дела с ведома и одобрения высших партийных органов во главе с «отцом народов.»

Кем только не побывал в газете «Правда» тайно убитый сотрудниками МГБ 12 января 1948 в Минске Соломон Михоэлс – выдающийся советский театральный актёр и режиссёр, общественно-политический деятель, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии.

От «крупного общественного деятеля, посвятившего свою жизнь служению советскому народу» (некролог – январь 1948 года) до «Известный еврейский буржуазный националист» через пять лет после убийства (13 января 1953 года) и затем «...оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс» (6 апреля 1953 года).

Из приведённых выше документов видно, что уже в марте 1953 года были получены показания организаторов и исполнителей убийства Михоэлса. Однако «Правда» всегда «бежавшая впереди паровоза», не только не сообщила об истинных обстоятельствах его гибели, но даже не опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1953 года об отмене п.60 своего Указа от 6.03.53 г. «О лишении Михоэлса, Соломона Михайловича Ордена Ленина и звания Народного артиста СССР как неправильный».

Только к 15 годовщине события, 1963 году, сведения об убийстве Михоэлса были впервые переданы гласности, но не газетой «Правда», а газетой «Советская Литва».

Некоторые документы для полноты картины о роли в деле «врачей-убийц» зав. отделением функциональной диагностики Кремлёвского Лечсануправления Л. Ф. Тимашук, направившей 29 августа 1948 года письмо начальнику управления охраны МГБ Н. С. Власику, а затем и в другие адреса, о якобы неправильном лечении секретаря ЦК ВКП(б) Жданова А. А.

1. В докладе на XX съезде КПСС в 1956 году Н. С. Хрущёв сказал: «Следует также напомнить о деле «врачей-вредителей». Собственно такого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (она была негласным сотрудником органов безопасности) написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи применяют неправильные методы лечения».

2. Выдержки из письма Л. Ф. Тимашук от 31 марта 1966 года, направленного в президиум XXIII съезда КПСС с просьбой о признании необоснованной её общественной дискредитации как инициатора «Дела врачей»: «Дело, с которым я обращаюсь в столь высочайшую инстанцию, заключается в последствиях медицинского конфликта между мной и профессорами В. Н. Виноградовым, В. Х. Василенко и начальником Лечсанупра Кремля профессором П. И. Егоровым, лечившим А. А. Жданова... Спустя четыре с половиной года, летом 1952 года меня вдруг вызвали в МГБ в следственный отдел по особо важным делам... по делу покойного А. А. Жданова. Спустя ещё полгода, 20 января 1953 года, меня пригласили в Кремль к Г. М. Маленкову, который сообщил мне о том, что на совещании Совета Министров лично И. В. Сталиным мне вынесена благодарность за то, что в своё время я проявила большое мужество, вступив в единоборство с видными профессорами, лечившими А. А. Жданова, и отстаивала своё врачебное мнение в отношении больного, и награждаюсь Орденом Ленина...

...Спустя три года, в 1956 году в закрытом письме ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, высказываясь по поводу «культы личности» И. В. Сталина, упомянул моё имя в связи с делом о врачах. 31 августа 1956 года я обратилась с письмом в ЦК КПСС лично к

Н. С. Хрущёву, в котором вновь изложила своё участие в обследовании А. А. Жданова и возникший медицинский конфликт с профессорами В. Ч. Виноградовым, В. К. Василенко и П. И. Егоровым. Что же касается других врачей и профессоров, не лечивших Жданова, упомянутых в «Деле о врачах», потерпевших во время культа личности, (то они) ко мне не имеют никакого отношения.

Моё положение в обществе весьма трагично. После награждения меня орденом Ленина, связанного с созданием «дела о врачах» было широкое оповещение в печати и последующее оповещение в центральной печати об ошибочном награждении меня Орденом Ленина, связанным с реабилитацией всех обвинённых врачей, без каких-либо дополнительных объяснений, поддерживающих мою безусловную непричастность к данному делу, (что) вызвало у большинства людей впечатление о клевете...

Прошу Президиум XXIII съезда КПСС внести ясность и справедливость в это беспрецедентное дело».

Таким образом, как сказал историк М. Хейфец: «Тимашук была назначена «спасительницей отечества» на тех же примерно основаниях, на каких «врачи-убийцы» были назначены шпионами и отравителями».

Глава 17

После шестидневной войны распространение измышлений о том, что евреи во время Отечественной войны отсиживались в Ташкенте, не то чтобы прекратились, но, во всяком случае, утихли до «лучших времён».

В 70-х годах, исходя из внутренней и международной обстановки, Советская власть вынуждена была разрешить евреям покинуть страну и антисемитская кампания возобновилась с новой силой. Только за 1978–79 гг. из СССР выехало 70 тысяч евреев,

что было во много раз больше, чем за все шестидесятые годы. Для того, чтобы сократить количество репатриантов, и чтобы им «жизнь не показалась малиной» и надолго запомнились все тяжкие переживания, мытарства, оскорбления и унижения, власти ввели ряд мер, предельно усложняющих процедуру отъезда. Условия получения выездной визы всё время изменялись: квоты на выезд, плата за обучение в ВУЗах, ограничение багажа по весу и содержанию, служебные характеристики, многочисленные справки и т. д.

В разрешении на выезд в различные времена отказывали лицам, причастным к государственным секретам, представителям ценных специальностей, деятелям науки и культуры и т. п. Расплывчатость многих критериев давала возможность отказать в выезде на «законных» основаниях практически любому человеку, и бюрократы широко пользовались этим на местах. В связи с этим число «отказников» постоянно увеличивалось.

Желание выехать из «самой лучшей страны» и подача документов в ОВИР автоматически ставила человека вне закона, превращала его в изменника и врага Родины.

В прессе увеличилось количество антисемитских и антисоциалистских публикаций, и началась травля «отказников». Как ненадёжных их увольняли с работы и понижали в должностях. Они были вынуждены заниматься низкооплачиваемым и неквалифицированным трудом.

С июня 1968 года и до «большой алии» существовал порядок предварительного обсуждения характеристик выезжающих на общих собраниях коллективов по месту работы. В память врезалось собрание коллектива Белорусской Республиканской конторы Госбанка, на котором устроили судилище заместителю начальника управления Левину и заместителю главного бухгалтера конторы Иоффе за то, что они дали разрешение на выезд из СССР своим детям. Они оба были высококвалифицированные специалистами, не один десяток лет проработали в системе Госбанка и неоднократно поощрялись за свой труд. Двухсотместный зал был заполнен до отказа. Очень многие,

переживая за «обвиняемых», старались не встречаться с ними глазами. Заказные ораторы клеймили Левина и Иоффе позором, называли их «предателями», «отщепенцами», «врагами» и т. п. Зал встрепенулся, когда одна из выступающих, стараясь оправдать высокое доверие, залезла в прошлое и, несмотря на многие факты, опровергающие этот миф, «напомнила» о том, что вместо защиты Родины, они (евреи) отсиживались в Ташкенте. Все видели и знали, что у входа в зал, на стенде «Они защищали Родину», в числе других была фотография Левина, который прошёл всю войну и был награждён многими боевыми орденами и медалями, а также описание его боевого пути. (Иоффе во время войны был моложе призывного возраста). Некоторые сотрудники не выдержали этой наглости и в зале начали раздаваться реплики: «Ты что, слепая? Ничего не видишь вокруг?», «Ты соображаешь что говоришь?» и т. д. Выступающая как-то сникла, стала огрызаться, высказывать сомнение в достоверности наград, но «цирковое представление» было явно испорчено. В конечном итоге, обоих сняли с занимаемых должностей. Левина через несколько месяцев отправили на пенсию, а Иоффе перешёл на рядовую должность с маленьким окладом в областную контору, в которой я работал.

У нас, как и во всех других организациях, был такой же стенд, на котором были фотографии десяти работников конторы, которые были участниками Отечественной войны. Среди них было четыре еврея: А. Кантар, П. Каплан, А. Финн и я, Г. Шнитман. Как и везде, у нас работали отдельные лица, которые любили поговорить «о жизни» и, после предварительной оговорки о том, что ко мне это не относится и я «не такой», переходили на еврейский вопрос.

Я «затыкал» им рты, посылая их к стенду подсчитать процент евреев участников войны. Также я перечислял по фамилиям (чтобы не было сомнений в их национальности) своих сватов – участников войны: Иосиф Эпштейн, Абрам Левин, Борис Дризин. Заодно я спрашивал о том, что делал во время войны, например, его отец или тесть? Эти вопросы ставили их в тупик,

поскольку я знал, что они не воевали. Многие отвадились от разговоров на «еврейскую» тему.

Начальник отдела механизации Александр Финн был членом дачного кооператива банковских работников. К нему на дачный участок стали приходиться люди по поводу покупки домика и участка. Всем стало понятно, что он собирается, как говорили, «на юга».

Управляющий Минской областной конторой Госбанка Иван Михайлович Петров был умный и толковый мужик. Под его началом я проработал 20 лет, в том числе 15 лет начальником планово экономического отдела. Как-то он завёл разговор о том, что не является сторонником таких «позорных» представлений. Если Финн попросит характеристику, то он вынужден будет собрать коллектив, и не сомневается в том, что найдутся «поставщики» и «исполнители». Если Финн твёрдо уверен в своём решении, то самый лучший выход до подачи документов в ОВИР уволиться по собственному желанию. Что касается характеристики, то она будет нейтральной, поскольку за положительную Петрова обвинят в отсутствии бдительности и тому подобное, а за отрицательную – спросят, почему долгое время держал такого человека на должности начальника.

Необходимо отметить, что при И. М. Петрове из 11 отделов в облконторе, 5 из них возглавляли лица еврейской национальности.

Востребование характеристик с места работы, несомненно, повлияло на нежелание руководителей организаций и учреждений, принимать на работу евреев, поскольку они в любой момент могут воспользоваться правом на репатриацию.

От антисемитизма страдали не только взрослые, но и дети.

Представьте себе отличницу, любимицу 4 класса, Светлану Эпштейн с длинной чёрной косой, внимательно слушающую на уроке учительницу русской литературы Шпаковскую. Разбирают русскую народную сказку, в которой действующие персонажи, как водится, хорошие и плохие, т. е. враги хороших. И чтобы было понятно, учительница говорит, что и у нас есть враги.

Это евреи, которые покидают Родину и уезжают в Израиль. И чтобы было ещё понятнее, открытым текстом говорит ученикам, что и у них в классе есть враг и все дети невольно обратили свои взоры на Свету, поскольку она была единственная еврейка в классе. Света вся сжалась в комок, словно от удара, опустила голову и ещё долго сидела неподвижно тихонько всхлипывая.

Раньше свою квалификацию Шпаковская показывала своей безграмотностью. Например, однажды на классной доске написала слово «рюкзак» через «г» и все ученики стали наперебой её поправлять. Родители многих учеников, не только Светы Эпштейн, опасаясь за грамотность своих детей, не прошли мимо этого вопиющего случая и стали обращаться в районо, гороно, республиканскую учительскую газету. Кончилось это тем, что всё свелось к её неграмотности и поэтому учительнице выделили квалифицированного наставника (тогда была кампания «наставничество»), который должен был «подтянуть» её русский язык. Справедливости ради надо сказать, что на следующий учебный год новый директор школы отказался от услуг Шпаковской. Вероятно, её наставнику не удалось много чего изменить

Все трое наших детей, Лена, Гриша, Миша и племянница Алла подверглись дискриминации, кто при поступлении в ВУЗ, кто при распределении на работу по его окончании.

В Минске был ряд высших учебных заведений, в которые евреям, можно сказать, дорога была закрыта. Одним из них был Белорусский государственный институт народного хозяйства. Я многие годы тесно взаимодействовал с его кафедрой «Денежное обращение и кредит» по руководству и рецензированию дипломных и курсовых работ студентов и их практикой. Должен заметить, что через меня прошёл не один десяток студентов. Среди них было только два еврея. Одного из них, Матвея Фельдмана, под мою ответственность управляющий конторой И. М. Петров оставил в Минске в операционном управлении конторы Госбанка. Когда началась большая алия, Матвей выехал из СССР.

Глава 18

Работая в Радошковском отделении Госбанка, я заочно окончил Минский институт народного хозяйства. По окончании был переведен в Молодечненскую контору, а потом в Минскую областную контору Госбанка, где работал старшим экономистом, зам. начальника управления, а с 1969 г. и до выхода в конце 1990 г. на пенсию – начальником планово-экономического отдела этой конторы. По должности я имел доступ к секретным документам.

Где-то в конце 1990г. я был ознакомлен со сборником «Известия ЦК КПСС № 7 за 1990 г.» где на стр. 210–211 приводится записка с грифом «совершенно секретно» на имя Сталина секретаря ЦК КП(б) Белоруссии – члена Военсовета Запфронта П. К. Пономаренко «О Положении в Белоруссии» (на записке нет исходящей даты, только примечание. что записка «поступила не позднее 12 июля 1941 г.»).

Сложно описать, что я почувствовал, внимательно прочитав записку несколько раз, чтобы запомнить, поскольку любые записи выносить из секретной комнаты категорически запрещалось.

Когда я читал записку, уже много было известно о начальном периоде войны, да я сам, наша и другие семьи были свидетелями разных событий и обстоятельств того времени и вполне могли оценить достоверность многих положений записки.

Так, в условиях, когда только за первую неделю войны, фашистские захватчики углубились на 350-400 км и оккупировали все западные и центральные области Белоруссии, включая г. Минск, П. К. Пономаренко, вопреки здравому смыслу и действительному положению, докладывает о вполне благополучном положении в республике, используя для этого всякие неблагоприятные приемы, вплоть до обмана.

Записка начинается с того, что «из 100 районов Белоруссии в старых границах в наших руках находятся 51 район и на территории в тылу противника районов 20 находятся под нашим контролем...» (стр. 210)

Это же надо обладать такой фантазией, чтобы при фактической потере около 70% общего числа районов республики рапортовать о том, что в «наших руках» 71% районов.

Откуда это?

Как опытный манипулятор П.К. Пономаренко вводит понятие «в старых границах» как будто 101 район западных областей (Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской, Пинской) в 1939 г. в состав БССР и СССР не вошли и жители не стали гражданами СССР. Это значит, что он вывел их из-под своей ответственности, и получилась совсем другая статистика.

Забыть об этом он никак не мог. Ведь кроме секретаря ЦК КП (б), как написано в его биографии, он с сентября 1939 г. был также «членом Военного Совета Белорусского Военного Округа, принимал участие в руководстве войсками, вошедшими на территорию западной Белоруссии».

Далее: «там, где колхозники поднимают личный скот, там снимается весь колхоз и уходит», а также «колхозники умоляют дать оружие, просят забрать всех в армию». (210)

Любой здравомыслящий человек никогда не поверит, что колхоз можно поднять и снять как табор и уйти неизвестно куда, а также, что колхозники просят забрать всех в армию.

Мы прошли свой длинный и тяжелый путь беженцев через деревни и колхозы Минского, Смолевичского, Борисовского и других районов Восточной Белоруссии, и не видели и не слышали, чтобы колхозы «снимались и уходили», а колхозники умоляли забрать всех в армию.

Нам попадалось немало колхозников, озабоченных своей судьбой после прихода немцев. Разговоры велись о том, будут ли возвращены наделы земли, которыми они владели до коллективизации, как будет поделен колхозный скот, имущество и т. д.

Таким образом, они никак не собирались уходить с обжитых мест. Думается, что и будущие коллаборационисты, которых было немало, также не собирались никуда уходить.

«В районном городке Червень немцы собрали мужиков и стали агитировать в духе, изложенном выше, что каждому земля и труд дадут, то и будет его собственностью, что «трудовая копейка» не будет знать вычетов, Когда же они заключили, что их предложения встречаются враждебно, то расстреляли толпу из пулеметов. Все население покинуло городок» (стр. 211).

Опять «все». Как могли более 6 тысяч жителей Червеня «покинуть» место проживания и куда они ушли?

Я в свое время связывался со знакомыми из Червеня и, конечно же, никто о таком не знает и не помнит.

Советская военная доктрина и пропаганда гласили, что Красная Армия всех сильнее и если враг развяжет войну, то вестись она будет на его территории. Исходя из этого, практически мало что делалось на случай отступления, эвакуации населения и предприятий.

В статье «Минск 22-28 июня 1941г.» историк И. Ю. Воронкова, наряду с другими примерами неподготовленности, отмечает: «Состояние ПВО вызвало особую тревогу. К началу войны не был даже достроен так называемый «Спец объект № 1» – командный пункт ПВО в Минске. Кроме того Минск не имел ни одного убежища первой категории защиты»... «не лучше обстояли дела с убежищами второй категории, которыми должны были служить подвалы зданий».

Аналогичное положение было и в отношении деятельности партизанских отрядов и подполья на оккупированных территориях.

В 2005 г. в официальном интернет-портале Президента Республики Беларусь (60 лет Победы) указывается, что «в связи с военной доктриной ...деятельность партизанских соединений и подполье в нашей стране не предусматривались».

В записке: «Во всех оставленных районах мы оставили организованный партизанский отряд. Всего оставлено свыше 3000

человек. Кроме того, остались подпольные ячейки. Сейчас они выросли в десятки раз».

В интернет-портале: «29 июня 1941г. белорусские руководящие органы издали директиву об организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу врага. За первый месяц войны было создано 118 групп общей численностью 2644 человек». (В записке 3000 чел. за половину месяца).

Естественно, что в условиях отсутствия подготовленных заранее баз, обученных военному делу людей, необходимого вооружения, боеприпасов, продовольствия и т. д. партизаны могли осуществлять самые ограниченные боевые действия.

«Отряды, созданные в начале войны, были сравнительно небольшими, насчитывали по несколько десятков человек, сведенных в две-три группы (отделения). Такой отряд был вооружен легким стрелковым или даже охотничьим оружием и мог решать сравнительно ограниченные задачи». («Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной Войны», Минск, 1983 г., стр. 5).

Однако П. Пономаренко, преследуя определенные цели, приводит в Записке в подтверждение «прекрасных действий партизан ...несколько достоверных примеров»:

А) В Березинском районе партизанский отряд около 100 человек, под командой тов. Юрина (чекист, оставленный нами) напал из засады на отряд немецкой пехоты в 200 человек, двигавшийся по шоссе, после короткого, но жаркого боя, немцы потеряли убитыми 150 человек».

Б) Партизанский отряд под командой секретаря Октябрьского райкома КПБ Бумажкова подстерег в лесу остановившуюся колонну танков врага, стремительно напав, он завладел всеми 18-ю танками и сжег их».

В) «Партизанский отряд под командованием политработника Коваленко, взорвал мост через р. Птичь и долго задерживал продвижение танков противника. Коваленко убит».

Ни каким образом не умаляя мужество, героизм и самоотверженность белорусских партизан, я, простой молодой сер-

жант – командир отделения автоматчиков во время войны, небольшой военный специалист, не могу не высказать свое сомнение в достоверности этих «достоверных» примеров. Как могут только что собранные, плохо вооруженные люди разгромить вооруженного до зубов противника.

Некоторые официальные документы, на мой взгляд, подтверждают правильность моих сомнений.

Так, вышеуказанный официальный интернет-портал, приводя примеры отважных действий партизанских отрядов в первые месяцы войны, вообще не упоминает о «прекрасных действиях» отрядов под руководством Коваленко и Юрина.

Что касается партизанского отряда (80 человек) под командой секретаря Октябрьского райкома КПБ Тихона Бумажкова, то интернет-портал Президента республики Беларусь сообщает, что он «18 июля (напоминаю: на записке нет исходящей даты, а есть дата получения – не позднее 12 июля 1941 г.) во взаимодействии с армейским пехотным батальоном нанес удар по немецкой дивизии и ее штабу, в результате которого гитлеровцы потеряли 80 солдат и офицеров, партизаны взяли фашистов в плен, захватили немалые трофеи (55 автомашин, 2 радиостанции, 27 мотоциклов)...».

И дальше: «Вскоре отряд самостоятельно напал на танковое подразделение, форсировавшее реку. Взорвав мост, партизаны забросали врага гранатами и бутылками с горючим. 15 вражеских танков и столько же бронемашин было выведено из строя» (стр. 7).

Тут что-то не так. Впечатление, что речь идет о каких-то двух разных партизанских отрядах под командой Тихона Бумажкова, один из которых щелкал как орехи немецкие танки в первой декаде июля 1941 г., а второй – после 18 июля 1941 г.

Спрашивается, где правда? Как мог Пантелеймон Кондратьевич предугадать в записке, написанной в первой декаде июля 1941 г., что после 18 июля отряд Бумажкова уничтожит, правда не 18 как в записке, а 15 танков?

Т. Бумажкову, одному из первых партизан, 6 августа 1941г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Кстати, по официальным данным Т. Бумажков был комиссаром отряда, а командиром – Ф. Павловский.

П. Пономаренко, как опытный партийный функционер такого высокого ранга, хорошо знал, что в таких условиях требуется. Тем более что подсказка содержалась в речи Сталина от 3 июля 1941 г., где в частности сказано: «... лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения...» (Если так – с кем же мы воевали еще долгих 4 года?)

Исходя из этого, а также других положений речи Председателя Госкомитета обороны И. В. Сталина, П. Пономаренко «рисует», как ему удалось в непродолжительный срок создать «исключительно патриотическое и боевое» настроение белорусов, оставить подпольные ячейки, осуществить массовый угон скота, организовать партизанские отряды, которые громят превосходящие силы противника и т. д. и т. п.

Также и в советских средствах массовой информации события начального периода войны, когда Красная Армия стремительно отступала, освещались, как будто скоро грянет победа над фашистами. И не лишним подтверждением этой быстроты должны были стать подвиги героев – образцы для подражания в число, которых попал и капитан Гастелло. 5 июля 1941г. Совинформбюро сообщило: «Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя».

На основе этого сообщения корреспонденты П. Павленко и П. Крылов написали очерк «Капитан Гастелло» в газете «Правда» от 10 июля 1941 г. В очерке сообщается, что 3 июля 1941 г. (непонятно откуда эта дата) самолет командира эскадрильи

капитана Н. Ф. Гастелло был подбит снарядом вражеской зенитки над дорогой Молодечно–Радошковичи.

Загорелся бензобак, и капитан Гастелло направил горящий самолет в скопление на дороге вражеских бензоцистерн и автомашин. «Машина Гастелло врезается в толпу цистерн и машин и оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух сражения. Взрываются вражеские цистерны». Статья заканчивается: «Родина приобрела героя. В памяти навсегда останется подвиг человека, рассчитавшего свою смерть как бесстрашный удар по врагу». За этот героический подвиг только он один из экипажа посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза 26 июля 1941 г.

В сквере в центре Радошковичей возвели бронзовый бюст Николая Гастелло. В школах изучался его подвиг и его именем были названы сотни колхозов, в том числе и Радошковичский, улиц, фабрик и заводов, пионерских дружин и т. п. Усилиями советской пропаганды подвиг Гастелло стал одним из самых известных в истории Великой Отечественной Войны.

В канун десятилетия знаменитого «огненного тарана» республиканские власти решили перезахоронить останки экипажа, а обломки самолета выставить в музее Великой Отечественной Войны.

Я в это время работал волонтером в Радошковичском райвоенкомате и был свидетелем происходящих событий. Комиссия в составе соответствующих специалистов (научных сотрудников, медэкспертов и т. д.) прибыла на место подвига примерно в 2 км. от Радошкович.

С помощью очевидцев – жителей окрестных деревень (Миговка, Декшняны) нашли и вскрыли могилу и начали собирать обломки самолета, упавшего в 180 метрах от дороги. В могиле обнаружили останки, но не капитана Гастелло и его экипажа, а считающихся пропавшими без вести капитана Маслова и его экипажа. И обломки, как, оказалось, были не гастелловского, а масловского самолета. Таким образом, наземного тарана, т. е. подвига как такового не было, а правдой в газете «Правда» яв-

ляется только факт падения горящего самолета. Долго в высших инстанциях думали и гадали, как выйти из этого неприятного положения. Нашли самый простой выход: оставить все как есть, как будто никаких исследований не было. Оказалось, что проще проигнорировать полученные результаты, переведя их в разряд секретных, чем сказать правду и исправить положение. Пока работала комиссия, райвоенком подполковник Котельников ходил мрачнее тучи. Куда делось его высокомерие и самоуверенность? Он опасался, что его могут сделать крайним и обвинить в сокрытии падения самолета не на шоссе, а несколько поодаль.

Это было известно жителям Радошкович и окрестных деревень. Он не мог не знать об этом. Обломки самолета Маслова увезли в Минск в Бел. гос. музей истории ВОВ и стали экспонировать как части боевой машины Гастелло.

В 1996 г. указом Президента России все члены экипажа капитана Маслова получили звание Героев России. Президиум Верховного Совета наградил посмертно после долгих хлопот членов экипажа Гастелло орденами Отечественной войны 1-ой степени «за храбрость, мужество и отвагу». Ни слова о том, что это летчики экипажа Гастелло совершили легендарный таран.

В связи с нестыковкой даты совершенного подвига (26.6. или 3.7.) я обратился к наградному листу на Гастелло на сайте «Подвиг народа». В нем указана дата 26 июня 1941 г. Наградной лист подписан 25 июля 1941 г. командиром и комиссаром 207 авиаполка и поддержан командиром и комиссаром 42 авиадивизии 26 июля 1941 г. В этот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Гастелло было присвоено звание Героя. В сводке информбюро и в очерке в «Правде» было сказано, что Гастелло атаковал «скопление автомашин и бензиновых цистерн», в наградном листе – повел самолет в самую гущу танков. Имеются и другие нестыковки.

В последние годы в российской печати и на телевидении появились публикации и выступления утверждающие, что все-таки подвиг Гастелло на проселочной дороге, по которой двигалась немецкая колонна машин. Более того, некоторые из них

считают, что не очень важно, совершил ли капитан Гастелло подвиг, который ему приписывают. Главное, что тараны в дальнейшем совершали не один десяток советских летчиков и что у страны было трудное время, стране нужны были подвиги и образцы для подражания. Нужно было поднять силу духа воинов и их веру в победу над врагом. В этих целях и мнимый подвиг оправдан.

В стране Советов всегда были трудности, которые героически преодолевались, во многих случаях и путем выискивания мнимых врагов. Общеизвестно, что в недалеком прошлом было немало сфальсифицированных дел и процессов, которые заканчивались репрессиями, расстрелами и депортацией миллионов невинных людей.

Из этого выходит, что репрессии тоже как бы оправдываются. Тем более что имелась идеологическая база, сформулированная И. В. Сталиным еще на Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г.: «что по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться».

Вернемся, однако, к записке Пономарено. К концу доклада видимо «дошло», что действительное положение в республике все-таки не очень благополучное, и записку закончили следующим образом: «Как вывод, должен подчеркнуть – исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников в отличие от некоторой части служилого люда городов, ни о чем не думающих кроме спасения шкуры. Это объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах. Их объят животный страх перед Гитлером и вместо борьбы – бегство». Я предполагал, что без евреев не обойдется, но не думал, что дойдет до такого.

Должен признаться, что меня шокировало и возмутило, что не простой обыватель, а высший партруководитель республики, вопреки уставным и другим нормам без стыда и совести противопоставляет один народ другому. Его вывод – это поклеп на стариков, женщин и детей, в том числе и на меня – 14-летнего

юнца, который голодный, оборванный, с разбитыми и опухшими ногами, под обстрелом и бомбежкой прошел пешком свыше 250 км. по восточной Белоруссии, а потом был призван в Армию, отправлен на фронт и получил тяжелое ранение.

Действительно, наша семья и другие еврейские, и не только еврейские семьи уходили на восток, как правило пешком и с носильными вещами в руках и за спиной, но только после того, как местные руководящие партсоветские работники, мобилизовав транспортные средства и погрузив на них себя и часть своего имущества, не дожидаясь объявления всеобщей эвакуации, спешно двинулись на восток.

Правительство и ЦК компартии во главе с Пономаренко сбежали из Минска 24 и 25 июня 1941г. на машинах с вооруженной охраной. Сбежали бросив город на произвол судьбы. Начались хаос и неразбериха, грабежи магазинов и складов. Бежали так, что «в руки вошедших через несколько дней в город немцев попали почти все дела, касающиеся государственного управления БССР: списки членов правительства и их семей, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, важнейших государственных структур, а также все мобилизационные планы БССР». (М. Ю. Воронкова. Минск 22–28 июня 1941 г.) Паника среди руководства была так велика, что оно даже не успело назначить нескольких человек для организации движения сопротивления – писал Г. Смоляр (руководитель подпольной организации Минского гетто) в своих публикациях. Спрашивается, кого же в первую очередь объял «животный страх»? Не руководителей ли республикой и лично Пономаренко?

Официально только 25 июня была создана Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР, когда руководство республики было в Могилеве и когда возможность эвакуации из большинства районов была упущена.

Пытаясь как-то снять с себя ответственность за допущенные просчеты, провалы, неразбериху и бегство, Пономаренко быстро нашел «козлов отпущения» в лице евреев (благо они всегда были под рукой), противопоставив их колхозникам белорусам,

что на самом деле неприкрытая ложь, клевета на стариков, женщин и детей, им же брошенных на произвол судьбы.

Сталинскому выдвиженцу все обошлось. Вероятно, содержанием записки он угодил патрону. Как 1-ый секретарь ЦК КПБ и член военного совета ЗапОВО наравне с командованием Западного фронта должен был нести ответственность за крайне тяжелую обстановку для советских войск, которая сложилась в Белоруссии в начале войны.

Однако виновным за неудачи первых дней войны сделали командующего Западным фронтом генерала армии Д. Павлова которого в конце июля 1941 г. расстреляли (реабилитирован в 1957 г.). Пономаренко же уцелел. Более того, через некоторое время получил высокое назначение – начальника Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД.) После войны был секретарем ЦК КПБ, зам. Председателя Совмина СССР, 1-й секретарь ЦК КП Казахстана. Закат карьеры Пономаренко начался после смерти Сталина. Она закончилась в 1962 г. когда правительство Нидерландов его – посла СССР – объявило персоной нон грата за то, что он лично принял участие в похищении советской перебежчицы на улицах Амстердама и вступил в драку с представителями полиции (Википедия).

Публицист А. Великий пишет: «Беларусь в политической карьере П. Пономаренко (1938–1947) явилась тем местом и временем, в котором он наиболее ярко проявился как высокопоставленный номенклатурщик сталинской эпохи, тонко чувствующий политическую конъюнктуру, „колеблющийся“ только с генеральной линией партии и с вождем». «Пономаренко ответственен за репрессии в Беларуси. Его подпись как первого секретаря ЦК компартии Белоруссии стояла не на одном расстрельном списке».

«Ровно через месяц после вступления в должность первого секретаря ЦК компартии Белоруссии, Пономаренко направляет Сталину шифровку под грифом „совершенно секретно“, в которой добивается увеличения количества репрессированных для БССР по первой категории (расстрел) на две тысячи человек, а

по второй (тюрьма или лагерь) – на три тысячи» (А. Великий. «Пономаренко – штрихи к политическому портрету»).

Для меня с самого начала было очевидно, что «записка» Пономаренко – это самая настоящая дезинформация. Я ждал немало лет надеясь, что наступит время, что ее рассекретят и предадут гласности. Когда мне из Минска прислали копию записки, я попытался подтвердить, что Пономаренко, мягко выражаясь, совсем не «отличался изумительной честностью и ответственностью» как его характеризовал генерал-лейтенант в отставке И. А. Потапов, проработавший много лет в отделе административных органов ЦК КПСС («Красная Звезда» от 11.2.2006).

В. З. Корж, один из первых организаторов партизанских отрядов (первый бой – 28.6.1941 г.), командир Пинского партизанского соединения, Герой Советского Союза, генерал – майор в своем дневнике за 1963 год писал: «Пономаренко – человек хитрый, ехидный и большой подхалим. И сам, увы, любил подхалимов и разные там «тайны мадридского двора».

Следует заметить, что В. З. Корж издать книгу со своими воспоминаниями при жизни (до 1967 г.) не смог. Из готовой рукописи цензоры вымарали целые страницы. Им не нравилась откровенность, с которой он писал о неподготовленности к борьбе в тылу врага. Шокировали цензоров и очень нелицеприятные характеристики, данные некоторым руководителям республики.

Его дочь Зинаида в 2008 году передала значительную часть документов отца в Национальный архив Беларуси. (статья Л. Селицкой, В. Семенова – Цензоры не выпустили мемуары легендарного партизана Коржа «Комсомольская правда» 18.03.2010 года.

Глава 19

Трудно себе представить, что такого высокого ранга партаппаратчик, как Потапов, даже в 2006 году и вправду считал, что Пономаренко: «Блестяще освоил дело, отличался изумительной честностью и ответственностью, глубокий аналитик».

Как проявилась «изумительная честность» Пономаренко, мы знаем из записки Сталину «О положении в Белоруссии» и других материалов.

Руководитель историко-архивной службы ИД «Коммерсантъ» Евгений Жирнов в журнале «Коммерсантъ и власть» № 41 от 15.10.2012 г. приводит письмо заведующего сектором Минского обкома КП (б) Б Михаила Сорокина к Сталину. В этом письме от 5 июля 1941г. он писал: «По моим убеждениям, эвакуация жителей города Минска произошла настолько не организованно, что приходится кое над чем задуматься и задать вопрос, почему так произошло? До 10 часов вечера 24 июня никому не было известно, что город должен эвакуироваться. Об этом не знали мы, ответственные работники обкома КП(б)Б. В 10 часов вечера секретари обкома и другие руководящие работники города без всякой огласки сели в машины и выехали, как впоследствии мы узнали, в Могилёв, оставив остальных работников обкома без средств передвижения... Началась усиленная бомбёжка города. Население убегало в панике в леса, отступая на города Борисов, Оршу и Могилев без прикрытия, обстреливалось вражескими самолётами, диверсантами-парашютистами. А ведь можно было это не допустить, если бы секретари обкома не бежали позорно из города, а руководили бы эвакуацией.»

Пономаренко как мог, пытался избежать ответственности и признания неприятных фактов. В докладной записке ЦК ВКП (б) и Совнаркому СССР «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 7 августа 1941 г. он пишет: «Все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью. Крупные предприятия эвакуировались комплектно: оборудование, материалы, рабочая сила». И далее идёт некоторый

перечень отдельных заводов и фабрик восточных областей республики. Полностью обойти молчанием судьбу минских предприятий он всё же не смог и вынужден был признать, что минские заводы и фабрики не эвакуированы по ряду объективных причин.

9 января 1942 г. в газете «Правда» появилась статья Пономаренко, где он в своей обычной манере рисует совсем другую картину. В частности: «Рабочий класс Белоруссии осуществил гигантскую эвакуацию промышленности. Решено было ничего не оставлять врагу. Сотни фабрик и заводов эвакуированы вглубь страны... Рабочий класс Белоруссии проявил огромную выдержку, героизм и понимание государственного долга. Врагу остались безлюдные, покинутые жителями города». Как будто предприятия Минска и западных областей не остались врагу, а количество эвакуированных предприятий за 5 месяцев увеличилось с 83-х до «сотни фабрик и заводов».

В ноябре 1959 г., когда Пономаренко был на дипломатической работе, 37 выживших участниц подпольных организаций писали в ЦК КПСС: «Номер этой «Правды» со статьёй Пономаренко попал в Минск и вызвал сильное негодование многочисленных жителей. На голову Пономаренко сыпались тысячи проклятий за то, что он обманывает партию и правительство и клеветает на честных людей, называя их предателями и что «нас и наших детей он покинул на съедение фашистам». Зато сам Пономаренко удрал первым из Минска, захватив в свои машины даже ковры, фикусы и другое, не столь уж важное, добро...»

Далее указывается: «Большинство населения Минска не успело эвакуироваться... Коммунистам не было дано указания об уходе из города. Не была создана подпольная организация для проведения нелегальной работы в Минске. Героическую борьбу минчан против фашистов возглавили коммунисты».

Нельзя назвать честным и ответственным заявление Пономаренко, что евреи вместо борьбы с фашистами предпочли бегство.

На территории Белоруссии сражалось не менее 14 тыс. евреев, в том числе в партизанских отрядах более 12 тысяч и 1500 евреев входили в состав разведывательно-диверсионных групп. («Спасённая жизнь», Минск, Издательство «Лимариус», 2010, стр. 14).

В Белоруссии, как и во всём Советском Союзе, замалчивалось участие евреев в подпольной и партизанской борьбе в годы войны. Это способствовало созданию ошибочного представления о том, что евреи не сопротивлялись и не участвовали в борьбе против оккупантов, в то время как фашисты уничтожали еврейский народ.

Это было не так. Даже в страшных условиях гетто и концлагерей существовало еврейское сопротивление. Многие гетто Западной Белоруссии были уничтожены ещё до того, как в них могло быть организовано сопротивление. Между тем в 80 различных по форме существования гетто были подпольные антифашистские организации, которые собирали оружие, медикаменты для партизанских отрядов, направляли туда людей, организовывали сопротивление оккупантам и т. д.

Так в гетто Новогрудка, Ляхович, Клецка, Несвижа, Мира, Лахва, Глубокого, Кобрин и других накануне массовых расстрелов вспыхивали восстания, вооружённые сопротивления и побег. Например, участники движения сопротивления г. Клецка Минской области заранее узнали о планах оккупантов по ликвидации гетто и начали подготовку к восстанию. У подпольщиков на вооружении был пулемёт, 2 винтовки, 8 пистолетов и 10 гранат. Когда 21 июля 1942 года нацисты и полицейские вошли в гетто, восставшие встретили их огнём из имеющегося оружия и заранее запасёнными камнями. Оставив убитыми трёх немцев и четырёх полицейских, оккупанты отступили и стали обстреливать гетто с соседних улиц. Сотни узников погибли сразу. Нескольким десяткам человек удалось прорваться сквозь заграждения и уйти в лес. Остальные узники были уничтожены.

Историки отмечают тот факт, что нигде в Европе не было такого массового участия евреев в вооружённом сопротивлении,

партизанском движении и подполье, как на территории Белоруссии.

Вот некоторые дополнительные факты, которые замалчивались средствами массовой информации и пропагандой.

Мой одноклассник, Рувим Старобин, партизан отряда «Борьба», участвовал в партизанском параде (митинге) в Минске 16 июля 1944 года и слышал речь председателя Совнаркома БССР, первого секретаря ЦК КП (б) Б Пономаренко П. К. В речи он говорил об участии в партизанском движении русских, белорусов, украинцев, литовцев, латышей, татар и других. Только евреи не были упомянуты.

Через сорок лет картина осталась прежней. В 1985 году в Минске было издано исследование «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков...» В разделе «Дружба советских народов» есть такие строки: «Партизанское движение в нашей республике... носило всенародный, интернациональный характер. В дружной братской семье партизан наряду с белорусами (71,1%) мужественно сражались с врагом русские и украинцы, грузины и армяне, казахи и узбеки, башкиры и удмурты, литовцы и латыши, представители более чем 70 наций и народностей страны. В историю партизанского движения в Белоруссии навсегда вошли такие видные руководители всенародной борьбы, как сыны...» и дальше идёт перечисление по одной или две фамилии партизан вышеназванных национальностей и ещё по одной фамилии эстонца, осетина и марийца.

Любой объективный историк, да и не только историк, не мог не заметить, что в этом списке не хватает имён евреев, например командиров партизанских бригад Н. М. Никитина (Штейнберг) и И. Л. Фогеля (Птицин) и др..

Вообще нет упоминания о евреях и еврейских партизанских отрядах и в справочном издании «Партизанские формирования Белоруссии в годы войны (июнь 1941 г. – июль 1944 г.)», изданном в Минске в 1983 году институтом Истории партии. Участие евреев в партизанском движении было скрыто под графой «другие национальности». Например, в бригаде «За Советскую Бело-

руссию» Барановичской области из 962 партизан числилось: белорусов – 495, русских – 237, украинцев – 30 и других национальностей – 200 человек. 30 украинцев были перечислены, а 127 евреев, воевавших в этой бригаде и из которых 30 человек погибло, оказались «зашифрованными» («Встали мы плечом к плечу», Минск, 2005, стр. 5). И таких примеров очень много.

Понятно, что такая беспардонная и беззащитная политика замалчивания была рассчитана на определённый круг населения. Ведь любой образованный человек мог легко определить, что из 370 тысяч партизан в Белоруссии 264 тыс. (71,2%) было белорусов, 71 тыс. (19,2%) – русских, 14 тыс. (3,9%) – украинцев и 21 тыс. (5,7%) – других национальностей. Если в числе «других национальностей» было 12 тыс. евреев, то на остальные 67 наций остаётся только 9 тысяч, т.е. в среднем по 134 человека.

В то же время следует отметить, что еврейское участие в партизанской борьбе ограничивалось антисемитизмом и дискриминацией частью партизан и командиров.

Значительный вклад в ухудшение отношения к евреям внёс Начальник Центрального Штаба партизанского движения (ЦШПД), Первый секретарь ЦК КП (б) Б Пономаренко П. К. В ноябре 1942 года он направил в партизанские отряды директиву, которая требовала повышение бдительности по отношению к «организациям Минска», поскольку в них могли быть предатели. Подробнее опишу ниже.

Естественно, что некоторые отряды в лучшем случае отказывались принимать узников гетто, направленных подпольным горкомом партии Минска и подпольным комитетом Минского гетто, что в большинстве случаев было равнозначно смерти. И хуже того, часто партизаны сами пускали узников «в расход». Следует учесть, что подпольная организация Минского гетто, с помощью городских подпольщиков, организовала выход в партизанские отряды большое количество узников, из которых впоследствии были созданы и пополнены девять отрядов.

Кандидаты исторических наук И. Герасимова и В. Селеменев в своей книге «Встали мы плечом к плечу... Евреи в партизан-

ском движении Белоруссии 1941–1944 гг.» (Минск, Асобны Дах. 2005, стр. 153–157) приводят содержание подлинных документов, находящихся в Национальном архиве Республики Беларусь. Вот некоторые из них.

Из докладной записки командира отряда им. Кутузова тов. Колитвинцева: «В апреле 1942 года, по договорённости с шофёром, через подпольный комитет группа из 13-ти человек, во главе с Лапидусом Израилем Ароновичем, выехала из Минска. Захватив с собой несколько, пистолетов и гранат... разгрузилась и пошла в Колодинский лес. К 25 апреля 1942 года состав отряда доходил до 40–45 человек. Рост шёл исключительно за счёт евреев из гетто. К маю 1942 года он насчитывал в своих рядах до 90 человек. Лучшими боевыми партизанами, законно заслуживающими любовь в отряде, являются: Халявский Абрам Борисович, на своём счету имеет 26 боевых операций... Агинский Ефим Самуилович на своём счету имеет 34 боевых операции... Шнейдер, Ефим Семёнович – на своём счету имеет 22 боевых операции, из них 11 взрывов вражеских эшелонов и две диверсии по подрыву вражеских автомашин...».

Из докладной записки секретаря Ивенецкого райкома КП(б)Б Сидорок начальнику Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) Калинину от 3.01.1944 г.: «В течение лета из Минского гетто выведено 556 – детей, женщин, стариков – и организованы в еврейский семейный отряд. Командир отряда – Зорин Семён Натанович, комиссар – Фейгельман Хаим Израилевич, начальник штаба – Вертгейм Анатолий И.»

Из докладной записки Уполномоченному ЦК КП(б)Б и представителю Генштаба РККА тов. Платову от 10.11.1942 г.: «Евреев много в партизанских отрядах. Из них немало прекрасных бойцов стремящихся отомстить за зверские убийства евреев. Если еврей заходит в хату и просит продовольствия, крестьянин говорит, что евреи его ограбили. Когда же вместе с евреем приходит русский, всё обходится благополучно... Орлянский отряд «Борьба» Ленинской бригады имеет 80% евреев... есть отряды, где евреев не берут».

Из докладной записки Карпова В. Б., заместителя командира разведывательно-связистской группы Минского обкома КП(б)Б секретарю Вилейского обкома т. Климов от 27.11.1942 г.: «Еврейское население, терроризированное и безоружное, ютится по лесам... Партизанские отряды им не помогают, еврейскую молодёжь принимают к себе неохотно. Были факты, когда партизаны из отряда Н. Н. Богатырева, отняв у пришедших оружие, отправляли их назад, т. к. антисемитизм в партизанской среде развит довольно сильно. Положительное начинание в деле помощи еврейскому населению сделал комиссар отряда «Мститель» Тимчук, который организовал в Малининском лесу кожевню, в которой работают евреи, бежавшие из гетто...».

Из докладной записки заместителя начальника ОО по Барановической области тов. Зухба от 20.03.1944 г.: «В штабе бригады имени Чапаева существует невыносимо тяжёлая атмосфера антисемитизма, которая в последнее время сильно обострилась... Адьютант комиссара бригады Шилов постоянно заявляет, что все евреи трусы, предатели и пришли в партизаны только из-за спасения своей жизни... Он заявляет, что все евреи всегда должны помнить, что они неравноправны, стоят ниже других наций и на всё, чтобы о них не говорили, должны молчать и сгибать голову. Некоторые партизанские отряды принимают евреев, некоторые расстреливают или только прогоняют. Итак, у Грозного евреев порядочно, довольно их у Зотова. Зато ни Марков, ни Стрелков евреев не принимают». (НАРБ ф. 1399, оп. 1, д.13, л. 99).

Командир партизанской бригады им. Ворошилова, Герой Советского Союза Марков Ф. Г. в послевоенное время работал заместителем председателя Молодечненского облисполкома и по разным делам приезжал в Радошковичи. Ходили слухи, что он большой бабник и негативно относится к выдвижению женщин на руководящую партийную и советскую работу. Однажды зимой, кажется 1957 г., я был в командировке в п. Раков Радошковического района по банковским делам и рассматривал некоторые вопросы с секретарём поселкового совета. В это время,

после ознакомления с состоянием и ходом строительства ряда объектов, в комнату вошли Марков, 3-й секретарь райкома партии Иванова и председатель поселкового совета. Увидев на столе, свежую газету с портретами членов Президиума ЦК КПСС, среди которых была Фурцева Е. А., Марков то ли случайно, то ли нарочно громко произнёс: «не была бы она бабой, не была бы в этой компании». Всем находящимся в комнате стало неловко от его бестактности, тем более что сопровождающая его Иванова могла принять это на свой счёт. Он же, как ни в чём не бывало, пригласил её на ужин в ресторан и больше в поссовет не являлись.

Так уж получилось, что примерно в одно и то же время, когда партийный босс Белоруссии бежал из Минска и сочинял свою «Записку», из Белостока, в город Минск бежали (каждый сам по себе) два коммуниста-еврея: инженер Исай Казинец и писатель Гирш Смоляр, и из Уручья пропагандист Михаил Гебелев.

Инженер-нефтяник Исай Казинец родился в Херсонской области. В 1939 году он был направлен в Белосток главным инженером горконторы Главнефтебьита. В этой должности его застала война. После того, как он вместе с сослуживцами выполнил задание, взорвав нефтебазу, он начал пробираться в Минск. Вскоре установил связь с руководителями Белглавнефтебьит и начал с ними организацию подпольных групп.

Гирш Смоляр родился в Польше и в 1920 году, вместе с отступающей Красной Армией оказался в Советском Союзе. В 1928 году он окончил Коммунистический университет, который готовил агентов Комминтерна. Смоляр неоднократно переправлялся в Польшу. Работал в Вильнюсе секретарём городского отделения коммунистической молодёжи. Затем он был назначен секретарём компартии Западной Белоруссии. За подпольную деятельность он был заключён в тюрьму на три года. После заключения Смоляр был секретарём компартии в Белостоке. Он проявил себя талантливым организатором и публицистом.

Смоляр редактировал нелегальные журналы и газеты на идиш и польском языках.

В 1936 году он снова был арестован и приговорён к 6 годам заключения. В 1939 году, когда Красная Армия заняла Белосток, Смоляр был освобождён и начал работать секретарём местного отделения Союза советских писателей и редактором еврейской газеты, которая являлась печатным органом окружного комитета компартии Западной Белоруссии.

До начала войны Михаил Гебелев работал инструктором-пропагандистом Сталинского райкома КП(б)Б г. Минска. 24 июня 1941 года он поехал на армейский сборный пункт в Уручье. Там царила паника и неразбериха, и он вернулся в Минск. Гебелев хорошо знал город и имел много знакомых людей. Благодаря этому он сумел выйти на подполье. Очутившись в Минском гетто, он сразу включился в подпольную работу.

Поскольку фашистские захватчики стремительно наступали, большинство эвакуированных из западных районов республики попало в оккупированный город. В первые дни оккупации Минска каждый, кто хотел участвовать в сопротивлении, безуспешно искали партийных работников, оставленных для организации и руководства подпольем. Поэтому изначально подполье было создано по инициативе рядовых коммунистов. Уже потом, когда подполье начало работать, партийное руководство заявило о своей руководящей роли. Следует отметить, что инициатива рядовых коммунистов не прошла им даром в будущем.

37 выживших участниц минской подпольной организации наряду с другими вопросами деятельности, сообщали в ЦК КПСС: «...подпольная организация для проведения нелегальной работы в Минске не была создана. Но злодеяния оккупантов... вызвали ярость и всенародную борьбу... Героическую борьбу минчан против фашистов возглавили минские коммунисты».

И. Казинец (подпольные клички «Слава» и «Победит») занимался созданием в Минске сети партийных и комсомольских групп. В сентябре 1941 года подпольщики установили связь с типографией и раздобыли шрифт. После этого стали выпускаться

листовки и небольшая подпольная газета. Подпольщики нелегально прослушивали московские радиопередачи и распространяли сводки Совинформбюро, проникали в концлагеря и организовывали побеги заключённых. Была налажена связь с рядом партизанских отрядов и с их помощью отправлялась разведывательная информация в Центр. Пополняли отряды бойцами, оказывали помощь в снабжении оружием, боеприпасами и медикаментами.

При личном участии Казинца было совершено много диверсионных операций против немецких оккупантов.

В декабре 1941 года на конспиративном совещании была создана общегородская подпольная организация, секретарём которой избрали Исаю Пинхусовича Казинца. Уполномоченным подпольного горкома по гетто был избран Михаил Лейбович Гебелев.

Казинец не был ни партийным функционером, ни уроженцем Белоруссии, но, несмотря на эти факты и то, что он был еврей, его назначили секретарём минского горкома партии.

В марте 1942 года гестапо провело серию облав и арестовало большое количество подпольщиков. Один из арестованных выдал Казинца. Отстреливаясь во время ареста, он ранил несколько гестаповцев. Взяли его только после того, как он, будучи раненым, потерял сознание. Казинца долго пытали, но он никого и ничего не выдал. 7 мая 1942 года он был повешен в городском сквере вместе с другими 28 участниками подполья. Казинцу тогда было только 32 года.

В 1959 году писатель и журналист И. Новиков опубликовал в «Правде» статью «Бесстрашные», в 1962 году вышла его книга «Руины стреляют в упор», в которой подробно рассказано о подпольной деятельности Исаи, опубликованы его фотографии и документы, подтверждающие факты его деятельности в оккупированном Минске. Следует отметить, что во всех публикациях о Казинце не указывалась его национальность.

О деятельности минского подполья и И. Казинца 8 мая 1942 года начальник полиции безопасности и СД оберштурмбанфю-

пер СС Эдуард Штраух доносил следующее: «...в Минске находится большое количество офицеров Красной армии... В августе–сентябре 1941 года... пытался организовать и прочно объединить эти круги... Исай Казинец, который жил под вымышленной фамилией Мустафа Деликурды-оглы и имел все документы на это имя... В декабре 1941 года... Казинца и его людей охватил новый подъём, к работе были привлечены и завербованы другие лица, возникла организация нелегальной коммунистической партии и партизанского движения. Руководство партии состояло из комитета в количестве 8 человек, каждый из которых имел определённый участок работы. Казинец был председателем комитета... они занимались вербовкой партизан и переброской их в партизанские отряды.... Пропагандистский и разведывательный материал поставлял Казинец».

Только через 23 года, в 1965 году, после реабилитации минского подполья, И. Казинцу было посмертно присвоено Героя Советского Союза «За организацию подпольной деятельности против захватчиков и проявленным при этом героизме и отваге».

19 июля 1941 года приказом полевого коменданта всем евреям Минска было предписано переселиться в еврейский район, гетто, которому было отведено 36 улиц и переулков: ул. Островского, Опанского, Колхозная, Немига, Обувная, Юбилейная площадь и др. Гетто было огорожено колючей проволокой с двумя проходами, которые охранялись немцами и полицейскими. Уже к октябрю 1941 года в Минском гетто было сосредоточено более 100 тысяч евреев. Оно было второе по величине после Львовского гетто. В период 1941–1942 годов в Минск было депортировано 27 транспортов с 26 тысячами евреев из Германии и Чехии.

Жизнь в гетто была обложена множеством запретов, за нарушение любого из которых полагалось наказание вплоть до расстрела. В частности, запрещалось без разрешения покидать территорию гетто, появляться без опознавательных знаков, знакомиться, разговаривать и обменивать вещи на продукты пита-

ния с не евреями, приносить зимой топливо для обогрева и т. п. Принудительно работающие получали в день 200 граммов хлеба и тарелку «баланды». Чтобы не умереть с голоду люди, вопреки запрету, с риском для жизни обменивали вещи на продукты через заградительную проволоку. Жителей гетто безнаказанно избивали и убивали, насиловали женщин.

В Минском гетто было более десяти ночных и дневных погромов и много облав. Например, 7–8 ноября 1941 года было уничтожено 18 тысяч евреев, 20 ноября – 15 тысяч, 28–31 июля 1942 года – более 30 тысяч. К концу 1942 года число уничтоженных евреев достигло 90 тысяч человек. Летом 1942 года немцы начали применять «душегубки» как средство истребления населения гетто. Многие дети были схвачены на улицах и убиты таким способом.

Вот что писал унтерштурмфюрер Беккер в отчёте от 16.05.1942 года по поводу работы газовых машин: «...Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее, шофёр нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано». (Нюрнбергский процесс, Т. 5. М., 1991, стр. 646–648).

Несмотря на жесточайший террор и проведение политики поголовного уничтожения, узники гетто с первых дней его создания и вплоть до полной ликвидации 21 октября 1943 года мужественно вели неравную и героическую борьбу.

Гирш Давидович Смоляр (псевдоним «Скромный»), будучи опытным конспиратором, с первых дней пребывания в гетто вместе с группой патриотов начал работу по созданию подпольной организации. Её задача заключалась в поддержке морального духа узников, оказании помощи в выходе из гетто, спасении детей и т. д. В гетто действовало более 300 подпольщиков объединённых в 22 группы. Они занимались освобождением узников и доставку их к партизанам, связями с другими районами города, с юденратом, сбором одежды, медикаментов, оружия, боеприпасов и др.

Был создан подпольный комитет в состав, которого в разное время входили Г. Смоляр, М. Гебелев, М. Пруслин, Я. Кипрашты, Н. Вайнгауз, С. Каждан, А. Налибоцкий, Г. Рубин и др.

Весной 1942 года состоялось совещание подпольщиков города. Было оформлено 5 подпольных райкомов партии, в том числе Тельманский (район гетто). Секретарём был утверждён М. Гебелев. В состав комитета вошли Г. Смоляр, Г. Рубин, А. Налибоцкий и С. Каждан.

Подпольщики гетто совершали диверсии и саботаж на работающих на оккупантов предприятиях, выводили людей в партизанские отряды, собирали оружие и медикаменты для партизан, распространяли пропагандистскую литературу и т. д.

И. Казинец осуществлял связь с борцами сопротивления Минского гетто, используя опыт конспиративной работы Г. Смоляра. Следует отметить, что при всех сложностях, подпольная организация в гетто работала в контакте с городской подпольной организацией. Были случаи, когда городские подпольщики, спасаясь от СД, скрывались в «малинах» гетто с еврейскими паспортами.

Когда городскому подполью стало известно, что немцы напали на след Г. Смоляра, то было принято решение переправить его к партизанам. В начале его скрывали в квартире подпольщиков на «русской» части Минска. Хозяева, рискуя жизнью, делали всё возможное для спасения Смоляра.

Подпольщики сумели привлечь к своей работе назначенное немцами руководство гетто – юденрат. Немцы обнаружили и после жестоких пыток расстреляли два состава юденрата.

По оценкам историков подпольщикам гетто удалось спасти около 10 тысяч узников.

Михаил Гебелев (синоним «Бесстрашный Герман») родился в Минской области. Он занимался многими вопросами подпольной работы. В частности, он был связующим между подпольем гетто и «русским» районом Минска. Через него и Смоляра осуществлялась связь с минским нелегальным горкомом партии. Гебелев занимался отбором и отправкой боеспособных уз-

ников гетто в партизанские отряды, добывал для них фальшивые документы через городских подпольщиков. Он наладил систему спасения еврейских детей через работника городской управы, ответственного за деятельность русских детских домов. Детей из гетто, якобы подкинутых и беспризорных, приводили в городскую управу, где их распределяли по детским домам.

В июле 1942 года М. Гебелев был схвачен и заключён в тюрьму. Подпольщики готовили его побег, но неожиданно Гебелев был переведен в здание гестапо, в застенках которого он погиб в августе 1942 года.

Только через 20 лет после победы герои минского подполья были награждены орденами и медалями и среди них Михаил Гебелев – орденом Отечественной войны.

Однако ещё много лет советская пресса хранила молчание о подпольной организации минского гетто.

В составе минского подполья действовало пять подпольных райкомов. Именами секретарей четырёх из них названы улицы Минска. Только имя Гебелева, несмотря на неоднократные ходатайства, не было увековечено. С чего бы это? Справедливость восторжествовала только лишь к столетию со дня его рождения. 15 октября 2005 года Мебельный переулок г. Минска был переименован в улицу Гебелева.

И ещё об одной, долгое время неизвестной, минской подпольщице, Маше Брускиной.

Она закончила в 1941 году минскую среднюю школу № 28. После оккупации Минска Маша устроилась работать в госпиталь-лагерь для военнопленных. Там она начала сотрудничать с подпольной группой возглавляемой Кириллом Ивановичем Трусом и Ольгой Фёдоровной Щербацевич. По их заданию Брускина, через знакомых, добывала и приносила в госпиталь для пленных медикаменты, перевязочные материалы, штатскую одежду, документы и сводки Совинформбюро.

В октябре 1941 года был организован побег из госпиталя группы военнопленных командиров Красной Армии. Однако они были схвачены фашистами. Некоторые из них были

расстреляны на месте, остальные были доставлены в полицию безопасности г. Минска. Один из беглецов, Борис Рудзянко, выдал имена руководителей подполья и известных ему подпольщиков, в том числе и Машу Брускину. (Рудзянко был расстрелян 16 мая 1951 года за измену Родине).

14 октября 1941 года они были арестованы. 26 октября того же года М. Брускина, К. Трус и В. Щербацевич были повешены на арке ворот дрожжевого завода на улице Ворошилова (ныне Октябрьская). Ольга Щербацевич была казнена в этот же день в другой части города.

Это была первая публично-показательная казнь на оккупированной части СССР. Она была полностью запечатлена карателями на фотоплёнке.

Мужчину, подростка и девушку с фанерным щитом с надписью «Мы партизаны, стрелявшие по германским войскам» на груди провели под охраной литовских полицейских от тюрьмы на улице Володарского до места казни.

Эти фотографии вошли во многие книги о войне. Они фигурировали на Нюрнбергском процессе в качестве обвинительных документов против нацистских преступников.

В Советском Союзе фотографии казни были впервые опубликованы в апреле 1944 года в газете «Комсомольская правда», а затем в разных изданиях по всему миру. Их использовал М. Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм»

Согласно Википедии, личность К. И. Труса удалось установить быстро. Его опознала на фотографии жена. Володю Щербацевича опознали в середине 60-х годов, благодаря усилиям следопытов 30-ой минской средней школы. В. Морозов в очерке «Боец подпольного фронта» (книга «Пионеры-герои», издательство «Юнацтва», Минск 1985 г.) пишет, что В. Щербацевича опознали его учительница с 5-го по 7-ой класс Ядвига Леонардовна Полонская, Володина тётя – Евгения Фёдоровна Михневич и Зоя Павловна Маркевич, видевшая его в тюрьме.

Девушка, изображённая на фотографиях долго оставалась «неизвестной». На установленной у входа на дрожжевой завод

мемориальной доске с ликами казнённых выгравирована следующая надпись: «Здесь 26 октября 1941 года фашисты казнили советских патриотов К. И. Труса, В. И. Щербацевича и девушку (фамилия не установлена)».

Первые публикации о Маше Брускиной появились в серии статей В. Фрейдина и Л. Аркадьева «Они не стали на колени» в газете «Вечерний Минск» 21, 23 и 24 апреля 1968 года и московской газете «Труд» от 24 апреля 1968 года в статье «Бессмертие».

Были найдены и опрошены десятки людей, знавшие М. Брускину. Это были её друзья, одноклассники, родственники и соседи. Были собраны документальные свидетельства. «Неизвестную» на фотографии опознал её отец Б. Д. Брускин, её двоюродный дядя, Герой Социалистического труда, народный художник СССР, З. И. Азгур, директор школы, жена К. И. Труса, казнённого вместе с ней. Восемнадцать запротоколированных письменных свидетельств и несколько документальных доказательств были переданы на экспертизу зам. начальника научно-технического отдела Управления милиции г. Москвы, полковнику Ш. Г. Кунафину. В своём заключении он сделал вывод, что девушка на фотографиях казни действительно Маша Брускина, бывшая ученица 28-й школы города Минска.

Доктор исторических наук Э. Иоффе в своём документальном очерке «Неизвестная Маша Брускина» приводит хранящиеся в национальном архиве республики Беларусь показания ряда свидетелей:

«Я, Давидович, Софья Андреевна, член КПСС с 1929 года, свидетельствую и утверждаю, что девушка, изображённая на фотоснимке... это Маша Брускина. Я узнала её на фотографиях, хранящихся в музее истории Великой Отечественной войны. Знала её хорошо и в жизни, работая с её матерью с 1937 года до начала войны, часто видела её в оккупированном Минске вплоть до ареста. Кроме того, видела её на висельнице на следующий день после казни, 27 октября 1941 года...»

Жена К. Труса, Александра Владимировна, подтвердила: «Мне известно, что девушка часто бывала у нас на квартире, приносила шрифт, и какой-то сверток. Предполагаю, что одежду. Муж называл ее Марией. Муж инструктировал ее, где и как прятать оружие».

Ирида Ивановна Пронько, которая до войны была с Машей в одном кружке (драматическом) Дворца пионеров: «...я хорошо помню, что казненную девушку звали Машей Брускиной. Особенно она похожа на первой фотографии (троих ведут по улице) и четвертой, где она в кадре крупным планом на виселице в петле».

В национальном архиве Республики Беларусь хранятся официальные документы, связанные с «делом Маши Брускиной», из которых вытекает:

Документ 12. 30 мая 1968г. центральный комитет комсомола Белоруссии обратился (несомненно, не без предварительного согласия) в ЦК компартии БССР с письмом «об увековечивании памяти юных подпольщиков Владлена Щербацевича и Марии Брускиной», где просил представить Щербацевича и Брускину к правительственным наградам (посмертно) и поручить Минскому горисполкому установить мемориальные доски на средней школе №30 и №28, где учились юные герои.

Документ 13. В приложенном представлении о награждении, гл. редакторы газет «Труд» А. Субботин и «Вечерний Минск» Г. Лысов, в заключение пишут: «Жизнь, учёба, пионерская и комсомольская деятельность Марии Брускиной, суровое испытание, с честью выдержанные ею в грозном 1941 году, являются ярким примером для молодёжи и достойны, быть увековеченными. Считаем, что дочь белорусского народа Мария Борисовна Брускина заслуживает высокой правительственной награды».

Документ 14, 23 октября 1968 года: «Бюро горкома КП(б) Белоруссии постановляет:

1. Признать группу К. И. Труса и О. Ф. Щербацевич подпольной антифашистской организацией советских патриотов.

2. Признать участниками антифашистской группы советских патриотов:

Труса, Кирилла Ивановича,
Щербацевич, Ольгу Фёдоровну,
Щербацевич, Владлена Ивамовича,
Янушкевич, Надежду Фёдоровну,
Янушкевич, Петра Фёдоровича».

В констатирующей части постановления указывается, что 26 октября 1941 года были повешены фашистами на улицах и площадях Минска 12 патриотов, в том числе пять вышеупомянутых лиц и что «фамилии остальных пока не установлены». Таким образом, несмотря на имеющиеся доказательства, минский горком компартии не упомянул М. Брускину в числе участников подполья.

В связи с победой Израиля в Шестидневной войне 1967 года, СССР разорвал с ним дипломатические отношения. В Советском Союзе обострился так называемый «еврейский вопрос». В этих условиях признание еврейки М. Брускиной героем белорусского народа противоречило бы политике партии и правительства.

После 1968 года на все обращения с приложенными документальными доказательствами из всех ведомств шли стандартные отписки о том, что личность девушки не подтверждена. Принятое по идеологическим соображениям решение минского горкома компартии изменению не подлежало.

Такое же положение оставалось и в 1991 году, после того, как коммунистическая партия была отстранена от власти.

Я хорошо помню ежегодные встречи белорусского землячества в лесу Бен-Шемен под Иерусалимом. На них неоднократно выступала журналистка Лина Турсуман с рассказом о подвиге «неизвестной» еврейской девушки Маши Брускиной, казнённой в Минске в октябре 1941 года и которую, вопреки документальным доказательствам, белорусские власти отказываются признать. На одной из таких встреч присутствовал посол Беларуси, в Израиле бывший генерал и председатель КГБ Белоруссии Ген-

надий Лавицкий, который, несомненно, знал, что неизвестная девушка на фотографии это Мария Брускина. Он посоветовал обратиться к президенту республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

В июне 2000 года председатель общества по увековечиванию памяти М. Брускиной Лев Овсицер, бывший минчанин, полковник Советской Армии, почётный полковник израильской армии и долгое время возглавлявший союз ветеранов Второй Мировой войны, направил открытое письмо Лукашенко. В письме содержалась просьба «официально признать и объявить, наконец, действительное имя героини».

Были получены ответы из трёх республиканских организаций, которые белорусский музей Истории Великой Отечественной войны в письме № 430 от 11 марта 2000 года, как и прежде, свёл к следующему: «...утверждения о том, что девушка казнённая 26 октября 1941 года в районе дрожжевого завода, является участницей минского антифашистского подполья Брусиной М. Б. в настоящее время не находит убедительного подтверждения» (газета «Новости недели», 3 мая 2001 года).

На мой взгляд ответ не отвечает на поставленный вопрос.

Прошло 7 лет и минский горисполком 29 февраля 2008 года решил в целях увековечивания памяти участницы антифашистского подполья М. Б. Брускиной внести изменения в текст мемориальной доски, установленной на доме номер 14 по улице Октябрьской и изложить его в следующей редакции: «Здесь 26 октября 1941 года фашисты казнили советских патриотов К. И. Труса, В. И. Щербацевича и М. Б. Брускину».

Таким образом, более полувека потребовалось, чтобы справедливость восторжествовала.

Глава 20

Как уже говорилось, в Белоруссии более 12 тысяч евреев-партизан сражались с фашистскими оккупантами с первого года войны. Кроме того, уже в 1941 году, из заброшенных на оккупи-

рованную территорию Белоруссии 293 специальных групп, евреи были в составе 87-ми и возглавляли 15-ть.

Многие исследователи (И. Герасимова, В. Селеменев и др.) утверждают, что евреев-партизан было намного больше, поскольку в списки партизанских отрядов не включались фамилии бойцов, охранявших семейные лагеря с мирным населением. Также, по известным причинам, многие меняли национальность при вступлении в партизанский отряд. В книге вышеуказанных авторов «Встали мы плечом к плечу» приводятся данные Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) о соединении с Красной Армией 194,2 тысячи партизан 2,8% из которых были евреи. Согласно поимённым спискам, приведенным в книге – 3,8%.

В лесах Белоруссии действовали отдельные еврейские партизанские отряды. Особое место среди них занимали так называемые семейные лагеря, в которых находили убежище сбежавшие из Гетто старики, женщины и дети. Главной задачей отрядов было спасение и защита мирного населения и месть оккупантам за погубленные жизни.

Наиболее известные из них. сформированные из узников гетто г.г. Новогрудок, Лида и др. отряд им. Калинина под командованием Тувьи Бельский и отряд № 106 под командованием Шолома (Семёна) Зорина, в котором в основном находились узники Минского гетто.

Весной 1942 года Тувья сбежал вместе со своими братьями из Новогрудского гетто. Они создали партизанский отряд из 17-ти человек. К августу 1942 года отряд вырос до 250 человек. В 1944, при соединении с Красной Армией, он насчитывал 1230 человек, в том числе 350 вооружённых бойцов.

Отряд размещался в Налибокской пуще в хорошо замаскированных землянках. В отряде оказались квалифицированные оружейники, портные, сапожники и другие ремесленники. В пуще расположился госпиталь, имелась прачечная. Оказывались услуги другим партизанским отрядам в обмен на боеприпасы, еду и медикаменты.

Партизаны Т. Бельского не только обеспечивали безопасность незащищённых женщин, детей и стариков, но и мужественно сражались с врагом.

В книге И. Герасимовой «Встали мы плечом к плечу» приводится хранящийся в настоящее время в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) отчёт о деятельности партизанского отряда им. Калинина. В нём сказано, что за период его существования около 1000 человек советских граждан было спасено от уничтожения и угона в немецкое рабство. Бойцы отряда спустили под откос 6 вражеских эшелонов, взорвали 1 железнодорожный и 11 шоссежных мостов. Они уничтожили 9 км телеграфно-телефонной связи, взорвали 800 метров железнодорожного полотна, убили 261 немецких солдат и офицеров, полицейских и власовцев.

Отряд № 106 Шолома Зорина был создан в июне 1943 года в 30 км от Минска. Оттуда он был перебазирован в Налибокскую пуцу. Туда направлялись бежавшие узники Минского гетто.

К моменту соединения отряда с частями Красной Армии специальная боевая рота насчитывала 137 партизан. В семейном лагере был 421 человек, в том числе около 150 детей сирот. В отряде к ним проявлялась специальная забота. Было организовано обучение в школе из пяти классов. Также в отряде был развёрнут госпиталь, в котором медики-партизаны оказывали помощь раненым, в том числе и из других отрядов.

В ходе блокады Налибокской пуцы в июле–августе 1943 года отряд понёс большие потери, но командованию удалось спасти большинство людей. За этот период было проведено 17 боёв против карателей. В результате партизанам удалось прорвать блокаду.

В июне 1944 года отряд совершил 24 диверсии. Были пущены под откос несколько немецких эшелонов, подорваны три шоссежных моста и 14 вражеских автомашин.

В отчёте о боевой деятельности отряда N106 говорится: «Начиная с 5 июля 1944 года, отряд всё время держал бой с разби-

тыми группами немцев, которые прорывались через Налибокскую пушчу».

6 июня 1944, когда Минск уже был освобождён, отряд вступил в тяжёлый бой. Несмотря на потери партизан, схватка завершилась победой партизан. В этом бою был тяжело ранен командир отряда С. Зорин. Разрывная пуля раздробила ему коленный сустав. Подоспевшие советские танкисты переправили его в Минск, где врачи вынуждены были ампутировать раненую ногу.

В 1942–1943 гг. на белорусской земле сражались также еврейские партизанские отряды: «Октябрь» под командованием А. Горелика, «имени Кутузова» – командир М. Лапидус, «имени Жукова» – командир Лев Гильчик, а также отряды под командованием Григория Каплинского, Нехиля Атласа, Шломо Зандвайера, Шломо Холавского и др., всего 14 отрядов.

Уход в лес и присоединение к партизанам оставались для большинства евреев на оккупированных территориях единственной возможностью спасения. Многие погибали в пути. Те, кто сумел добраться до партизан, сражались самоотверженно в рядах народных мстителей, сводя счёты с нацистами и их пособниками.

В книге И. Герасимовой приведен поимённый список 92-х евреев, командиров, комиссаров, начальников штабов партизанских формирований в Белоруссии.

Командирами бригад были Бейнес Штейнгард (псевдоним Николай Никитин), Иосиф Фогель (И. Птицин), начальники штабов бригад Г. Герцевич и М. Загер, командиры партизанских отрядов Иегуда Соломонович (Куцин), Коган (Куприянов), Исаак Зейфман (Гринюк), Аркадий Лехтман (Волков), И. Лапидус, Я. Червяков, П. Гренадёр, С. Свердлов и многие другие.

Аркадий Лехтман в первые дни войны вступил в бой с фашистами в районе г. Лида.

В результате жестокого боя с танковым соединением противника от полка, в котором Лехтман служил пулемётчиком, в живых осталось только 7 бойцов. Они попали в плен, но через

несколько дней сумели из него вырваться. По пути они уничтожили немецкий патруль и вооружились их автоматами. После долгих скитаний в поисках партизан Лехтман встретился с партизанами отряда «Красный Октябрь». Командир отряда Фёдор Павловский был одним из первых партизан, которому уже 6 августа 1941 года было присвоено звание Герой Советского Союза.

Аркадий Лехтман сменил фамилию в плену на Волков для того, чтобы скрыть своё еврейство. Павловский выделил Аркадию Волкову 26 бойцов, большинство из которых были евреи, бежавшие из гетто.

Отряд разрастался за счёт местной молодёжи, продолжая проводить боевые операции. В апреле 1942 года был уничтожен немецко-полицейский гарнизон в посёлке Житковичи. Вскоре после этого – гарнизон в местечке Рудобелы. На боевом счету отряда числятся пущенные под откос военные эшелоны, подорванные железнодорожные рельсы, сотни убитых и раненных гитлеровцев. В боевой характеристике А. Лехтмана (Волкова) командир Полесского партизанского соединения И. Д. Ветров писал: «Как командир отряда он всегда был впереди, во всех проводимых операциях принимал личное участие и руководил этими операциями».

Одним из самых эффективных отрядов командовал Анатолий (Тевель) Финкельштейн (Миронович). На боевом счету отряда имени Ворошилова 7 уничтоженных гарнизонов, 12 подорванных воинских эшелонов, сотни истреблённых гитлеровцев. За умелое руководство и личную храбрость Финкельштейн неоднократно представлялся к званию Герой Советского Союза, но его не получил. Впрочем, после окончания войны героем он стал, но Героем Социалистического Труда.

У Анатолия Финкельштейна в партизанском отряде был друг, Евгений Миронович. Они поклялись друг другу в том, что если кто-либо из них погибнет, то оставшийся в живых возьмёт его фамилию. После гибели друга Анатолий выполнил свою клятву и изменил своё имя и фамилию на Евгений Миронович.

Евгений Миронович (Анатолий Финкельштейн), заслуженный агроном БССР (1967), с 1961 и до конца жизни (1980) был директором совхоза «Любань» Вилейского района Минской области. Под его руководством совхоз вырос в крупное межотраслевое хозяйство с высокой культурой земледелия и животноводства. Он также обращал внимание на организацию в совхозе высокодоходных подсобных производств. Я однажды встретился с ним в Вилейском отделении Госбанка по поводу выдачи банковских ссуд на организацию производства брынзы, кумыса, обработки шкур и пошива дублёнок, пользовавшихся повышенным покупательским спросом.

Он был человеком авторитетным, но не кичился своими званиями и наградами. Миронович был дотошным человеком. Его любимое выражение: «Давайте считать». С нашими отдельными замечаниями по расчётам окупаемости затрат он в конечном итоге согласился и распрощался на идиш: «Зайт гезунт» (будьте здоровы).

Как уже было сказано, кроме партизанских отрядов на оккупированной территории Белоруссии действовали разведочно-диверсионные группы (РДГ) Главного Управления Генерального Штаба Красной Армии и НКВД. Среди командиров этих групп было немало евреев: Г. Берчик, Б. Рабинович, И. Бейлин и другие.

Например, РДГ капитана Давидова (Литвинского) действовала на территории Белостокской и Барановичской областей. Первоначально она состояла из 6 человек. Затем она переросла в отдельный партизанский отряд «Новаторы» численностью в 129 человек, из которых 48, включая командира, составляли евреи.

Особо известен отряд капитана Давида Ильича Кеймаха (псевдоним «Дима»), организовавший громкую и дерзкую операцию по ликвидации главного комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе, виновного в уничтожении огромного числа мирного населения. Многие отряды вели охоту на него, однако все покушения были неудачными. В марте 1942 года Д. Кеймах во вто-

рой раз был заброшен в состав РДГ в тыл врага. Его группа превратилась в особый отряд, в который влилось много беглецов из Минского гетто.

Действовал отряд в основном в Минской области. На его счету немало пущенных под откос военных эшелонов с живой силой и техникой, взорванных мостов, уничтоженных линий связи и фашистских солдат. Кеймах лично участвовал во многих операциях, проявляя мужество и отвагу.

Партизаны отряда установили связь с минской подпольной группой Марии Осиповой. Через неё в отряд передавались разведывательные данные и другая информация, которая затем посылалась по радию в Москву. Осипова периодически навещала отряд Кеймаха для получения заданий и рекомендаций по их выполнению. На одной из таких встреч Мария получила задание изучить возможность уничтожения В. Кубе. На основе полученных сведений о системе охраны и другой информации Д. Кеймах и его заместитель по разведывательной работе Николай Фёдоров тщательно разработали все стадии проведения операции, начиная от исполнения и до отхода участников в отряд.

Мина замедленного действия была доставлена самолётом из Москвы. Осипову обучили, как с ней обращаться. Она же доставила мину в Минск и проинструктировала непосредственную исполнительницу Елену Мазаник, которая работала горничной в особняке гауляйтера на улице Энгельса. Мина была подложена под матрац кровати в спальне В. Кубе, где и взорвалась в ночь на 22 сентября 1943 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября организаторы и исполнители операции были награждены, в том числе Мария Осипова и Елена Мазаник званием Героя Советского Союза, Н. Фёдоров – Орденом Ленина. Только Давид Ильич Кеймах, командир особого отряда и основной организатор операции, в этот Указ не попал.

Давид Кеймах погиб при перелёте через линию фронта. Самолёт, на котором группа партизанских командиров летела

на совещание в Москву, был сбит. Все ходатайства о присвоении Д. Кеймаху звания Героя Советского Союза посмертно оказались безрезультатными.

Юрий Колесников (Иойна Гольдштейн), еврей-командир партизанского отряда, дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, но получил звание Героя России лишь через полвека, 12 июля 1995, после выхода на пенсию.

В интернете приведены поимённые списки партизан и подпольщиков Советского Союза и Белоруссии, удостоенных звания Герой Советского Союза. Трудно не заметить, что в списках по Белоруссии нет ни одного еврея. Это объясняется тем, что многочисленные ходатайства проходили через Центральный штаб партизанского движения, которым руководил П. К. Пономаренко.

В то же время, по его ходатайству, звание Героя Советского Союза 1 января 1944 года было присвоено комбригу Б. Н. Лунину, которого в 1957 году лишили этого звания в связи с осуждением за необоснованный расстрел восьми советских разведчиков 13 января 1943 года.

Как видим, многие евреи, бежавшие из плена, гетто, концлагерей и вышедшие из окружения, вынуждены были менять национальность, имена и фамилии, для того чтобы избежать угрозы неминуемой гибели от рук некоторых антисемитски настроенных партизан и части местного населения.

Многие еврей-командиры меняли еврейские фамилии по требованию вышестоящего начальства в связи с тем, что они похожи на немецкие и режут слух партизанам.

Некоторые евреи подпольщики с «нееврейской» внешностью определённое время жили и проводили работу вне гетто по поддельным документам. Были и другие случаи, как например Финкельштейн на Миранович.

Хочу рассказать как мой двоюродный брат Мойше Шнитман стал Михаилом Макаровым. После окончания фабрично-заводского училища строителей в 1940 году он был направлен на строительство военного объекта в Башкирии, городе Стерли-

тамак. Во время войны он не подлежал призыву в армию, так как имел бронь как рабочий-специалист военного объекта. Когда Мойше узнал о зверствах фашистов по отношению к евреям и что, скорее всего, его семья погибла в гетто, он твёрдо решил пойти в армию и попасть на фронт. Но военкомат ему отказывал из-за брони. Тогда он решил пойти другим путём. Во время войны органы милиции и военных комендатур часто проводили облавы на городских базарах с целью задержания дезертиров и уклонистов, которых было немало. Мойше пошёл на базар и попал в очередную облаву. Его задержали как человека потерявшего документы во время эвакуации. Тогда он назвал себя Михаил Макаров, под этой фамилией его призвали в армию и после обучения отправили на фронт.

Незадолго до окончания войны, в Восточной Пруссии, он был тяжело ранен и ему ампутировали ногу. После войны Макаров вернулся из госпиталя в Радошковичи. Поскольку вся его семья погибла в гетто, он жил у вернувшихся из эвакуации моих родителей. Предприятие, которое он самовольно оставил, чтобы попасть на фронт, заявило его во всесоюзный розыск. Естественно, что под фамилией Шнитман его долго искали и найти не смогли. После войны розыск дошёл до Радошкович, где он родился, и где его знали как Шнитмана, несмотря на изменение фамилии. Милиция задержала его и посадила до суда в камеру предварительного заключения (КПЗ). В то время было очень много инвалидов войны, которые были сильно обижены на власти за невнимание к их нуждам. Пенсия была мизерная, и на неё было трудно прожить. Из-за инвалидности невозможно было устроиться на работу. Многим инвалидам приходилось попрошайничать. Задержание и суд над инвалидом, который добровольно ушёл на фронт и там потерял ногу, вызвало сильное возмущение. Многие инвалиды собирались около милиции и в зале суда громко высказывали своё возмущение, несмотря на предупреждения судьи о том, что их удалят из зала. То ли из-за этого или из-за того, что прокурор и судья понимали абсурдность обвинения в самовольном уходе с работы на фронт, в

конечном счете, Макаров был оправдан и освобождён из-под стражи в зале суда.

Как бы то ни было, но по отметкам многих историков, евреи, под своими или изменёнными фамилиями и именами, были у истоков антифашистского сопротивления и принимали в нём активное участие. Этот факт был признан оккупационными властями Белоруссии. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в национальном Архиве Республики Беларусь и других архивах.

Оккупационные власти вынуждены были признать активное участие евреев в антифашистском сопротивлении.

Доктор исторических наук, профессор Э. Иоффе в своей книге «Плечом к плечу с народами СССР» приводит выписку из хранящегося в НАРБ секретного доклада военного коменданта Белоруссии Фон Бехтольсхайма о положении в период с 1 по 10 сентября 1941 года: «Евреи, составляющие в городах большинство населения, являются инициаторами кое-где возникающего партизанского движения».

В письме генерального комиссара Белоруссии В. Кубе рейхскомиссару «Остланда» Г. Лозе от 31.07.42 г. сообщалось: «Во всех вооружённых столкновениях с партизанами в Белоруссии выяснилось, что еврейство... с красноармейцами на востоке являются главным вдохновителем партизанского движения».

В сообщении начальника полиции и безопасности СД о подпольной борьбе в Минске от 3.04.42 г. отмечается: «Наряду с партизанским отделом в Минске имеется ещё партия, которая осуществляет контроль. Арестован организатор партийного аппарата грузинский еврей Мустафа Деликурды-оглы...». Известно, что в начале войны И. П. Казинец жил по документам с таким именем.

Нельзя не отметить, что, несмотря на антисемитские настроения среди партизан, среди них было немало и таких, которые старались помочь евреям спастись и всячески поддерживали их стремление бороться с фашистами.

Широко известно имя Героя Советского Союза (1943 г.), Героя Социалистического Труда (1958 г.), командира партизанского отряда «Соколы» Кирилла Прокофьевича Орловского. В апреле–мае 1943 года на базе отряда «Соколы» он создал отряд имени Кирова, сформированный в основном из евреев, бежавших от расстрела. В интервью сотрудникам института истории партии он заявил: «Я пошёл на это, потому что все окружающие нас партизанские отряды... отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Я не жалел ни сил, ни времени для того, чтобы научить этих людей тактике партизанской борьбы с нашим общим врагом. И я должен сказать, что затраченная мною энергия не прошла даром. Бывшие мелкие торговцы, ремесленники за два с половиной месяца провели 15 боевых операций, желая мстить немецким извергам за пролитую кровь. Повседневно уничтожали телефонно-телеграфную связь, убивали гитлеровцев, полицейских и предателей».

Командир отряда имени Щорса П. В. Пронягин охотно принимал евреев, бежавших из Слонимского гетто поодиночке и небольшими группами. Из них была создана еврейская группа № 51. Пронягин отмечал: «Без всякого преувеличения, я восхищался мужеством, героизмом, отвагой этих юношей и девушек, которые ещё недавно находились за колючей проволокой гетто. Они бесстрашно шли в бой, желая не только мстить фашистам за жизни своих родных, но и освободить Белоруссию от нацистского врага».

Командир бригады «Народные мстители» Василий Трофимович Воронянский, который погиб вместе с Д. Кеймахом при перелёте через линию фронта, принимал в свою бригаду евреев без всяких ограничений.

В отряде «Победа», которым командовал политрук Николай Яковлевич Киселёв, 58% партизан составляли евреи, бежавшие из гетто мм. Долгиново, Илья, Княгино Вилейской области. Старики, женщины и дети, около 300 человек, сумевшие избежать уничтожения, находились под опекой партизан в семейных лагерях, расположенных вокруг бригады. Боевому отряду было

трудно опекать и снабжать продовольствием и медикаментами такое количество людей. В связи с этим партизаны запросили командование в Москве и получили приказ вывести евреев за линию фронта. Выполнение этого задания поручили Николаю Киселёву. С ним пошло 278 человек в сопровождении группы партизан. Поход был долгим и длинным. На их пути встречались добросердечные белорусские крестьяне, которые делились последним с голодными путниками, лечили больных, проводили мимо немецких и полицейских гарнизонов. Попадалось немало равнодушных и не желающих помочь людей. Несколько раз отряд наткнулся на немцев. В результате погибло 50 человек. Несмотря на все трудности, Киселёв вывел за линию фронта 218 человек. Однако он был арестован контрразведкой как дезертир. Только благодаря тому, что спасённые люди встали за него стеной, Киселёв был отпущен.

Несмотря на наличие свидетелей и соответствующих документов, более полувека практически не было известно об этой уникальной операции, совершённой Николаем Яковлевичем Киселёвым, мужественным и благородным человеком.

Как же был отмечен этот беспримерный подвиг? По сути дела никак.

В надежде узнать информацию о наградах Н. Киселёва, я зашёл через интернет на страницу «Подвиг народа» и в результате поиска получил ответ: «Записи не найдены».

Историк Нина Герасимова первой обнаружила в Белорусском национальном архиве отчёт Н. Киселёва об этом походе, адресованный в Центральный штаб партизанского движения 15 января 1943 года, а также приказ по Белорусскому штабу партизанского движения от 14 января 1943 года о награждении денежными премиями в размере от 400 до 800 рублей восьми партизан, в том числе и Киселева Н. Я. за вывод из немецкого тыла еврейских семей. Эти документы приведены в книге И. Герасимовой и В. Селеменова «Встали мы плечом к плечу».

Израильский институт Яд-ва-Шем присвоил Киселёву звание Праведник народов мира. Ежегодно, 5 июня, в день расстре-

ла узников Долгиновского гетто, выжившие и потомки погибших собираются в Тель-Авиве, чтобы почтить память своих родственников. На этих траурных собраниях всегда звучат слова искренней благодарности Николаю Яковлевичу Киселёву, праведнику, которому все они обязаны своими жизнями.

Бывший командир партизанского соединения Слуцкой зоны, генерал-майор Ф. Ф. Капуста вспоминал, что 1 мая 1942 года эсэсовцы начали наступление на отряды объединения. Наиболее ожесточённые бои пришлось вести двум отрядам, во главе которых были Гильчик и Дунаев. Несмотря на явно неравные силы, немцы понесли потери во много раз превышающие потери партизан. В тяжёлом бою погиб Н. Дунаев. Отряд Льва Гильчика проявил свои лучшие боевые качества и выполнил поставленную задачу не допустить врага вглубь леса.

Многие евреи в первые дни войны противоборствовали нацистам в составе создаваемых в районах истребительных отрядов, а после оккупации – в партизанских отрядах, образованных на их основе.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в своём обращении по случаю 65-ой годовщины уничтожения Минского гетто 21.10.2008 года заявил: «Узники минского гетто, как и других лагерей смерти, не склонили голову перед палачами. За ключей проволокой они создали боевые подпольные группы. Многие молодые смогли бежать из заключения и влиться в ряды партизан, где храбро и достойно сражались с врагом».

В связи со всем выше сказанным, вспомним заявление Пономаренко по отношению к евреям: «Вместо борьбы – бегство».

Глава 21

4 ноября 1942 года начальник ЦШПД П. Пономаренко спустил в партизанские отряды и бригады Белоруссии директиву № 215, в которой сообщил, что: «Немецкая разведка в Минске организовала подставной центр партизанского движения с це-

лью выявления партизанских отрядов, засылки в них от имени этого центра предателей, провокационных директив и ликвидации партизанских отрядов...» и «в целях предотвращения в отряды вражеской агентуры... с представителями каких бы то не было организаций из Минска в связи не вступать... тщательно проверять, внушающих сомнения задерживать».

Эта директива, по сути, объявила агентами гестапо всех подпольщиков города, в том числе и гетто, членов Военного Совета партизанского движения (ВСПД), тесно связанных с подпольным горкомом партии.

Это повлекло за собой гибель и репрессии по отношению к тысячам подпольщиков, узников гетто, командиров и политработников Красной Армии. О размахе подпольного движения сопротивления в Минске говорит тот факт, что в феврале-марте 1942 года нацисты арестовали 404 подпольщика, из которых 212 были расстреляны, остальных бросили в концлагерь.

7 мая 1942 года публично казнили 28 патриотов, в том числе секретаря и членов подпольного горкома И. П. Казинца, С. М. Зайцева и Г. М. Семёнова. В тот же день было расстреляно 211 человек.

Создаётся впечатление, что Москва об этом не была осведомлена. Там хорошо знали об активных действиях подполья в Минске. Об этом информировали сотрудники военной разведки и госбезопасности, заброшенные в тыл противника и установившие связи с подпольщиками и активно им помогавшим.

В оперативной сводке полиции безопасности и СД от 4 января 1942 года говорилось: «коммунистическая подрывная деятельность в Белоруссии возрастает... пытаются создать коммунистические ячейки... Некоторые такие ячейки были раскрыты на экономически важных предприятиях Минска... Коммунистическим активистам удалось проникнуть в белорусскую службу охраны порядка. В Минске уже арестованы 3 следователя...»

Пять дней спустя, 9 января 1942 года в газете «Правда» появилась статья Пономаренко. Где рисовалась совсем другая картина. Докладывая об осуществлении «гигантской эвакуации

промышленности», он пишет: «Рабочий класс Белоруссии проявил огромную выдержку, героизм и понимание государственного долга. Врагу остались безлюдные, покинутые жителями города». (В статье «Всегда с народом» в 1984 г. Пономаренко пишет, что из республики было эвакуировано лишь 1,5 млн. человек). Когда номер этой газеты попал в оккупированный Минск, подпольщики негодовали, считали это клеветой на честных людей, называя их предателями.

По логике Пономаренко и его единомышленников выходило, что поскольку врагу достались «безлюдные города», то откуда могла возникнуть массовая антифашистская борьба, да ещё созданные подпольные горкомы, райкомы руководящие этой борьбой. Не иначе как это подставные организации. К тому же, подпольный горком самообразовался и никем из вышестоящих парторганов не утверждался. С этим ни Пономаренко, как 1-й секретарь ЦК КПБ, ни В. И. Козлов, направленный ещё 7 июля 1941 года первым секретарём Минского подпольного обкома партии, примириться не могли и не хотели.

Это были основные причины объявления Минского подполья «подставным центром, а подпольщиков – «вражескими агентами».

Безусловно, нацистские службы безопасности активно боролись с подпольем и засылали в его ряды свою агентуру. Это было известно подпольному горкому и принимались возможные меры. Например, секретарь подпольного горкома И. Казинец («Победит») в начале 1942 года обратил внимание командира 208 партизанского отряда В. И. Ничипоровича на засылку гестапо своих людей в отряды и предложил ряд мер по предотвращению этого.

Этот вопрос также рассматривался в мае 1942 года на совещании актива подпольщиков (14 человек), на котором анализировались причины массового провала, приняты «Организационные принципы и структура подпольной парторганизации», определён второй состав горкома в количестве 5 человек во гла-

ве с И. К. Ковалёвым. Особое внимание было обращено на установление связи с ЦК Компартии Белоруссии.

Подпольщики искали эту связь любыми способами и только в августе 1942 года они узнали, что в Любанском районе в 220 км от Минска, находится Минский подпольный обком партии.

Организатор партизанского отряда, вступивший в бой с оккупантами уже 28.06.1941 года, бывший командир Пинского партизанского соединения, Герой Советского Союза Корж Василий Захарович в своём дневнике так описывает встречу с членами подпольного обкома: «...В. И. Козлов, Мачульский и другие, или как они именовались тогда «семёрка» продолжали сидеть в глухом лесу... и не более того...».

Корж послал группу партизан на подводах с предложением приехать в штаб отряда. «Когда члены «семёрки», писал Корж, «прибыли к нам в штаб в д. Загалье, то выглядели они далеко не по-боевому: все были нечесаны небриты а их длинные бороды стали похожи на апостольские.» Вот с этого момента семерка собственно и начала общаться с партизанами. А это был уже февраль 1942 года.

Для связи в Любанский лес горком партии послал 2 коммунистов:

- Анну Езубчик, члена Сталинского райкома и руководителя группы Минского гетто по связи с русским районом,
- Хасю Менделевну Пруслину с документами на имя Палагеи Петровны Федюк.

О размахе подделки паспортов подпольными организациями в Минске видно из хранящейся в архиве института истории при ЦК КПБ оперативной сводки полиции безопасности и СД: «...количество поддельных документов только в Минске оценивается примерно в 1000. За эти подделки до настоящего времени арестовано 54 человека, из которых 30 расстреляно. Кроме них, в декабре 1941 года и январе 1942 года были расстреляны ещё 120 евреев, которые сами или через посредников принимали участие в подделке паспортов». (Сборник документов и материалов. Минск, «Беларусь», 1987 г. «В непокоренном Минске»).

Преодолев длинный, трудный и опасный путь, 11 сентября 1942 года добрались до обкома, где их вначале встретили очень хорошо. В. И. Козлов в этот же день сообщил начальнику ЦШПД П. Пономаренко о прибытии в обком связных Минского подпольного горкома А. А. Езубчик и Х. М. Пруслиной и запросил дальнейшие указания.

Хася Пруслина писала в своих воспоминаниях: «Секретари обкома несколько раз с нами беседовали, внимательно выслушивали... В своём отчёте мы написали о положении в оккупированном Минске и о деятельности Минской подпольной организации.... Затем в штаб области прилетел секретарь ЦК КПБ Ганенко И. П. и началось что-то неожиданное и тревожное. Ганенко встретил нас недружелюбно. Он не хотел нас слушать... Откуда такая тенденциозность, неприязнь, даже ненависть... После приезда Ганенко отношение к нам резко изменилось. Мы попали в опалу. За нами стали следить. По существу, мы были арестованы, а позже, в сопровождении работника особого отдела Ивана Библика, отправлены по этапу в партизанскую бригаду имени Ворошилова. Это был удар по Минскому подполью. Этот первый удар Ганенко И. П. обрушил на наши головы – на Езубчик А. А. и на меня – как представителей Минского горкома».

Журнал «Коммерсантъ Власть» (№ 442 от 22.10.2012) пишет, что в январе 1943 г. белорусские партизаны расстреляли 36 человек: две разведгруппы ГРУ и минских подпольщиков, которые, в соответствии с директивой Пономаренко, были приняты за агентов врага.

Так, в приведённом в журнале документе главного разведуправления Красной Армии от 13 февраля 1958 года говорилось: «18.04.42 г. нами была перебросена в район Минска разведгруппа, возглавляемая Барсуковым Л. А., с задачей разведки войск противника. В декабре 1942 года в связи с создавшейся в Минске обстановкой, во избежание ареста и провала, Барсуков и другие разведчики были вынуждены уйти в лес в партизанский отряд, где 14.01.43 г. были расстреляны как агенты гестапо командиром

партизанской бригады «Штурмовая» Луниным и начальником особого отдела бригады Беликом... В настоящее время Главной военной прокуратурой установлено, что Барсуков Л. А. и другие расстрелянные разведчики являлись патриотами Родины и честно выполняли данное им задание. Лунин и Белик были осуждены военным трибуналом 22.07.1957 г. за необоснованный и незаконный расстрел группы разведчиков».

Расстреляны были и другие разведчики, покинувшие Минск по подобным обстоятельствам.

Партийная комиссия ЦК КПСС, созданная в 1960 году после многочисленных обращений бывших минских подпольщиков, обнаружила письмо Пономаренко от 14.12.1942 года на имя заместителя наркома внутренних дел СССР. В письме высказывается предложение о том, что минский подпольный комитет горкома партии был подставным, созданным для выявления и ареста партизан и советского актива и что существовавший при горкоме военный совет был провокационным. Партийная комиссия отвергла это предположение, основываясь на документы и результаты следствия. («Коммерсантъ и Власть», 22.10.2012).

Таким образом, основываясь только на предположении, расстреливались разведчики и подпольщики. В материалах протокола комиссии приведено 25 невинно пострадавших активных участников минского подполья, оклеветанных как агенты гестапо.

Например, командир батальона капитан Никитин Николай Михайлович (Штейнберг Берл Менделевич) был контужен в бою с нацистами в начале войны и попал в плен. Через 10 дней ему удалось убежать и добраться до Минска. В феврале 1942 года он связался с подпольем, где ему справили документы на имя Никитина Н. М. В военном совете партизанского движения (ВСПД) он возглавил разведку и связь. По заданию Минской подпольной организации (рук. И. Казинец) Никитин был отправлен в Узденский район для объединения мелких групп в партизанский отряд. Отряд был создан и позднее вырос в пар-

тизанскую бригаду, которую возглавил сам Никитин. Бригада нанесла немцам огромный урон в живой силе и технике. В начале 1943 года Никитин был арестован и осуждён на 15 лет. Следствие по его делу тянулось более полутора лет. Никитин (Штейнберг) обвинялся в том, что был завербован немцами в плену. В НАРБ хранится письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову от 10 апреля 1953 года: «...я отбыл срок наказания с учётом рабочих дней, за 10 дней плена – 15 лет исправительно-трудовых лагерей, несмотря на то, что я никогда не был и не буду изменником Родины. Прошу понять, что я им не мог быть. Боевые успехи в проведенных 72 боях в тылу врага с непосредственным моим участием говорят сами за себя...» Н. Никитин не дождался своей реабилитации. Он умер в июне 1957 года в г. Магадане. А через два месяца Военная прокуратура СССР реабилитировала его «за отсутствием состава преступления».

Полковник Нечипорович В. И., командир 206 мотомехдивизии, с помощью ВСПД связался с подпольным горкомом партии и совместно с ним создал партизанский отряд (в последующем партизанский полк) и командовал им. Партизаны полка совершали дерзкие налеты на немецко-фашистские гарнизоны, уничтожали вражеские эшелоны, автоколонны и живую силу. Нечипорович был вызван за линию фронта и в Москве ему было присвоено звание генерал-майора. В 1943 году он был арестован и умер в тюрьме. Реабилитирован после смерти.

Григорьев К. Д. – начальник Главнефтесбыта БССР – был членом первого состава подпольного горкома г. Минска. Был арестован в 1944 году. Долго сидел в одиночке МГБ БССР. Реабилитирован.

Барановский Л. С. – один из активных участников минского подполья и партизанской бригады под командованием Никитина. Был арестован в январе 1943 года и осуждён сроком на 8 лет. Реабилитирован.

Гвоздев А. М. работал старшим оперуполномоченным НКВД СССР в звании капитана. Был комиссаром в бригаде Никитина.

Арестован в декабре 1942 года и осуждён сроком на 10 лет. Реабилитирован.

Как видим, главный «грех» – это связь с минским подпольным комитетом партии.

Директива Пономаренко отразилась самым трагическим образом на многих еврейских судьбах. Наиболее «внушающими сомнение» для многих партизан были евреи, вызывающие недоверие уже самим фактом выживания и бегства из гетто с помощью подполья или без него. К тому же сказались и распространённые слухи и домыслы о том, что среди беженцев из гетто якобы находятся агенты, завербованные немцами для выполнения разведывательных и диверсионных заданий.

Так, в своей книге «Минское гетто» Гирш Смоляр описывает трагический случай, очевидцем которого он был. Вместе с адъютантом Тевье Шимановичем из партизанской бригады имени Жукова они увидели на берегу реки Нёман тела нескольких еврейских женщин, спасшихся бегством от нацистов и переплывшим реку. У самого берега они были расстреляны партизанами. Когда Смоляр спросил у представителя Белорусского штаба партизанского движения В. Царука за что их убили, то получил такой ответ: «Надёжные источники нас предупредили, что гестапо выслало группу женщин подсыпать отраву в наши котелки. Что сделаешь, мы на войне...». Разбираться в достоверности «надёжных источников» естественно не стали.

По аналогичной причине был расстрелян узник гетто бывший студент медицинского института Яков Рубенчик. Фаина Рыжикова-Эльман, бывшая узница Радошковического гетто и партизанка отряда имени Котовского, рассказывала, что перед вторым погромом 7 марта 1943 года, когда гетто было окружено и всем было приказано явиться на регистрацию, ей удалось убежать в лес. Там она и другой узник Шимон Гордон встретили партизан, которые проводили их в деревню Ловцевичи, где уже было 10 евреев, убежавших из гетто. Они недолго радовались успешному побегу и встрече с земляками. Партизаны заподозрили в них немецких шпионов, за что их должны были каз-

нить. В последний момент, когда подъехали какие-то всадники и переговоры с партизанами, казнь была отменена.

Командир партизанского отряда Евгений Миранович поведал журналисту Г. Розинскому такой случай. Однажды он с двумя партизанами встретил на лесной дороге группу оборванных людей – евреев под конвоем партизан из соседнего отряда. На вопрос к старшему группы, куда их ведут тот ответил, что командир приказал отвести их подальше в лес и пустить в расход. Миронович снял с груди ручной пулемёт и скомандовал отпустить их. Он забрал освобождённых евреев в свой отряд. Это были молодые парни, которые после побега из гетто напоролись на командира-антисемита. Воевали они лучше всех. После пережитого в гетто они ничего не боялись.

После освобождения Минска гонения и клевета на минских подпольщиков не прекратилась. Х. Пруслина в своих воспоминаниях пишет: «отношение к подполью было таким, что люди боялись называть себя бывшими подпольщиками». Пономаренко вместе с министром внутренних дел БССР Цановой начал кампании репрессий тех, кто не по своей воле оказался на оккупированной территории, считая их потенциальными предателями.

Х. Пруслина пишет: «...главным противником признания минского подполья 1941–42г.г. был Пономаренко. Его мнение рьяно отстаивал Козлов В. И. Упорство Козлова можно объяснить тем, что эта линия укрепляла его личный авторитет». После войны Пруслина, будучи лектором горкома партии и преподавателем истории СССР в высшей партийной школе, часто встречалась с Козловым, который был первым секретарём минского обкома партии и слушателем этой школы. Она пишет: «Когда я поднимала вопрос о признании минского подполья, он отвечал мне как по шпаргалке «никакого подполья в Минске не было. Всё, что вы называете коммунистическим подпольем, было затеей гестапо. Вся организационная борьба против оккупантов шла от меня. Я руководил всем подпольем и партийным движением в Минской области»».

Она рассказывает, что когда в 1945 году была создана комиссия из 8 человек под её председательством, в которую вошли А. Езубчик, Г. Смоляр и другие, по подготовке доклада горкому партии по отчётам бывших подпольщиков, то: «Мы не успели закончить работу, как вдруг этот материал затребовал Козлов... Мы эти документы больше не увидели и нас больше не собирали».

Как писали в 1959 году в ЦК КПСС, бывшие минские подпольщицы: «...Пономаренко и Козлов стали на путь обмана партии.... Они ничего не сделали, чтобы связаться с Минском для создания подпольной организации в Минске...»

«Поэтому не случайно, что Козлов в своей книге «Люди особого склада» ни слова не говорит о героических делах минских подпольщиков. Зато он восхваляет себя и своих приближённых... Многие из наших товарищей пали смертью храбрых, замучены в гестаповских застенках. Среди них наши мужья, братья и дети. Они заслужили, чтобы о них знал наш народ... Правда, в конце 1943 года ЦК КПБ прислал 3 товарища... для создания подпольного горкома в Минске. Эти товарищи всё время находились в лесу, в Минске до его освобождения не были и большой роли в организации подпольной работы сыграть не могли. Зато Козлов В. И. в своих выступлениях приписывает этому горкому все героические дела подпольной организации города Минска 1941–1942 годов».

Одной из причин непризнания минского подполья 1941–1942 годов явилось то, что оно было организовано по инициативе рядовых коммунистов и без указаний вышестоящих партийных органов.

То ли подпольный горком конца 1943 года. Он был воссоздан по всем большевистским канонам.

Минский подпольный обком партии обратился в ЦК с предложением о воссоздании подпольного горкома партии. 4 октября 1943 года ЦК КПБ утвердил предложение обкома о составе руководства подпольного горкома партии. Минский под-

польный горком располагался не в самом городе, как это было раньше, а в лесу, в местах базирования партизан.

Что касается книги «Люди особого склада», то в 1951 году, став председателем Президиума Верховного Совета БССР, Козлов решил опубликовать свои воспоминания. Зная, как высока среди партизан репутация Героя Советского Союза, легендарного партизанского командира Василия Захаровича Коржа, Козлов попросил его высказать замечания по книге. Однако Корж 23 января 1952 года отправил ему письмо с такими гневными строками: «Что же заставляет Вас так врать на всю Белоруссию? Неужели Вы полагаете, что народ наш не научился различать правду от лжи? «.

Единственный уцелевший организатор и руководитель подполья в гетто Г. Смоляр вместе с группой активистов в первые месяцы после войны собрал сведения об участии евреев Минска в подпольном и партизанском движении.

После тщательного анализа был составлен подробный отчёт и передан в ЦК КПБ. Все эти материалы закрыли в партийный архив почти на 50 лет.

В 1947 году в Москве издательством «Дер Эмес» выпущена книга Г. Смоляра «Мстители гетто», основу которой составил указанный выше отчёт. Но вскоре книга была изъята из обращения.

Положение евреев, вернувшихся в город из партизанских отрядов, фронта и эвакуации, было крайне тяжёлым. В большинстве случаев это были одиночки, родственники которых погибли в гетто, умерли в эвакуации и не вернулись с фронта. Немногочисленные уцелевшие дома и квартиры, в которых они жили до войны, заняли другие люди, в том числе руководящие партийно-советские и хозяйственные работники, которые отказывались возвращать их законным владельцам.

В связи с обращениями бывших подпольщиков и партизан Г. Смоляр направил письмо первому секретарю ЦК КП (б) Б Пономаренко П. К. с просьбой проведения ряда мер помощи людям, попавшим в бедственное положение. Однако руководя-

щих работников ЦК, прежде всего, волновали разногласия между подпольем гетто и города, об основании военного совета параллельно горкому и т. д. Они обращали внимание на факты, которые можно было истолковать негативно и этим как-то подтвердить характеристику минского подполья и организации, связанные с ним, как провокационные.

Дело о признании минского подпольного комитета 1941–1942 гг., несмотря на поток заявлений его участников, сдвинулось с мёртвой точки лишь после того, как Пономаренко был отправлен на дипломатическую работу, а Козлов освобождён от председательствования в комиссиях по рассмотрению вопросов о признании минского подполья 1941–1942 гг.

Только через 20 лет после освобождения Минска были реабилитированы многие подпольщики, павшие в борьбе с оккупантами. Вернулись немногие уцелевшие в ГУЛАГе, невинно осуждённые участники антифашистского сопротивления г. Минска. Состоялись массовые награждения участников минского подполья. Пятерым из них, в том числе Исаю Казинцу, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О реакции Пономаренко на всё это можно судить по его книге «Всегда с народом», опубликованной в сборнике «Партийное подполье в Белоруссии» (издательство «Беларусь» 1984 г.).

Вот что он в ней пишет: «Быстрое продвижение фашистских войск не дало возможности провести организованную эвакуацию жителей многих городов и деревень. В тыл было отправлено лишь около 1,5 миллиона человек» (раздел 1). В номере газеты «Правда» от 9 января 1942 года Пономаренко писал: «...Рабочий класс Белоруссии проявил огромную выдержку, героизм и понимание государственного долга. Врагу остались безлюдные, покинутые жителями города». (Всего в Белоруссии до войны проживало 10,5 миллионов человек).

В книге: «Во второй половине июля 1941 года партизанский отряд «Красный Октябрь» под командованием Т. П. Бумажкова, совместно с воинским подразделением полковника Л. В. Курмашёва, напал на штаб немецкой дивизии и разгромил его,

уничтожив 78 фашистов. Партизаны захватили 55 автомашин, 18 мотоциклов, пулемёты, винтовки, боеприпасы, спасли от расстрела 10 коммунистов» (Раздел 2).

В докладной Сталину (не позднее 12 июля 1941 года) «О положении в Белоруссии»: «Партизанский отряд под командой секретаря Октябрьского райкома КП (б) Б Бумажкова подстерёг в лесу остановившуюся колонну танков врага, стремительно напав, он завладел всеми 18-ю танками и сжёг их».

В книге: «Одной из ярких страниц этой героической эпопеи является Минское подполье. В течение 1100 дней и ночей Минск оставался непокорённым. Под руководством горкома партии при активной поддержке жителей столицы боролась многочисленная армия патриотов. Партийное подполье города сыграло большую роль и в развитии партизанского движения на территории республики» (раздел IV).

В директиве № 215 от 4 ноября 1943 года: «Немецкая разведка в Минске организовала подставной Центр партизанского движения с целью выявления партизанских отрядов, засылки в них от имени этого центра предателей... Этот центр партизанскими отрядами Минской зоны разоблачён...» и т. д. и т. п.

К чему привела эта Директива Пономаренко описано выше в этой главе.

Таким образом, многие официальные доклады и записки Пономаренко («О положении в Белоруссии», «Итоги эвакуации из Белоруссии», «О росте партизанского движения в Белоруссии» и др.) были далеки от реальной действительности и носили дезинформационный характер. Однако, несмотря на военное положение, ему всё сходило с рук. Кроме того, необоснованно обвинив минских подпольщиков как «вражеских агентов», им оставили выбор: быть уничтоженными гитлеровцами, или, как предатели, партизанами. Затем, как ни в чём не бывало, Пономаренко заявляет, что минское подполье в течение всего периода оккупации героически боролось против гитлеровских оккупантов.

Нельзя не отметить, что значительное место в моём рассказе занимает негативная деятельность П. К. Пономаренко. Можно было ограничиться меньшим, но мне хотелось подчеркнуть, как он в своё время непосредственным образом повлиял на мою жизнь и жизни моих близких и других людей.

Не знаю как другие, но для себя я уяснил, что это был страшный человек, от действий которого пострадали не только евреи, но и представители других народов. Как это ни странно, но ещё не перевелись люди, которые забыли все, что было и подчас тоскуют по сталинским и пономаренковским временам.

Заключение

Мне 88 лет. Можно сказать, что жизнь прошла. В ней были радости и огорчения. Особенно запомнились военные и первые послевоенные годы, которые оказались страшными, жестокими и судьбоносными. Моих сверстников война лишила юности и молодости. Об этом я пытался рассказать без претензий на истину в последней инстанции.

И всё же, несмотря на всё это, мне в жизни повезло. Я встретил прекрасную женщину Цилю (да будет благословенна её память), с которой счастливо прожил более 40 лет. У нас отличные дети, внуки и правнуки, а также отношения с родными и близкими.

У меня была интересная работа, с которой я неплохо справлялся и кое-чего добился, нормальные отношения с сослуживцами.

За сорокалетнюю работу в системе Госбанка СССР, из которых почти 30 лет в должностях начальника кредитного отдела Радошковического отделения Госбанка и начальника планово-экономического отдела Минской областной конторы Госбанка, я был поощрён почти всем, что было в арсенале Госбанка, в том числе и персональной надбавкой к должностному окладу.

Хорошие отношения сложились с представителями советской власти. Я часто консультировал их по банковским и другим вопросам. Был награждён Грамотой Верховного Совета БССР. Минский облисполком установил мне персональную пенсию областного значения.

С функционерами же партии отношения не сложились и почти всегда были натянутыми. Дело в том, что в системе Госбанка существовал строгий контроль за надлежащим исполнением инструкций и правил кредитования и расчётов, изданных в соответствии с постановлениями ЦК партии и Совмина СССР.

Многие ответственные работники партийных органов открыто декларировали свою позицию о том, что наверху, в отличие от них, не знают реальное положение дел на местах. Поэтому требовали от учреждений Госбанка выполнять их указания, даже если они шли в разрез с постановлениями партии и правительства.

Естественно, что как человек, отвечающий за организацию и соблюдение правил совершения кредитно-расчётных операций, я сопротивлялся этому как мог. Конечно не просто так, из прихоти, а во избежание строгой ответственности в последующем.

За время работы я знал некоторых руководителей хозяйственных органов, которые лишались работы или привлекались к уголовной ответственности за преступления, совершённые под нажимом партийных работников, несмотря на их обещания оградить при необходимости от строгого административного или уголовного наказания. В ряде случаев, когда наступало время держать ответ, то те, кто заставлял нарушать закон отказывались от своего участия в этих неблагоприятных делах или уже не были у власти. Моё поведение, конечно, вызывало всякие нарекания, придирки и пакости. Например, когда меня перевели из района в Молодечненскую облконтору Госбанка, несколько месяцев райком не снимал меня с партучёта, т. е. бойкотировал перевод.

В соответствии с действовавшей практикой ряд ходатайств и представлений подлежал согласованию с экономическим отде-

лом обкома партии. Зачастую представления конторы Госбанка на меня обком отказывался визировать по разным причинам, в том числе и в связи с не принадлежностью к титульной или коренной национальности. Я относился к этому более или менее спокойно, поскольку считал это объективной действительностью. И как тогда говорили: «Лишь бы не было войны!»